

**ЕВРОПЕЙСКАЯ КОНВЕНЦИЯ
О ЗАЩИТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА
И ОСНОВНЫХ СВОБОД**

Статья 10.

**Право на свободу выражения
своего мнения**

МОСКВА

*Моника Маковей
Е.А. Чефранова*

Европейская Конвенция
о защите прав человека и основных свобод

**Статья 10.
Право на свободу выражения
своего мнения**

Прецеденты и комментарии

МОСКВА
2001

Авторы:

Г-жа **Моника Маковой**, которая живет в Бухаресте (Румыния), — бывший прокурор, а сейчас член Координационного комитета Совета Европы по вопросам, касающимся средств массовой информации. Будучи специалистом по Статье 10 Европейской Конвенции по правам человека, она преподает в Национальном институте журналистики и является практикующим адвокатом, специализирующимся в области прав человека. Она занималась целым рядом дел, касающихся свободы слова и меньшинств, в Европейском Суде по правам человека в Страсбурге. У нее много публикаций в восточноевропейских юридических журналах по вопросам Европейской Конвенции по правам человека.

Елена Александровна Чефранова,
вице-президент Российской правовой академии
Министерства юстиции Российской Федерации, профессор

Пособие, подготовленное для российских судей, призвано ознакомить с практикой Европейского Суда по правам человека по применению статьи 10 Европейской Конвенции, закрепляющей право гражданина на свободу выражения своего мнения.

*Издание финансируется в рамках Совместной программы
Европейской Комиссии и Совета Европы
при поддержке Правительства Соединенного Королевства*

ISBN 5-93916-004-2

© Моника Маковой, 2001
© Е.А. Чефранова, 2001
© Российская академия правосудия, 2001

ВВЕДЕНИЕ

Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод является наиболее важной формой выражения приверженности государств-членов Совета Европы ценности демократии, мира и справедливости, а также соблюдению фундаментальных прав и свобод всех лиц, живущих в их странах¹.

Европейская Конвенция о защите прав человека (в дальнейшем именуемая – Конвенция) была подписана 4 ноября 1950 года в Риме. На протяжении последних пятидесяти лет основные принципы, заложенные в Конвенции, получили свое дальнейшее развитие, благодаря их интерпретации Европейским судом по правам человека и Европейской Комиссией по правам человека², деятельности Совета Европы, который, в свою очередь, принял ряд дополнительных протоколов, расширивших сферу действия Конвенции, резолюций и рекомендаций, определяющих стандарты поведения государств-членов, а также вводил санкции в отношении государств, не выполняющих положения Конвенции.

Российская Федерация ратифицировала Конвенцию согласно Федеральному закону № 54-ФЗ от 30 марта 1998 г.

Часть 4 ст. 15 Конституции РФ 1993 г. определяет правовой статус международных договоров, ратифицированных Российской Федерацией. Согласно тексту Конституции подобные договоры, а также общепризнанные принципы международного права являются частью внутреннего законодательства. Кроме того, если международным договором установлены иные правила, чем предусмотренные законом РФ, то применяются правила международного договора. Таким образом, Европейская Конвенция о защите прав человека является составной частью правовой системы РФ и имеет обязательный характер для судов и официальных органов власти. Из этого также следует, что все лица в Российской Федерации наделены правами и обязанностями, закрепленными в Конвенции, так что они могут

¹ Введение в Европейскую Конвенцию о правах человека – сборник текстов, Совет Европы, 1994 г.

² В соответствии с Дополнительным Протоколом №11, Европейская Комиссия и Европейский Суд были объединены в один орган – Европейский Суд по правам человека.

непосредственно требовать применения ее положений и прецедентного права в рамках внутренней судебной процедуры, и что суды должны их применять. Более того, суды должны отдавать приоритет Конвенции и ее прецедентному праву над любым внутренним законом, противоречащим им.

Текст Конвенции нельзя рассматривать отдельно от ее прецедентного права. Действие Конвенции основано на системе общего права. Решения Европейского суда по правам человека (в дальнейшем именуемом – Суд) объясняют и интерпретируют ее текст. Они являются прецедентами, обладающими обязательной юридической силой, их юридический статус равноценен статусу обязательных юридических норм. Таким образом, в случае ратификации Конвенции, государственные органы всех стран-участниц, включая и тех, в которых принята система гражданского (континентального) права, должны рассматривать решения Суда в качестве обязательного юридического закона. Вот почему данное пособие в значительной степени посвящено практике Европейского суда. В этой связи, необходимо отметить, что в настоящее время даже для традиционных гражданских правовых систем характерно применение смешанного типа права, включающего в себя элементы гражданского и общего права, в котором судебной практике отводится не менее значимое место, чем законам, принимаемым Парламентом.

Толкование текста Конвенции является динамичным и эволюционным процессом, представляющим Конвенцию в качестве живого инструмента, который может интерпретироваться в свете актуальных событий. Соответственно, на работу Суда оказывают (и должны оказывать) свое влияние обстоятельства и стандарты, общепризнанные в государствах-членах Совета Европы. Основопологающим принципом, заложенным в Конвенции, является то, что первоначальная и главная ответственность за соблюдение закрепленных в ней прав возлагается на государства-участников Конвенции. Задача Суда – следить за действиями государств, осуществляя при этом свое право на пересмотр решений государственных органов. Понятие «поле усмотрения» может применяться в разной степени, и свобода усмотрения, дозволяемая различным государствам, варьируется в зависимости от ситуации. Государству может предоставляться значительное поле усмотрения в случае

чрезвычайного положения (ст. 15 Конвенции) или в тех вопросах, по которым у государств-участников Конвенции мало общего. В некоторых областях поле усмотрения может быть сокращено практически до минимума, как, например, в сфере защиты свободы выражения своего мнения.

Цель данного пособия – помочь судьям всех уровней в том, чтобы все дела, касающиеся свободы выражения своего мнения, рассматривались в соответствии с обязательствами, принятыми Российской Федерацией по ст. 10 Конвенции, положения которой получили свое применение и развитие в практике Суда в Страсбурге.

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ, КАСАЮЩИЕСЯ СТАТЬИ 10

В условиях эффективно действующей демократии и соблюдения прав человека, упомянутых в Преамбуле Конвенции, свобода выражения своего мнения не только важна сама по себе, но она играет и центральную роль в деле защиты других прав, закрепленных в Конвенции. Без четкой гарантии права на свободу выражения, охраняемой независимыми и беспристрастными судами, не может существовать свободное государство, не может существовать демократия. Это общее положение представляется бесспорным³.

Свобода выражения своего мнения является как самостоятельным правом, так и компонентом других прав, защищаемых Конвенцией, как, например, свобода собраний. В то же время, свобода выражения может вступать в противоречие с другими правами, охраняемыми Конвенцией, такими, как право на справедливое судебное разбирательство, на уважение частной жизни, на свободу совести и религии. В случае возникновения подобных противоречий Суд старается найти компромисс, своего рода золотую середину, при определении преобладания одного права над другим. В балансе сталкивающихся интересов, одним из которых является свобода выражения, как правило, учитывается важность последней. Например, в деле *Хэндисайд против Соединенного Королевства* Суд заявил: «Свобода выражения составляет одно из существенных оснований демократического

³ Йохен Абр.Фровайн. Свобода выражения своего мнения в Конвенции о защите прав человека. Монитор/Инф. (97)3, Совет Европы.

общества, одно из главных условий, необходимых для его прогресса и для развития каждого человека». Или «Пресса играет определяющую роль в правовом государстве»⁴. Защита свободы выражения является существенным условием демократического политического процесса и развития каждого человека.

Принципиально и то, что действие ст. 10 касается защиты любой формы выражения, независимо от его содержания, осуществляемого отдельным лицом, группой лиц или средствами массовой информации. Единственное ограничение, наложенное Комиссией в отношении содержательного аспекта, было связано с распространением идей, пропагандирующих идеологию нацизма, отрицающих трагедию массового уничтожения еврейского народа и направленных на разжигание нетерпимости и расовой дискриминации. Основываясь на ст. 17 Конвенции, Комиссия постановила, что свобода выражения не может использоваться в целях упразднения прав и свобод, гарантированных Конвенцией⁵. Подобные решения основаны на так называемом «парадоксе терпимости», согласно которому абсолютная терпимость может привести к распространению идей, призывающих к нетерпимости, что, в свою очередь, может подорвать самый принцип терпимости.

Государства вынуждены обосновывать любое ограничение, налагаемое ими на любую форму выражения. Для того чтобы принять решение о степени защиты той или иной конкретной формы выражения, Суд принимает во внимание тип выражения (политический, коммерческий, артистический и т.д.), средства его распространения (личные, печать, телевидение и т.д.) и аудиторию, на которую оно направлено (взрослые, дети, все население, конкретная группа). Даже «правдивость» выражения имеет различную степень важности в зависимости от этих критериев.

В процессе принятия решений Суд в Страсбурге учитывал национальный конституционный опыт, включая и американскую конституционную практику, обеспечивающую максимальную защиту свободы выражения своего мнения. Тем не менее, внутренние решения, вне зависимости от их юрисдикции, могут лишь в ограниченной степени быть полезными для такого международного органа, каковым является Суд, деятельность

⁴ Кастеллс против Испании, 1992; Прагер и Обершлик против Австрии, 1995.

⁵ Кюхнен против Федеративной Республики Германии, Доклад Комиссии, 12 мая 1988; D.I. против Германии, Доклад Комиссии, 1996.

которого основана на толковании и применении международного договора. В некоторых случаях Суд и Комиссия делали ссылки на Международный пакт о гражданских и политических правах и другие международные договоры, гарантирующие свободу выражения своего мнения.

Статья 10 Конвенции состоит из двух частей:

- В первой содержится определение гарантированных свобод;
- Во второй – перечислены условия, при которых государство может законным образом наложить ограничения на свободу выражения своего мнения.

ЗАЩИТА СВОБОДЫ ВЫРАЖЕНИЯ СВОЕГО МНЕНИЯ

(часть 1 ст. 10 Конвенции)

«Каждый имеет право на свободу выражения своего мнения. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ. Настоящая статья не препятствует государствам осуществлять лицензирование радиовещательных, телевизионных или кинематографических предприятий».

Что гарантирует часть 1 ст. 10 Конвенции?

Во-первых, ст. 10 защищает свободу выражения своего мнения, которая включает в себе риск нанесения ущерба или прямо ущемляет интересы других людей. Как правило, мнения, разделяемые большинством или многочисленной группой людей, не подвергаются риску вмешательства со стороны государства. Именно по этой причине ст. 10 также охватывает и защиту информации и мнений, выраженных немногочисленными группами или отдельным лицом, даже если подобное выражение может шокировать большинство. Терпимость по отношению к частным мнениям является важным элементом демократической политической системы. Выражая осуждение тирании большинства, Джон Стюарт Милль писал: «если бы все человечество за исключением одного человека придерживалось одинакового мнения, то оно заслуживало бы не большего оправдания в своих усилиях заставить замолчать этого единственного индивида, чем он сам, будь он наделен

властью, мог быть оправдан в своей попытке заставить замолчать все человечество»⁶.

В этом отношении Суд заявил, что ст. 10 защищает не только «информацию или идеи, которые принимаются благожелательно или расцениваются как безвредные или принимаются с безразличием, но и те, которые оскорбляют, шокируют или вызывают беспокойство со стороны государства или какой-либо части населения. Это – требования плюрализма, терпимости и широты взглядов, без которых не существует демократического общества»⁷.

Термин «выражение» не ограничивается лишь свободой слова, письменного или устного, но охватывает также область живописи⁸, образов⁹ и действий, связанных с выражением идей или передачей информации. В некоторых обстоятельствах даже форма одежды может подпадать под действие ст. 10¹⁰. Более того, ст. 10 защищает не только содержание информации или идей, но и форму, в которой они выражены. Таким образом, печатные материалы¹¹, радиовещание¹², произведения живописи¹³, фильмы¹⁴ или электронные информационные системы подпадают под действие данной статьи. Из этого следует, что средства производства, передачи и распространения информации и идей находятся под защитой ст. 10, и Суд должен учитывать фактор быстрого прогресса в развитии этих средств во многих областях.

Статья 10 не охватывает *право на голосование*. Данное право рассматривается в качестве одного из элементов, входящих в обязанность государства проводить «с разумной периодичностью свободные выборы путем тайного голосования в таких условиях, которые обеспечивали бы свободное волеизъявление народа при выборе законодательной власти»¹⁵.

⁶ «О свободе» (1859); изд. «Пенгвин Классикс», 1985, с. 76.

⁷ Хэндисайд против Соединенного Королевства, 1976; Лингенс против Австрии, 1986; Обершлик против Австрии, 1991.

⁸ Мюллер против Швейцарии, 1988.

⁹ Корхер против Австрии, 1993.

¹⁰ Стивенс против Соединенного Королевства, 1986.

¹¹ Хэндисайд против Соединенного Королевства, 1976.

¹² Гроппера Радио АГ и др. против Швейцарии, 1990.

¹³ Мюллер против Швейцарии, 1986.

¹⁴ Институт Отто-Премингер против Австрии, 1994.

¹⁵ Ст.3 Дополнительного Протокола No.1 к Конвенции

Свобода выражения своего мнения включает в себя свободу в негативном понимании этого слова, т.е. свободу не делать никаких заявлений. Комиссия сослалась на данное право в деле *К. против Австрии*, предоставив таким образом защиту заявителю от дачи самоинкриминирующих показаний в ходе уголовного разбирательства.

Страсбургские институты не выразили готовность включить вопрос о доступе к информации в сферу действия ст. 10. Например, в деле *Леандер против Швеции*¹⁶, заявитель стремился получить доступ к конфиденциальной информации, содержащейся в официальных документах, принадлежащих правительству. Он полагал, что ему было отказано в получении работы именно на основании информации, содержащейся в соответствующих документах, и желал оспорить данную информацию. Суд решил, что указанное дело не подпадает под действие ст. 10. Вместе с тем, несмотря на признание того, что вопрос о доступе к информации выходит за рамки ст. 10, Суд постановил, что данное право может быть защищено в соответствии с другими положениями Конвенции при определенных условиях. В деле *Гаскина*¹⁷ Суд усмотрел нарушение ст. 8, поскольку заявителю было отказано в доступе к информации, касающейся того периода его детства, когда он находился под опекой государства. Суд настаивал на важности этой информации для частной жизни заявителя. Тем не менее, Суд заявил, что «решение было достигнуто в условиях отсутствия какого-либо мнения о том, может ли всеобщее право на доступ к личным данным или информации проистекать из ст. 8 Конвенции». Суд, однако, постановил, что государства не должны своими действиями препятствовать получению доступной информации и доступу к ее источникам в целом¹⁸.

Кроме того, в Резолюции 428(1970) Парламентской Ассамблеи Совета Европы говорится, что право на свободу выражения «включает в себя право искать, получать, передавать, публиковать или распространять информацию, представляющую общественный интерес», и что обязанностью прессы является распространение общей и полной информации, касающейся общественно значимых вопросов.

¹⁶ Леандер против Швеции, 1987.

¹⁷ Гаскин против Соединенного Королевства, 1989.

¹⁸ Z. против Австрии, 1988.

Часть 1 ст. 10 включает три элемента, составляющих право на «свободу выражения»:

- Свободу придерживаться своего мнения;
- Свободу получать информацию и идеи;
- Свободу распространять информацию и идеи.

Указанными свободами можно пользоваться беспрепятственно, без вмешательства со стороны государственных органов¹⁹ и независимо от границ.

Свобода придерживаться своего мнения

Свобода придерживаться своего мнения является первичным условием для других свобод, гарантируемых ст. 10; ее защита имеет практически абсолютный характер, поскольку те возможные ограничения, которые перечислены в ч. 2, в данном случае неприменимы. Как заявил Комитет министров: «любые ограничения, налагаемые на данное право, несовместимы с природой демократического общества»²⁰.

Государства не должны пытаться подвергать своих граждан идеологической обработке, а также проводить различия между отдельными людьми на основании тех мнений, которых они придерживаются. Более того, содействие со стороны государства распространению односторонней информации может являться серьезным и неприемлемым препятствием для свободного выражения мнений.

Согласно положению о свободе придерживаться своего мнения лицам также гарантируется защита от возможных отрицательных последствий в тех случаях, когда им приписываются какие-то конкретные мнения на основании их публичных заявлений, сделанных в прошлом. Свобода придерживаться своего мнения также включает в себя гарантию против оказания давления на индивида с целью добиться от него высказывания своего мнения²¹.

Свобода распространять информацию и идеи

¹⁹ За исключением условий, содержащихся в ч. 2 ст. 10 Конвенции.

²⁰ Ван Дейк. и Ван Хооф. Клувер. Доклад Комитета министров / В сб. «Теория и практика Европейской Конвенции о правах человека», 1990. С.413.

²¹ Фогт против Германии, 1995.

Свобода распространять информацию и идеи имеет решающее значение для политической жизни и демократического устройства государства. Без этой свободы невозможны по-настоящему свободные выборы. Более того, полная реализация свободы распространения информации предполагает возможность свободной критики правительства, что является основным показателем свободного и демократического государства. Уже на раннем этапе своей деятельности, а именно в 1976 г., Суд заявил, что его надзорные функции «обязывают его с наибольшим вниманием относиться к принципам, характеризующим «демократическое общество». Свобода выражения своего мнения составляет одну из главных основ такого общества, одно из основополагающих условий для его прогресса и развития каждого человека»²². Свобода критиковать правительство была совершенно однозначно поддержана Судом в 1986 г.: на прессу возложена миссия «по распространению информации и идей по политическим вопросам, а также по другим проблемам, представляющим общественный интерес. Если на прессе лежит задача распространять такую информацию и идеи, то общественность, со своей стороны, имеет право их получать»²³. Совершенно очевидно, что свобода распространять информацию и идеи дополняет свободу получать информацию и идеи. Это верно как в отношении печатных средств информации, так и радио- или телевидения. Что касается последних, то Суд постановил, что государства не должны вмешиваться на стадии передачи и получения информации, поскольку обе стороны обладают правом вступать в прямой контакт друг с другом в соответствии с их желанием²⁴.

Статья 10 также гарантирует свободу распространять информацию и идеи экономического характера (так называемая коммерческая информация). Однако, Суд постановил, что в вопросах коммерческого характера национальные власти обладают более широким полем усмотрения²⁵.

²² Хэндисайд против Соединенного Королевства, 1976.

²³ Лингенс против Австрии, 1986.

²⁴ Гроппера Радио АГ против Швейцарии, 1990; Касадо Кока против Испании, 1994.

²⁵ Маркт интерн Верлаг ГмбХ и Клаус Бирман против Федеративной Республики Германии, 1989.

Создание художественного произведения или артистическое представление, а также их распространение рассматриваются Судом в качестве основополагающего вклада в обмен идеями и мнениями, основополагающего элемента демократического общества. Указывая на то, что артистическая свобода и беспрепятственное распространение произведений искусства ограничивается только в недемократических обществах, Комиссия заявила: «В своем творчестве художник выражает не только свое личное мировоззрение, но также и свое мнение о мире, в котором он живет. В этом отношении искусство не только помогает формировать общественное мнение, но также и является его выражением, и, следовательно, может ставить публику лицом к лицу с наиболее актуальными вопросами дня»²⁶.

Поскольку обсуждаемая здесь свобода относится к распространению как информации, так и идей, то уже на этой ранней стадии нашего анализа приобретает актуальность следующее различие, сделанное Судом. Проводя четкое различие между информацией (фактами) и мнениями (оценочными суждениями), Суд заявил, что «если наличие фактов можно доказать, то оценочные суждения не могут быть подтверждены доказательствами. ...Что касается оценочных суждений, то это требование невозможно удовлетворить, и оно нарушает свободу выражения своего мнения, которая является важнейшей частью того права, которое обеспечивается ст.10 Конвенции»²⁷. В то время как мнения представляют точку зрения или личную оценку события или ситуации, и их истинность не поддается доказательству, так главные факты, на которых основывается мнение, могут быть проверены на предмет их истинности или ложности. Так, в деле Далбана Суд заявил: «Представляется неприемлемым, чтобы журналиста лишали возможности высказывать критические мнения, даже если он (она) не могут доказать их истинность»²⁸.

Следовательно, наряду с информацией или данными, которые подлежат проверке, мнения, критические замечания или размышления, истинность которых проверена быть не может, также подпадают под действие ст. 10. Более того, оценочные суждения, в частности, в сфере политической

²⁶ Институт Отто-Премингер против Австрии, 1994.

²⁷ Лингенс против Австрии, 1986.

²⁸ Далбан против Румынии, 1999.

жизни пользуются особой защитой, что является необходимым условием плюрализма мнений, столь важного для существования демократического общества. Мнения, выраженные в резкой или несколько утрированной форме, также пользуются защитой; степень защиты зависит от контекста, в котором употреблено то или иное выражение, и от той цели, которую преследует критика. В вопросах, касающихся политической борьбы или представляющих общественный интерес, в ходе политических дебатов или предвыборных кампаний, или когда критика направляется на правительство, политических деятелей или государственные органы, резкие критические замечания не являются неожиданностью, и Суд будет относиться к ним с большей долей терпимости. Например, в деле Торгеирсона²⁹ Суд заявил, что хотя статьи, написанные журналистом, и содержали очень резкие выражения, тем не менее, это не может считаться чрезмерным, если принять во внимание их цель, а именно, призыв к реформированию полиции. Аналогично в деле Йерсилда³⁰ существенную роль сыграл тот факт, что интервью, содержащее расистские высказывания, было передано в серьезной программе новостей, поскольку цель программы заключалась в информировании серьезной аудитории о событиях, происходящих внутри страны и за ее пределами. В деле Далбана³¹, касавшемся журналиста, обвинившего политического деятеля в коррупции и разбазаривании государственных средств, Суд заявил, что «понятие «журналистская свобода» также позволяет прибегать к некоторому преувеличению и даже провокативности».

Проведение различия между фактами и мнениями и отсутствие требования доказательства истинности последних приобретают особое значение для национальных правовых систем, все еще предполагающих в делах, касающихся нанесения «оскорбления» в связи с выражением идей или мнений, наличие доказательства их истинности. Более того, даже в отношении фактов Суд признал приемлемыми оправдания, приводящие в качестве аргумента добросовестность намерений, предоставляя тем самым прессе

²⁹ Торгеирсон против Исландии, 1992.

³⁰ Йерсилд против Дании, 1994.

³¹ Далбан против Румынии, 1999.

«право на ошибку». Например, в деле *Далбана*³² Суд заявил, что «отсутствуют доказательства того, что описание событий, приведенное в статьях, было совершенно недостоверным и направленным на разжигание клеветнической кампании против GS...» В сущности, принятие оправданий, приводящих в качестве аргумента добросовестность намерений, заменяет необходимость доказательства их истинности. В том случае, если журналист или публикация имеют законные намерения, вопрос представляет общественный интерес, и были предприняты необходимые усилия по удостоверению фактов, пресса не должна нести ответственность даже в том случае, если эти факты окажутся недостоверными.

³² Там же.

Свобода получать информацию и идеи

Свобода получать информацию включает право сбора и поиска информации из всех возможных законных источников. Принцип свободы получать информацию также охватывает возможность доступа к международным телевизионным программам³³.

Наряду с тем, что свобода на получение информации и идей касается представителей средств массовой информации в смысле содействия их деятельности, направленной на доведение этой информации до сведения общественности, Суд также интерпретирует данное положение в смысле права общественности на получение информации, в частности, касающейся вопросов, представляющих общественный интерес.

Свобода печати

Несмотря на то, что в ст. 10 свобода печати прямо не упоминается, Суд разработал обширное прецедентное право, представляющее собой свод принципов и правил, гарантирующих прессе особый статус в пользовании правами по ст. 10. Вот почему мы полагаем, что вопрос о свободе печати заслуживает дополнительных комментариев. Другим аргументом в пользу более подробного освещения этого вопроса служат примеры национальной практики: в различных государствах в значительной степени жертвами нарушения права на свободу выражения со стороны официальных властей являются именно журналисты, а не другие категории населения.

Роль прессы в качестве «стража общества» была впервые признана Судом в деле *Лингенса* (1986). В ряде статей журналист критиковал тогдашнего Федерального канцлера Австрии за предпринятые им политические шаги, заключавшиеся в объявлении коалиции с партией, руководимой лицом с нацистским прошлым. Журналист (г-н Лингенс) назвал поведение канцлера «аморальным», «недостойным», демонстрирующим «низкопробный оппортунизм». После возбуждения канцлером дела против журналиста, австрийские окружные суды признали указанные заявления диффамацией и

³³ Аутроник против Швейцарии, 1990.

приговорили г-на Лингенса к штрафу. Настаивая на виновности журналиста, суды также сочли, что он не смог доказать правдивость своих обвинений. В отношении последнего вопроса Европейский Суд признал подход национальных судов неправомерным, так как мнения (оценочные суждения) не всегда поддаются доказыванию³⁴. Рассматривая основания для осуждения журналиста, Суд подчеркнул важность соблюдения принципа свободы печати в ходе политических дебатов: «...Эти принципы приобретают особое значение в том, что касается прессы. Хотя пресса и не должна преступать границы, установленные *inter alia* «для защиты репутации других лиц», тем не менее, на нее возложена миссия по распространению информации и идей по политическим вопросам, а также по другим проблемам, представляющим общественный интерес. Если на прессе лежит задача распространять такую информацию и идеи, то общественность, со своей стороны, имеет право получать их (...)». В этой связи Суд не может принять мнения, высказанного в решении суда второй инстанции Вены, о том, что задачей прессы является распространение информации, толкование которой следует оставить главным образом читателю...

В том же решении Суд заявил, что свобода печати предоставляет общественности одну из самых лучших возможностей для выявления и формирования мнения об идеях и подходах политических лидеров, и, соответственно, свобода политических дебатов составляет основу демократического общества. Вот почему Суд предоставляет максимальную защиту свободе печати в ходе политических дебатов в рамках ст. 10.

Свобода печати также обладает особым статусом там, где поставлены на карту другие вопросы, представляющие общественный интерес. В деле *Торгеирсона* заявитель (г-н Торгеирсон) выступил в прессе с обвинениями против широко распространенной в Исландии жестокости полиции, назвав полицейских «зверьми в униформе», «лицами, интеллектуальный уровень которых снижен до уровня новорожденного ребенка как результат постоянного хватания за горло, чему полицейских и вышибал специально обучают, и чем они занимаются с грубой непосредственностью». Он обвинил полицию в «некомпетентности» и в том, что она пытается оправдать свою деятельность, основанную на «запугивании, фальсификации, незаконных и необдуманных действиях, предрассудках». На национальном уровне г-н Торгеирсон был признан виновным и

³⁴ Лингенс против Австрии, 1986.

приговорен к штрафу за диффамацию неназванных представителей полиции. Европейский Суд счел, что заявитель затронул проблему жестокости полиции в своей стране и отметил, что «на прессу возложена миссия по распространению информации и идей, представляющих общественный интерес». Далее, Суд заявил, что «в его прецедентном праве нет предписания проводить различие ... между политической дискуссией и обсуждением других вопросов, вызывающих озабоченность общества». Наконец, Суд охарактеризовал осуждение заявителя как «способное затруднить ведение открытой дискуссии по вопросам, представляющим общественный интерес».

Несомненно, Суд предоставляет широкие гарантии свободы прессы в тех случаях, когда речь идет об открытом обсуждении иных, отличных от политических, общественно значимых вопросов.

Другим важным вопросом в контексте свободы прессы является публикация информации, основанной на слухах и предположениях, которые журналист не в состоянии обосновать. Как уже указывалось выше, Суд постановил, что оценочные суждения не требуют доказательства. В деле *Торгеирсона*³⁵ обвинения против полиции были собраны из различных источников; в основном, в статье были использованы слухи, распространенные среди населения. Поэтому государство-ответчик утверждало, что в статьях заявителя отсутствует объективная информация, и он не в состоянии доказать истинность своих обвинений. Суд признал требование доказательства истинности неправомерным, и даже невыполнимым, и заявил, что пресса вряд ли смогла бы вообще что-либо напечатать, если бы существовало требование публиковать только полностью проверенные факты. Совершенно очевидно, что указанные замечания Суда относятся к ситуации публичных дебатов по вопросам, вызывающим общественную озабоченность.

Журналистские источники информации также подпадают под защиту ст. 10. Суд признал, что защита журналистских источников является одним из основополагающих условий свободы печати. В деле *Гудвина*³⁶ Суд заявил, что «при отсутствии подобной защиты источники не стали бы оказывать содействие прессе в информировании общественности по вопросам,

³⁵ Торгеирсон против Испании, 1992.

³⁶ Гудвин против Соединенного Королевства, 1996.

представляющим общественный интерес. В результате, жизненно важная роль прессы как стража интересов общества была бы подорвана, что отрицательно сказалось бы на способности прессы предоставлять точную и надежную информацию».

Свобода радио- и телевидения

В соответствии с ч. 1 ст. 10 право получать и распространять информацию и идеи «не препятствует государствам вводить лицензирование радиовещательных, телевизионных или кинематографических предприятий». Данное положение было включено фактически на последней стадии подготовки Конвенции и было обусловлено техническими способами, а именно, ограниченным числом имеющихся в распоряжении частот для вещания, а также тем фактом, что в то время большинство европейских государств обладали монополией на радио- и телевидение. Однако технический прогресс в данной области способствовал решению этих проблем. В деле *Информационсферин Лентиа*³⁷ Суд заявил, что в результате «технического прогресса, достигнутого за последние десятилетия, подобные ограничения не могут быть оправданы соображениями количества имеющихся частот и каналов». Использование спутникового и кабельного телевидения привело к появлению неограниченного числа частот. В этих условиях право государства вводить лицензирование аудиовизуальных средств информации приобретает новый смысл и назначение, а именно, в качестве обеспечения гарантии свободы и плюрализма информации, отвечающей общественным интересам³⁸.

Суд заявил, что *право национальных властей регулировать систему лицензирования* не может применяться по иным, не связанным с техническими вопросами, причинам, а также оно не должно препятствовать свободе выражения, за исключением требований, закрепленных в ч. 2 ст. 10. В деле *Гроппера Радио*³⁹ Суд постановил, «что государствам разрешено контролировать вещание в плане организации и, в особенности, в технических

³⁷ «Информационсферин Лентиа» и др. против Австрии, 1993.

³⁸ «Обсервер» и «Гардиан» против Соединенного Королевства, 1995; «Информационсферин Лентиа» и др. против Австрии, 1993.

³⁹ Гроппера Радио АГ и др. против Швейцарии, 1990.

аспектах. Это, однако, не значит, что лицензионные меры не должны подчиняться требованиям ч. 2 ст. 10, ибо в противном случае это привело бы к результатам, противоположным предмету и назначению ст. 10, взятой в целом». В деле *Аутроник АГ*⁴⁰ Суд признал, что использование для приема телевизионных программ таких технических приспособлений, как, например, спутниковые тарелки, не подпадает под ограничение, содержащееся в ч. 1 ст. 10.

Государственная монополия в области аудиовизуальных средств Информации рассматривались Судом как противоречащая ст. 10, в первую очередь, потому что она не в состоянии обеспечить разнообразие информационных источников. Подобная монополизация не является необходимой в демократическом обществе и может быть оправдана лишь неотложными социальными потребностями. Однако, в современных обществах в условиях появления все новых способов вещания и распространения трансфронтирного телевидения, практически, невозможно оправдать существование монополий. Напротив, разнообразие общественных запросов не может быть удовлетворено только силами одной вещательной компании⁴¹.

Действие ст. 10 также охватывает *коммерческую рекламу в аудиовизуальных средствах массовой информации*, даже несмотря на тот факт, что национальные власти пользуются широким полем усмотрения в отношении необходимости введения ограничений в этой сфере⁴². В принципе, рекламная деятельность должна осуществляться с должной ответственностью по отношению к обществу, при этом особое внимание должно уделяться моральным ценностям, лежащим в основе демократического государственного устройства. Реклама, адресованная детям, не должна содержать информацию, способную причинить им вред, она должна учитывать их уровень физического, психического и духовного развития.

⁴⁰ Аутроник АГ против Швейцарии, 1990.

⁴¹ «Информационсферин Лентиа» против Австрии, 1993.

⁴² Маркт интерн Верлаг ГмБХ и Клаус Бирман против Федеративной Республики Германии, 1989.

СИСТЕМА ОГРАНИЧЕНИЙ, НАЛАГАЕМЫХ НА ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ПРАВА НА СВОБОДУ ВЫРАЖЕНИЯ СВОЕГО МНЕНИЯ (ч. 2 ст. 10 Конвенции)

«Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или штрафными санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия».

«Осуществление этих свобод...может быть сопряжено с...»

Любое ограничение, условие или вмешательство в осуществление свободы выражения своего мнения может применяться только в отношении какой-либо конкретной формы проявления этой свободы. При этом, самое содержание права на свободу выражения затрагиваться не может. В этой связи, в ст. 17 Конвенции говорится, что *«ничто в настоящей Конвенции не может толковаться как означающее, что какое-либо государство, какая-либо группа лиц или какое-либо лицо имеет право заниматься какой бы то ни было деятельностью или совершать какие бы то ни было действия, направленные на упразднение прав и свобод, признанных в настоящей Конвенции, или на их ограничение в большей мере, чем это предусматривается в Конвенции».* Совершенно очевидно, что ограничение содержания какого-либо права будет равносильно его упразднению.

Далее, национальные власти не обязаны вмешиваться в осуществление права на свободу выражения всякий раз при возникновении одного из оснований, перечисленных в ч. 2 ст. 10, поскольку это может привести к ограничению самого содержания данного права. Например, нанесение ущерба чьей-либо репутации или чести не должно рассматриваться в качестве основания для уголовного или гражданского разбирательства во всех случаях. Аналогичным образом, публичное выражение, представляющее угрозу авторитету правосудия, не должно наказываться всякий раз при

появлении подобной критики. Иначе говоря, официальные органы обладают только возможностью, а вовсе не обязанностью вводить или осуществлять ограничительные или карательные меры в отношении реализации права на свободу выражения. Иной подход привел бы к возникновению иерархии прав, ценностей или интересов, отводя тем самым свободе выражения место в самом конце списка, скажем, после права на защиту чести и достоинства, морали или общественного порядка. Подобная иерархия нарушала бы все международные договоры, гарантирующие равенство прав и не допускающие введение постоянно действующих ограничений на осуществление одного права, что было бы равнозначно его отрицанию.

«Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность...»

Идея, согласно которой осуществление свободы выражения своего мнения, налагает определенные обязанности и ответственность, имеет уникальный характер, ее нельзя обнаружить в других статьях Конвенции, касающихся прав и свобод. Данное положение не интерпретировалось в качестве единственного условия, автоматически ограничивающего право на свободу выражения отдельных лиц, принадлежащих к определенным профессиональным группам, в связи с чем и может возникнуть вопрос об *«обязанностях и ответственности».* Решения Суда отражают различные мнения об *«обязанностях и ответственности»* применительно к некоторым категориям государственных служащих в процессе осуществления ими своего права на свободу выражения. Кроме того, произошли определенные изменения в судебной практике: от сравнительно консервативного подхода, наделяющего государство широкими полномочиями, до более либерального, предполагающего значительно меньшую свободу усмотрения.

Например, в деле *Энгель и другие*⁴³ запрещение публикации и распространения подготовленной военными газетами, содержащей критику некоторых

⁴³ Энгель и др. против Нидерландов, 1976.

старших по званию офицеров, было признано Судом оправданным вмешательством в осуществление права свободно выражать свое мнение; тем не менее, Суд также заявил, что *«речь шла не о лишении их права на свободу выражать свое мнение, а только о наказании за злоупотребление ими этой свободой»*. Или в деле *Хаджианастассиу*⁴⁴ военнослужащий был осужден за разглашение секретных сведений, касающихся определенного оружия и техники его применения, что было способно нанести существенный вред национальной безопасности. Суд постановил, что хотя осуждение офицера является вмешательством в его право на свободное выражение своего мнения, тем не менее, оно является оправданным в соответствии с ч. 2 ст. 10: *«Необходимо принимать во внимание особые условия, сопряженные с армейской жизнью, и определенные «обязанности и ответственность», возлагаемые на военнослужащих... На заявителя в качестве офицера, отвечающего за разработку экспериментальной ракетной программы, возлагалась обязанность не разглашать сведения, связанные с его профессиональной деятельностью»*.

Спустя почти 20 лет после вынесения решения по делу *Энгель и др.* в связи с разбирательством аналогичного случая Суд изменил свое мнение и вынес совершенно противоположное решение. В деле *Вереинигунг Демократише Золдатен Остеррайш и Губи*⁴⁵ власти наложили запрет на распространение среди военнослужащих частного периодического издания, содержащего критику военного руководства. Австрийское правительство настаивало на том, что данное издание наносит ущерб национальной системе обороны и боеспособности армии. Суд не согласился с утверждениями правительства и заявил, что в большей части материалов издания «либо излагаются жалобы, либо представляются предложения по реформированию, призывающие читателей использовать судебную процедуру для рассмотрения их жалоб. Тем не менее, несмотря на зачастую полемический тон публикации, не создается впечатления, что заявители перешли границу простого обсуждения различных идей, что должно восприниматься с терпимостью в армии

⁴⁴ Хаджианастассиу против Греции, 1976.

⁴⁵ Вереинигунг Демократише Золдатен Остеррайш и Губи против Австрии, 1994.

демократического государства точно так же, как это должно быть в обществе, которому эта армия служит».

По делу *Роммелфангера*⁴⁶ Комиссия заявила, что государства обязаны обеспечить, чтобы осуществление права государственного служащего на свободу выражения своего мнения не подвергалось ограничениям, затрагивающим содержание данного права. Даже там, где существует категория государственных служащих, наделенных особыми «обязанностями и ответственностью», ограничения, налагаемые на реализацию ими своего права на свободу выражения, должны рассматриваться на основании тех же самых критериев, которые применяются в отношении других категорий населения.

В деле *Фогт*⁴⁷ Суд постановил, что *требование выполнения долга политической лояльности*, предъявляемое государственному служащему, является нарушением ст. 10. В 1987 г. г-жа Фогт была уволена из школы, в которой проработала около 12 лет, по той причине, что будучи активистом Коммунистической партии, она отказалась из нее выйти. Обязанность политической лояльности была введена с учетом печального опыта Веймарской республики, что было оправдано необходимостью введения запрета на активное участие государственных служащих в деятельности политических партий, преследующих антиконституционные цели. Власти вынесли решение о том, что г-жа Фогт нарушила обязательство, установленное для государственных служащих Германии, поддерживать и защищать свободную демократическую систему в смысле, заложенном в Конституции, и отстранили ее от работы. Суд заявил, что *«хотя государство вправе возлагать на государственных служащих, в силу их особого статуса, обязанность политической лояльности, тем не менее, на них, как и на других лиц, распространяется защита, предоставляемая ст. 10 Конвенции»*. Далее Суд заявил, что он учитывает исторический опыт Германии; тем не менее, принимая во внимание абсолютный характер, приданный обязанности политической лояльности, ее равнозначность всем государственным служащим, без

⁴⁶ Роммелфангер, 1989.

⁴⁷ Фогт против Германии, 1995.

проведения различия между сферой частной жизни и профессиональными функциями, немецкие власти нарушили как право на свободу выражения своего мнения, так и право на свободу объединения.

Из этого следует, что любые внутренние законы или иные нормативные акты, налагающие абсолютную и неограниченную обязанность политической лояльности или ограничения по соображениям секретности на особые категории государственных служащих, как, например, сотрудников разведки, военнослужащих и т.д., нарушали бы ст. 10. Подобные ограничения могут вводиться государствами-членами только в том случае, если они не имеют всеобъемлющий характер, касаются только особых видов информации, критерии секретности которой должны периодически пересматриваться, а также применяются в отношении конкретных категорий государственных служащих, причем лишь к некоторым отдельным их представителям, и являются временными. Обосновывая принципы политической лояльности и секретности соображениями защиты *«национальной безопасности»*, государства-члены должны дать строгое и четкое определение данных понятий, стараясь избегать включения выходящих за реальные рамки понятия *«национальная безопасность»*. Наравне с этим, государства также должны обосновать наличие реальной угрозы по отношению к защищаемым интересам, каковым является национальная безопасность, учитывая при этом заинтересованность общественности в получении информации. В случае несоблюдения этих принципов подобные ограничения свободы выражения приобретают абсолютный характер, что несовместимо с ч. 2 ст. 10.

Рассматривая вопрос об *«обязанностях и ответственности»*, Суд также настаивал на том, что факт принадлежности лица к определенной категории может служить основанием, скорее, для ограничения, чем расширения полномочий официальных властей на вмешательство в реализацию этим лицом своих прав. Под эту категорию подпадают редакторы и журналисты. В деле *«Обсервер»* и *«Гардиан»*⁴⁸, касавшемся запрета, наложенного национальными судами на публикацию ряда статей по соображениям национальной безопасности, Суд

заявил, что *«обязанность прессы заключается в распространении информации и идей по вопросам, представляющим общественный интерес»*, добавив при этом, что право общественности получать такую информацию согласуется с обязанностью прессы ее распространять. Таким образом, наделив прессу правом и обязанностью распространять информацию и идеи, Суд предоставил ей большую свободу, ограничив при этом возможности государств вмешиваться в ее деятельность.

⁴⁸ *«Обсервер»* и *«Гардиан»* против Соединенного Королевства, 1991.

«Формальности, условия, ограничения или штрафные санкции»

Диапазон возможного вмешательства (формальности, условия, ограничения или штрафные санкции) государства в осуществление индивидом его права на свободу выражения своего мнения очень широк, и здесь не существует установленных границ. Суд изучает обстоятельства каждого дела и выносит решение о том, имело ли место вмешательство, при этом анализируя ограничительный эффект на реализацию права на свободу выражения мнения конкретных мер, принятых национальными властями. Подобное вмешательство может реализовываться в следующих формах: применение уголовных санкций⁴⁹ (штраф или тюремное заключение), гражданско-правовое взыскание⁵⁰ (возмещение ущерба), введение запрета на публикацию⁵¹, конфискация опубликованных изданий или других материалов, которые содержат выраженное мнение или другую распространяемую информацию⁵², отказ в предоставлении лицензии на вещание⁵³, введение запрета на занятие журналистской деятельностью, издание судом или другими официальными органами предписания раскрыть журналистские источники/наложение санкций за отказ выполнить указанное требование⁵⁴ и т.д.

Среди различных форм вмешательства государства наиболее опасной, по мнению Суда, является *предварительная цензура*, поскольку она препятствует процессу передачи информации и идей тем, кто заинтересован в их получении. Вот почему меры, предшествующие публикации, а именно, лицензирование журналистов, просмотр статьи официальным лицом до ее публикации, а также запрет

⁴⁹ Барфорд против Дании, 1989; Лингенс против Австрии, 1986; Далбан против Румынии, 1999.

⁵⁰ Мюллер против Швейцарии, 1988.

⁵¹ «Санди Таймс»(2) против Соединенного Королевства, 1991; «Обсервер» и «Гардиан» против Соединенного Королевства, 1991.

⁵² Хэндисайд против Соединенного Королевства, 1976; Мюллер против Швейцарии, 1988.

⁵³ Аутроник АГ против Швейцарии, 1990.

⁵⁴ Гудвин против Соединенного Королевства, 1996.

на публикацию, подвергаются очень строгому контролю со стороны Суда. Даже если подобные ограничения имеют временный характер, они способны существенно снизить значимость информации. Рассматривая дела, касающиеся запрещения публикации некоторых статей, Суд постановил: *«В ст. 10 не содержится положения, запрещающего наложение предварительных ограничений на публикацию... Однако, в указанных ограничениях заложена столь серьезная опасность, что это требует самого пристального внимания со стороны Суда. Это особенно касается прессы, поскольку актуальность новостей преходяща, и отсрочка с их публикацией, даже на короткий период, может вовсе лишить их всякой ценности и значения»*⁵⁵.

Необходимость приобретения предварительного разрешения на публикацию тех или иных материалов, будучи типичным для диктаторских режимов, всегда считалась неприемлемой в демократических обществах, и, в целом, несовместима со ст. 10.

Среди разнообразия форм вмешательства государства в процесс осуществления свободы выражения мнения на стадии, непосредственно следующей за подобным выражением, *уголовные санкции*, вероятно, представляют наибольшую опасность для этой свободы. В деле *Кастеллса* заявитель (член парламентской оппозиции) был приговорен к тюремному заключению за оскорбление испанского правительства, поскольку в газетной публикации он назвал действия правительства «преступными», обвинив его в укрывательстве лиц, совершивших преступления против населения Страны Басков. На основании вышеприведенных фактов Суд принял следующее решение: *«Доминирующее положение, которое занимает правительство, делает необходимым, чтобы оно демонстрировало сдержанность, когда встает вопрос об уголовном преследовании, особенно когда имеются другие средства ответа на неоправданные нападки и критику со стороны его противников в средствах массовой информации»*⁵⁶.

Даже в тех случаях, где уголовные санкции состояли в обязанности уплатить сравнительно небольшие штрафы, Суд выступал против подобных санкций, поскольку они могли играть роль своего рода скрытой цензуры. В ряде дел,

⁵⁵ «Санди Таймс» (2) против Соединенного Королевства, 1991; «Гардиан» и «Обсервер» против Соединенного Королевства, 1991.

⁵⁶ Кастеллс против Испании, 1992.

касающихся наложения штрафов на журналистов, Суд заявил, что «хотя наложенное на автора наказание, строго говоря, уже не могло помешать ему выразить свое мнение, тем не менее, оно равносильно своего рода порицанию, которое, весьма вероятно, может отбить у него охоту заниматься подобной критикой в будущем (...) В контексте политической дискуссии подобный приговор может, вероятно, отератить журналистов от стремления внести вклад в публичное обсуждение проблем, затрагивающих жизнь общества. К тому же санкция, подобная этой, могла бы помешать прессе выполнять свою задачу носителя информации и стража интересов общества»⁵⁷.

Кроме того, наложение штрафа и уплата судебных издержек могут являться ограничением права на свободу выражения своего мнения, если они составляют сумму, выплата которой поднимает вопрос о финансовом выживании лица, которому предписано ее заплатить⁵⁸.

Гражданско-правовые санкции в виде возмещения ущерба за нанесение оскорбления чести или достоинству других лиц могут являться серьезным вмешательством в право на свободу выражения своего мнения, даже ввиду отсутствия уголовных санкций. В деле *Толстого Милославского* заявитель был признан национальными судебными органами (основанными на системе присяжных) виновным в написании статьи, содержащей диффамацию, и приговорен (наряду с издателем, опубликовавшим статью) к выплате пострадавшему 1500000 фунтов стерлингов⁵⁹. Признав сам по себе размер суммы штрафа нарушением ст. 10, Суд заявил: «...это не означает, что присяжные были вправе установить любой размер выплаты, кажущийся им подходящим, поскольку, согласно Конвенции, размер штрафа за диффамацию должен быть разумно пропорционален ущербу, нанесенному репутации. Жюри было ориентировано на то, чтобы не вводить уголовные санкции против заявителя, а только назначить такой размер штрафа, который мог бы компенсировать моральный ущерб, нанесенный лорду Элдингтону (пострадавшему)». Кроме того, Суд признал, что «в сфере судебного контроля... в момент рассмотрения дела заявителя отсутствовали адекватные и эффективные гарантии против установления непропорционально высокого размера

⁵⁷ Лингенс против Австрии, 1986; Бартольд против Федеративной Республики Германии, 1985.

⁵⁸ «Открытая дверь» и «Дублинские повитухи против Ирландии», 1992.

⁵⁹ Толстой Милославский против Соединенного Королевства, 1995.

денежной компенсации». Следовательно, «принимая во внимание размер компенсации в сочетании с отсутствием существования в момент рассмотрения дела адекватных и эффективных гарантий против назначения непомерно высокого размера штрафа, Суд приходит к выводу, что имело место нарушение права заявителя в смысле ст. 10 Конвенции».

Конфискация или изъятие средств распространения информации или идей представляет собой еще один возможный вид вмешательства. Момент назначения или введения подобных мер, а именно, до или после акта передачи информации, не играет существенной роли. Так, Суд решил, что временная конфискация картин, являющихся, по мнению национальных судов, непристойными, представляет собой ограничение свободы выражения художника⁶⁰. Также арест фильма, содержавшего, по мнению национальных властей, непристойные сцены, был признан Судом вмешательством в осуществление свободы выражения своего мнения⁶¹. Аналогичную позицию Суд занял в деле, касающемся конфискации книг, содержавших непристойные фрагменты⁶².

Наложение запрета на рекламную деятельность в особых обстоятельствах рассматривается Судом в качестве вмешательства в свободу выражения своего мнения. В деле *Бартольда* заявитель, работавший ветеринарным хирургом, оказался последней надеждой для владельцев больной кошки, поскольку он был единственным специалистом в Гамбурге, оказывавшим неотложную помощь. Он дал интервью журналисту, который затем написал статью о недостатке ветеринарных центров неотложной помощи, что негативно влияет на здоровье животных в указанном регионе. Другие ветеринары, коллеги Бартольда, подали на него иск в соответствии с законом о несправедливой конкуренции, обвиняя его в саморекламе и в терпимом отношении к рекламированию собственной деятельности. Суд счел, что данное дело скорее касалось вопроса об общественной дискуссии, чем коммерческой рекламы, и признал осуждение заявителя неправомерным: «(Осуждение Бартольда) может

⁶⁰ Мюллер против Швейцарии, 1986.

⁶¹ Институт Отто-Премингер против Австрии, 1994.

⁶² Хэндисайд против Соединенного Королевства, 1976.

отвратить представителей свободных профессий от стремления внести вклад в публичное обсуждение проблем, затрагивающих жизнь общества, даже если существует малейшая вероятность того, что их высказывания воспримутся в качестве содержащих, до некоторой степени, саморекламирующие замечания. К тому же применение подобного критерия могло бы помешать прессе выполнять свою задачу носителя информации и стража интересов общества»⁶³.

Разумеется, газетное сообщение может приравниваться к рекламе. Сообщения, относящиеся к сфере связей с общественностью, скорее всего будут рассматриваться в качестве коммерческого выражения. Например, в деле *Касадо Кока* распространение заявителем рекламных материалов, касавшихся его адвокатской деятельности и повлекшее привлечение его к дисциплинарной ответственности, было признано Судом коммерческим выражением⁶⁴. Хотя коммерческое выражение подпадает под действие ст. 10, тем не менее, в вопросе контроля за ним применяются несколько иные стандарты, чем в отношении других форм выражения. Например, в деле *Маркт интерн*⁶⁵ Суд поддержал судебное постановление, запрещающее публикацию коммерческим журналом информации, касающейся одного из предприятий, действующих на его рынке. Признав, что в данном случае имело место вмешательство в осуществление коммерческого выражения, Суд предоставил национальным властям более широкое поле усмотрения и счел наложенный запрет совместимым с ч. 2 ст. 10: «...при определенных обстоятельствах даже публикация материалов, представляющих достоверные факты и описывающих реальные события, может быть запрещена: примерами этого являются обязанность невмешательства в частную жизнь других людей или соблюдение конфиденциальности некоторых видов коммерческой информации». Однако, некоторые члены Суда выразили свое особое мнение, в котором говорилось об отсутствии основания для предоставления государству более широкого поля усмотрения: «Только в редчайших случаях цензура или запрет на публикацию могут быть приемлемы (...) Это особенно верно в отношении коммерческой рекламы или вопросов экономической или торговой

⁶³ Бартольд против Федеративной Республики Германии, 1985.

⁶⁴ Касадо Кока против Испании, 1994.

⁶⁵ Маркт интерн Верлаг ГмбХ и Клаус Бирман против Федеративной Республики Германии, 1989.

политики(...) Защита интересов пользователей и потребителей перед лицом господствующих монополий зависит от свободы публиковать даже самые резкие критические замечания, касающиеся тех или иных продуктов»⁶⁶.

Независимо от решения, принятого на основании ч. 2, коммерческое выражение подпадает под защиту ст. 10, и, следовательно, какие-либо запреты или санкции в этой сфере представляют собой вмешательство в осуществление свободы выражения своего мнения.

*Требование раскрыть журналистские источники и документы, как и наказание за отказ сделать это, рассматриваются Судом как вмешательство в осуществление права на свободу выражать свое мнение. В деле *Гудвина* Суд отметив, что подобные меры, бесспорно, вмешиваются в свободу печати, вынес решение в пользу журналиста⁶⁷.*

Проведение обыска в помещениях редакций газет или вещательных компаний представляет собой еще одну форму вмешательства в свободу печати. Независимо от наличия или отсутствия законного ордера, такой обыск не только представляет опасность для сохранения конфиденциальности журналистских источников, но и подвергает риску существование средств массовой информации, являясь цензурой для всех журналистов в стране.

Три требования для законного вмешательства в свободу выражения своего мнения

В соответствии с ч. 2 ст. 10 Конвенции национальные власти в любом из государств-членов могут вмешаться в осуществление права на свободу выражения мнения при условии выполнения трех совокупных требований:

- Вмешательство (в значении «формальность», «условие», «ограничение» или «санкция») должно быть предусмотрено законом;
- Вмешательство должно быть направлено на защиту как минимум одного из следующих интересов или ценностей:

⁶⁶ Судья Петтити, особое мнение.

⁶⁷ Гудвин против Соединенного Королевства, 1996.

национальной безопасности, территориальной целостности, общественного спокойствия, предотвращения беспорядков или преступности; защиты здоровья; нравственности; репутации или прав других лиц; предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально; обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия;

- Вмешательство должно быть необходимым в демократическом обществе.

Главное значение ст. 10 заключается в защите свободы выражения мнения каждого человека. Так, Суд установил строгие правила толкования возможных ограничений, перечисленных в ч. 2. В деле «Санди Таймс»⁶⁸ Суд заявил: *«Строгое толкование означает, что никакие другие критерии, кроме перечисленных в клаузуле, касающейся исключений, не могут служить основанием для каких-либо ограничений, и что эти критерии, в свою очередь, должны интерпретироваться на основании прямого значения слов, их формулирующих, не выходя за пределы их обычного понимания. В случае ограничительных клаузул... принцип строгого толкования сталкивается с определенными трудностями по той причине, что клаузула сама по себе обладает широтой значения. Это, однако, налагает ряд определенных обязательств на официальные органы»*. В сущности, Суд установил правовой стандарт, заключающийся в том, что в любом пограничном случае предпочтение должно отдаваться свободе индивида, а не утверждению со стороны государства о защите более важных интересов⁶⁹.

Если Суд сочтет, что все три требования выполнены, то вмешательство государства будет законным. Бремя доказательства того, что все три условия удовлетворены, лежит на самом государстве. Суд рассматривает данные условия в порядке, указанном выше. В том случае, если Суд сочтет, что государство не смогло представить доказательства выполнения одного из трех требований, он прекращает рассмотрение дела и выносит решение о том, что соответствующее вмешательство было неоправданно и, следовательно, имело место нарушение права на свободу выражать свое мнение.

⁶⁸ «Санди Таймс» против Соединенного Королевства, 1979.

⁶⁹ Ржелпински А. Ограничения, налагаемые на свободу выражения своего мнения и разглашение информации, касающейся внутренней или внешней политики государства. Будапешт, 1997 // Монитор Совета Европы. № 3.

Под «*вмешательством государства*» подразумевается любая форма вмешательства со стороны любого официального органа, осуществляющего властные полномочия и государственные функции, а также лиц, находящихся на государственной службе, а именно, в судах, прокуратуре, полиции, других правоохранительных органах, разведывательных службах, центральных или местных советах, правительственных управлениях, армейских подразделениях, официальных профессиональных структурах. Не претендуя на полноту, данный перечень – всего лишь попытка представить те возможные официальные органы, действия которых способны ограничить свободу выражения мнения. С точки зрения Суда, не столь существенно, какой именно орган вмешивается в осуществление данного права; во всех делах, представляемых на рассмотрение Суда в Страсбурге, в качестве ответчика всегда выступает федеральное правительство.

Национальные суды должны учитывать указанные три требования при рассмотрении и вынесении решений по делам, тем или иным образом касающимся свободы выражения своего мнения. Основная цель системы, разработанной на основе Конвенции, заключается в том, чтобы ее положения, получившие свое развитие в судебной практике Европейского Суда, проводились бы в жизнь национальными судами. При этом сам Суд должен являться лишь крайним средством. Вот почему национальные суды являются первой и наиболее важной инстанцией в деле обеспечения свободного осуществления права выражать свое мнение, а также в случае введения ограничений, соблюдения основных требований ч. 2, и получивших толкование и развитие в практике Суда.

«Осуществление этих свобод...может быть сопряжено с...ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом»

Согласно указанному требованию, любое вмешательство в осуществление свободы выражения своего мнения должно основываться на национальном законодательстве. Как правило, это означает *наличие писаного и опубликованного закона, принятого парламентом*. Именно национальный парламент должен выносить решение о возможности существования подобного ограничения. Например, в деле, касающемся журналиста, осужденного за диффамацию, подобное

преступление должно предусматриваться внутренним законодательством. Или, в случае наложения запрета на публикацию или изъятия средств распространения информации, как, например, книги, газеты или фотокамеры, подобные меры должны основываться на положениях национального законодательства. Также, в том случае, если помещение редакции газеты подверглось обыску, или радиостанция – закрытию, это может быть сделано только на основании внутреннего закона.

В ряде немногочисленных случаев Суд признал, что нормы общего права или принципы международного права действительно явились правовой основой для ограничения свободы выражения своего мнения. Например, в деле «Санди Таймс» Суд признал, что нормы британского общего права, касающиеся неуважения к суду, сформулированы с достаточной степенью точности и, следовательно, удовлетворяют требованию «*быть предусмотренным законом*»⁷⁰. Также в делах *Гроппера Радио АГ*⁷¹ и *Аутроник*⁷² Суд позволил государству сослаться на применяемые внутри страны нормы публичного международного права с тем, чтобы удовлетворить указанное требование. Хотя нельзя исключить того, что нормы общего права или права обычая могут ограничивать свободу выражения, тем не менее, это является, скорее, редким исключением. Свобода выражать свое мнение признана столь важной ценностью, что ее ограничение всегда должно удовлетворять требованию демократической легитимности, а это может быть обеспечено только посредством парламентских дебатов и процедуры голосования.

Данное требование также указывает на качество закона, даже если он был принят парламентом. Суд неоднократно заявлял, что *закон должен быть публичным, доступным, предсказуемым и предвосхищаемым*. Как было заявлено по делу «Санди Таймс»⁷³, «*Во-первых, право должно быть в адекватной форме доступным: граждане должны иметь соответствующую обстоятельствам возможность ориентироваться в том, какие правовые нормы применяются к данному случаю. Во-вторых, норма не может считаться «законом»,*

⁷⁰ Тем не менее, вслед за решением Суда в этой области был принят национальный закон.

⁷¹ Гроппера Радио АГ и другие против Швейцарии, 1990.

⁷² Аутроник против Швейцарии, 1990.

⁷³ «Санди Таймс» против Соединенного Королевства, 1979.

если она не сформулирована с достаточной степенью точности, позволяющей гражданину соотносить с ней свое поведение: он должен иметь возможность – пользуясь при необходимости советами – предвидеть, в разумной применительно к обстоятельствам степени, последствия, которые может повлечь за собой данное действие. Эти последствия не обязательно предвидеть с абсолютной определенностью: опыт показывает, что это недостижимо. Более того, хотя определенность весьма желательна, она может сопровождаться некоторой косностью, тогда как право должно обладать способностью идти в ногу с меняющимися обстоятельствами. Соответственно, многие законы неизбежно пользуются терминами, которые в большей или меньшей степени расплывчаты: их толкование и применение – задача практики».

Если в деле «Санди Таймс» Суд признал, что прецедентные нормы общего права соответствуют всем критериям, позволяющим им считаться «законом», учитывая при этом и факт предоставления газете-заявителю юридической помощи, то в деле *Ротару*⁷⁴ Суд заявил, что внутренний закон не подпадает под определение «закона», поскольку он «*не сформулирован с достаточной степенью точности, позволяющей любому лицу – пользуясь при необходимости советами – соотносить свое поведение*». Аналогичным образом и в деле *Петра*⁷⁵ Суд постановил, что «*нормы внутреннего права, касающиеся надзора за перепиской заключенных... предоставляют национальным властям слишком широкие полномочия*», а конфиденциальный характер их применения «*не удовлетворяет требованию доступности... и что румынское законодательство не формулирует с достаточной ясностью масштаб и характер полномочий, предоставляемых официальным органам*». И хотя решения в делах *Ротару* и *Петра* были вынесены в связи с нарушением ст. 8 (права на неприкосновенность личной жизни), Суд применяет аналогичный подход в оценке внутренних законов, касающихся свободы выражения своего мнения.

Суд предложил толкование правовых оснований для ограничения, связанного с применением против индивида секретных мер. Так, в деле *Малоне*⁷⁶ Суд заявил, что фраза

⁷⁴ Ротару против Румынии, 2000.

⁷⁵ Петра против Румынии, 1998.

⁷⁶ Малоне против Соединенного Королевства, 1984.

«предусмотрено законом» «не просто отсылает к внутреннему законодательству, что четко выражено в преамбуле к Конвенции... Данная фраза подразумевает, что во внутреннем праве должны быть заложены меры юридической защиты против произвольного вмешательства официальных органов в осуществление индивидом своих прав... Особенно там, где исполнительная власть осуществляется в обстановке секретности, риск произвола очевиден». В решении по данному делу, а также по делу *Леандера*⁷⁷ Суд заявил, что даже в сферах, связанных с национальной безопасностью или борьбой с организованной преступностью, в которых предсказуемый характер закона может быть выражен несколько слабее (например, в целях эффективности расследования), тем не менее, формулировка закона должна отличаться достаточной ясностью, с тем чтобы индивид мог сообразовать свое поведение и адекватно представлять себе последствия противоправных действий. Кроме того, в решении по делу *Леандера* Суд заявил, что «при оценке того, выполняется ли критерий предсказуемости, нужно также принимать во внимание различные инструкции и административные распоряжения, не имеющие статуса материального права, а также то, насколько хорошо заинтересованные лица были ознакомлены с их содержанием». Далее Суд добавил, что «там, где выполнение закона подразумевает принятие мер секретного характера, закрытых для контроля со стороны заинтересованных лиц или широкой общественности, сам закон, в отличие от сопровождающих его административных действий, должен содержать указание на масштаб правомерности рассматриваемой меры, предоставляя тем самым индивиду адекватную защиту от произвольного вмешательства».

Таким образом, национальные суды должны тщательно анализировать качество законов, других норм, судебной или иной практики, лежащих в основе ограничения свободы выражения мнения. Прежде всего, они должны учитывать требования публичности и доступности, которые можно считать выполненными в том случае, если соответствующий закон опубликован. Неопубликованные внутренние распоряжения или другие нормы совершенно определенно не отвечают указанным критериям в том случае, если заинтересованное лицо не знало об их существовании и/или содержании. Процесс оценки степени предсказуемости или предвосхищаемости закона или прецедентной нормы

⁷⁷ Леандер против Швеции, 1987.

представляется более сложным. Суды должны проанализировать, достаточно ли ясно и точно, посредством четко определенных понятий, сформулировано соответствующее положение, что позволяет установить соотношение между совершаемыми действиями и требованиями закона, а также однозначно определить сферу поведения, выходящего за рамки закона, и последствия, которые может повлечь за собой его нарушение. Правовые нормы, предоставляющие официальным органам полномочия назначать и применять против частных лиц меры секретного характера, как, например, тайное наблюдение, должны подвергаться строгой проверке со стороны судов как наиболее опасная форма вмешательства в осуществление индивидуальных прав.

В тех случаях, когда национальные суды сталкиваются с законодательством, имеющим противоречивый характер, как, например, в вопросе о соотношении между законами или иными нормативными актами, принятыми местными органами, и федеральными законами и/или Конституцией, судьи должны применять те правовые нормы, которые наилучшим образом обеспечивают защиту свободы выражения своего мнения. Более того, все части национального законодательства должны толковаться и применяться в соответствии с принципами и практикой Суда, а в случае возникновения явных противоречий должны превалировать положения европейского права.

«Осуществление этих свобод...может быть сопряжено с такими...ограничениями..., которые... необходимы... в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия»

Перечень возможных оснований для ограничения свободы выражения своего мнения имеет исчерпывающий характер. Национальные власти не могут в законном порядке применять какое-либо иное, не изложенное в ч. 2, основание

для своего вмешательства. Следовательно, в том случае, если внутренним судам приходится сталкиваться с применением правовой нормы, каким-либо образом ограничивающей свободу выражения, они должны определить, какие ценности или интересы она защищает, установить, являются ли они одними из тех интересов или ценностей, перечисленных в ч. 2. Только при таком условии суды могут применять указанное положение в отношении того или иного лица.

Например, возбуждение уголовного дела или гражданского иска против журналиста, обвиняемого в нанесении ущерба репутации или чести другого лица, будет иметь в качестве правомерной цели *«защиту репутации или прав других лиц»*. Или конфискация непристойной книги может преследовать правомерную цель *«охраны нравственности»*. Или судебный запрет на деятельность газеты, опубликовавшей засекреченную информацию, может быть оправдан интересами *«национальной безопасности»*. Тем не менее, суды должны удостовериться, что речь идет о защите реальных интересов, а не просто о неопределенной вероятности.

Проблемы могут возникать в делах, связанных с нанесением оскорбления или диффамацией высокопоставленных официальных лиц (включая президента страны, министров, депутатов и т.д.) или государственным служащим (в том числе, сотрудникам полиции, прокуратуры и других правоохранительных органов, а также работникам государственных учреждений).

В то время как стремление наказать лицо, оскорбившее или опорочившее представителя одной из указанных выше категорий населения, может быть продиктовано необходимостью защиты *«репутации или прав других лиц»*, применение более строгих санкций, чем те, которые предусматриваются законом за оскорбление или диффамацию рядовых граждан, оправданию не подлежит. Назначение более строгого наказания за диффамацию высокопоставленных чиновников и государственных служащих вступает в противоречие с принципом равенства перед законом. Более того, подобные санкции подразумевали бы защиту не только прав этих лиц, но также защиту таких абстрактных понятий, как *«государственная власть»* или *«государственный престиж»*, не упоминаемых в ч. 2.

Более того, защита таких ценностей как *«имидж/честь страны или правительства»*, *«имидж/честь нации»*, *«государственных или других официальных символов»*, *«имидж/авторитет официальных органов власти»* (кроме судов) не предусматривается ч. 2, и, следовательно, они не являются правомерной целью для ограничения свободы выражения своего мнения. Вот почему внутренние суды не должны вводить санкции за критику, выраженную вербально, посредством жестов, образов или любым другим способом и направленную против вышеуказанных абстрактных понятий, поскольку они выходят за сферу действия ч. 2. Объяснение этого заложено в действующих правилах демократического общества, в котором выражение критики в адрес представителей власти (как отдельных лиц, так и институтов) является фундаментальным правом и обязанностью средств массовой информации, частных лиц и общества в целом. Например, оскорбление или *«оскорбительный»* акт, направленный против государственного символа, может быть выражением несогласия и критического отношения к некоторым политическим решениям, действиям государственных органов, политике правительства в тех или иных областях или другим аспектам осуществления властных полномочий. Подобное несогласие и критика должны пользоваться свободой, так как это единственный способ вынести на общественное обсуждение вопрос об ошибочности действий властей и найти возможности ее исправления. К тому же, такие общие и абстрактные понятия, как *«авторитет государства»*, являются обычно прикрытием для частных и, как правило, противозаконных интересов власть предержащей, или, по крайней мере, их желания удержать эту власть любой ценой.

В том случае, если национальные суды сочтут, что в основе вмешательства в осуществление свободы выражения мнения лежит правомерная цель, они должны обратиться к ч. 2 Конвенции, как это делает Суд, и решить, является ли подобное ограничение *«необходимым в демократическом обществе»*, опять же следуя принципам, получившим свое широкое развитие в практике Суда.

«Осуществление этих свобод... может быть сопряжено с... ограничениями..., которые... необходимы в демократическом обществе...»

Для того чтобы вынести решение на основании указанного третьего условия, национальные суды должны применять принцип пропорциональности, задавая при этом себе вопрос: «является ли цель пропорциональной средствам ее достижения?» В данном случае под «целью» подразумевается одна или более из тех ценностей или интересов, которые предусматриваются ч. 2, и ради защиты которых государства имеют право на вмешательство в осуществление свободы выражения мнения. Под «средством» имеется в виду само вмешательство. Следовательно, «цель» представляет собой определенный интерес, отстаиваемый государством, как-то: «национальная безопасность», «общественный порядок», «нравственность», «права других лиц» и т.д. Под «средством» понимается особая мера, принятая или введенная в отношении индивида в ходе осуществления им своего права на свободу выражения мнения. Например, «средством» может являться уголовное осуждение за оскорбление или диффамацию; присуждение к выплате компенсации за причиненный ущерб; запрет на публикацию; запрещение заниматься журналистской деятельностью; проведение обыска в редакционном помещении; изъятие средства, с помощью которого мнение было выражено и т.д.

Решение, касающееся требования пропорциональности, базируется на принципах, заложенных в основе демократического общества. Для признания того факта, что вмешательство являлось «необходимым в демократическом обществе», национальные суды, также как и Европейский Суд, должны удостовериться в том, что «неотложная социальная потребность» в введении определенного ограничения на свободу выражения мнения действительно существовала. В деле «Обсервер» и «Гардиан» против Соединенного Королевства⁷⁸ Суд заявил, что «прилагательное «необходимый» в смысле ст. 10 ч. 2 предполагает существование неотложной социальной потребности».

Первыми должны оценить наличие неотложной социальной потребности национальные власти, следуя при этом принципам Суда. Тем не менее, свобода усмотрения, предоставляемая национальным органам, должна идти рука об руку с европейским контролем, который охватывает как закон,

⁷⁸ «Обсервер» и «Гардиан» против Соединенного Королевства, 1995.

так и решения по применению закона, в том числе и те, вынесенные независимыми судами. Таким образом, Суд наделен правом вынесения окончательного решения в отношении того, совместимо ли «ограничение» свободы выражения своего мнения со ст. 10. Необходимо напомнить национальным судам то, что они должны следовать практике Суда, начиная с самого первого слушания по делу, касающемуся свободы выражения своего мнения. В силу того, что европейские стандарты, установленные в практике Суда, обеспечивают значительно более высокую степень защиты свободы выражения своего мнения, чем внутреннее право или прецедентные нормы, то все добросовестные судьи должны следовать в своей деятельности более высоким европейским стандартам.

Доводы, приводимые Судом в процессе поиска ответа на вопрос: «является ли ограничение необходимым в демократическом обществе», или «насколько цель пропорциональна средствам», будут ниже рассмотрены подробнее применительно к каждой в отдельности из тех законных «целей», которые перечислены в ч. 2. Очевидно, что под «средством» во всех случаях подразумевается одно и то же: вмешательство в осуществление свободы выражения своего мнения.

Свобода выражения своего мнения и национальная безопасность

В деле «Обсервер» и «Гардиан»⁷⁹ национальные власти использовали ссылку на интересы национальной безопасности в целях оправдания ограничения свободы выражения в отношении двух газет, фигурирующих в данном деле. В июле 1986 г. по просьбе Генерального прокурора британские суды выпустили постановления, временно запрещавшие газетам «Гардиан» и «Обсервер» публиковать информацию, касающуюся деятельности британских разведывательных служб. Подобная информация содержалась в рукописи мемуаров под названием «Ловец шпионов», автором которой был Питэр Райт, ушедший на пенсию бывший сотрудник службы безопасности. В момент предъявления требования на запрет книга еще не была опубликована. Временные запреты были наложены в ожидании результатов рассмотрения обоснованности требования Генерального прокурора о введении постоянного запрета на публикацию газетами указанной информации. В своем требовании о введении постоянного запрета Генеральный прокурор выступал против разглашения конфиденциальных сведений в сфере системы национальной безопасности. Для того чтобы избежать нанесения потенциального ущерба ходатайству Генерального прокурора в результате предания гласности материалов книги до завершения разбирательства по поводу их возможного постоянного запрета, национальный суд принял предварительное постановление об их временном запрете.

Книга П.Райта содержала информацию о предположительно незаконной деятельности службы безопасности и ее сотрудников. В ней утверждалось, что служба разведки MI5 устанавливала подслушивающие устройства на всех дипломатических конференциях, проходивших в Лондоне в 50—60-е гг., а также на переговорах о независимости Зимбабве в 1979 г.; MI5 прослушивала дипломатов из Франции, Германии, Греции, Индонезии, а также гостиничный номер г-на Хрущева во время его визита в Великобританию в 50-е гг.; MI5 организовывала кражи и прослушивание зданий советских посольств в разных странах; MI5 планировала (безуспешно) покушение на жизнь

⁷⁹ Там же; «Санди Таймс» (2) против Соединенного Королевства, 1991.

Президента Египта Нассера в период Суэцкого кризиса; MI5 готовила заговор против Гарольда Уилсона в то время, когда он был премьер-министром в 1974-76 гг.; MI5 направляла дополнительные средства для расследования деятельности левых политических групп в Великобритании.

В июле 1987 г. книга была опубликована в США, а ее экземпляры начали распространять и в Великобритании. Несмотря на это, действие временных запретов на публикацию сохранялось в силе до октября 1988 г., когда Палата лордов отклонила ходатайство Генерального прокурора о введении постоянного запрета на публикацию.

«Обсервер» и «Гардиан» обратились с жалобой в Европейскую Комиссию, настаивая на том, что введение временных запретов нарушило их право на свободу выражения. В ходе рассмотрения жалобы в Комиссии британское правительство заявило, что основанием для вмешательства явилась задача поддержания «авторитета и беспристрастности правосудия», призванного принять решение по поводу введения постоянного запрета на публикацию, отстаиваемого Генеральным прокурором. В ходе разбирательства в Суде, британское правительство добавило в качестве законного основания для своего вмешательства защиту интересов «национальной безопасности», настаивая на том, что в момент принятия постановлений о временном запрете информация, которой располагал П.Райт, имела конфиденциальный характер. В случае публикации указанных материалов британская служба безопасности, ее сотрудники и третьи стороны понесли бы громадный ущерб в результате разоблачения некоторых ее агентов; кроме того, существенно пострадали бы взаимоотношения со странами-союзниками, различными организациями и отдельными лицами: все они перестали бы доверять британской службе безопасности. Кроме того, правительство также настаивало на существовании риска того, что другие действующие или бывшие агенты британской разведки могут последовать примеру г-на Райта. В отношении периода, следующего за публикацией книги, правительство полагалось исключительно на довод защиты «национальной безопасности», настаивая на существовании необходимости защиты интересов «национальной безопасности» в целях демонстрации союзным государствам, сколь эффективно осуществляется защита информации, касающейся деятельности британской разведки.

По мнению правительства, единственным способом продемонстрировать это является эффективное предотвращение с помощью судебной процедуры того, чтобы сотрудники разведки, угрожающие нарушить свое пожизненное обязательство о неразглашении секретной информации, могли бы это осуществить; причем необходимо обеспечить, чтобы подобное судебное разбирательство действительно состоялось. Газеты-заявители, в свою очередь, констатировали, что после опубликования книги в США, подобная причина перестала быть актуальной, поскольку право государства на сохранение конфиденциальности данной информации в любом случае было подорвано.

Признав приемлемыми оба основания, представленные правительством в качестве «*правомерных целей*», Суд далее перешел к рассмотрению вопроса о том, было ли введение временных запретов «*необходимым в демократическом обществе*». Суд напомнил общие принципы, касающиеся свободы выражения своего мнения и получившие развитие в его прецедентном праве: «*Свобода выражения своего мнения составляет одну из главных основ демократического общества; ...это касается не только «информации» и «идей», которые принимаются благожелательно или расцениваются как безобидные или принимаются с безразличием, но и тех, которые оскорбляют, шокируют или вызывают беспокойство. (...) Эти принципы особенно важны в отношении прессы. Наряду с тем, что она не должна преступать рамки, установленные inter alia «в интересах национальной безопасности», тем не менее, на нее возложена задача по распространению информации и идей по вопросам, представляющим общественный интерес. Но не только пресса обладает обязанностью распространять подобную информацию и идеи: общественность также имеет право ее получать. В противном случае, пресса не смогла бы выполнять свою главную функцию «стража интересов общества».*

Далее, ссылаясь на необходимость тщательного контроля за введением предварительных ограничений на публикацию, Суд указал, что «*ст. 10 не содержит положения, запрещающего вводить предварительные ограничения на публикацию... С другой стороны, опасность, заложенная в подобных ограничениях, так велика, что это требует самого пристального внимания со стороны Суда. В особенности это касается прессы, поскольку актуальность новостей преходяща, и отсрочка с их публикацией, даже на короткий период, может вовсе лишить их всякой ценности и интереса.*

Применяя указанные принципы к настоящему делу и рассмотрев основания, представленные правительством, Суд признал обоснованным введение временных запретов до публикации, но не после нее. После того, как книга была опубликована в США, информация, в ней содержащаяся, утратила свой конфиденциальный характер, и, следовательно, задача сохранять ее конфиденциальность потеряла всякий смысл. В этих условиях не было «*достаточной*» необходимости для сохранения запретов. Проанализировав аргументы, выдвинутые Генеральным прокурором, а именно, необходимость обеспечения эффективности, способности вызывать доверие и высокой репутации британской службы безопасности, а также стремление заставить отказаться других агентов от намерения последовать примеру Питера Райта, Суд признал их «*недостаточными для оправдания вмешательства (...)* после 30 июля 1987 г. вмешательство, на которое жаловались заявители, не являлось более «*необходимым в демократическом обществе*».

В своем частично особом мнении судья Петтити заявил, что введение временных запретов являлось необоснованным даже в период, предшествующий публикации книги за пределами Соединенного Королевства: «*В том, что касается прессы, задержка с передачей информации по текущим вопросам лишает журналистскую статью значительной части ее интереса*». Далее судья добавил: «*Создается впечатление, что чрезмерная строгость...запрета и самого подхода, избранного Генеральным прокурором, не столько связана с вопросом о неразглашении секретных сведений, сколько с боязнью разоблачения неправомерности некоторых действий службы безопасности, предпринятых скорее в политических, чем разведывательных целях*». По мнению г-на Петтити, это являлось нарушением права на свободу получения информации, так как «*лишение общественности информации, касающейся деятельности государственных органов, означает нарушение фундаментального демократического права*». Судья, далее, отметил, что продление действия запретов представляло собой замаскированный способ введения цензуры или ограничения свободы прессы. Подвергнув критике подход, избранный Судом, а именно, проведение различия между двумя периодами – до и после публикации, судья заявил: «*Свобода выражения в одной стране не может ставиться в зависимость от того, были или нет опубликованы рассматриваемые материалы в другой стране. В эпоху*

спутникового телевидения невозможно провести разделительную линию по территориальному признаку применительно к идеям и их распространению и ограничить право на получение информации жителей страны, газеты в которой подверглись запрету». Таким образом, по мнению судьи Петтити, имело место нарушение ст. 10 на протяжении всего периода действия временных запретов.

В частично особом мнении судья Де Майер выразил свое согласие с судьей Петтити, добавив, что *«прессе должна быть предоставлена свобода публиковать новости, независимо от их источника, без какой-либо цензуры, запретов или предварительных ограничений: в свободном и демократическом обществе не должно быть места для ограничений подобного рода, и в особенности, если к ним прибегают, как это имело место в данном деле, в целях недопущения распространения нежелательной, с точки зрения правительства, информации или идей»*.

В деле *Веренигинг Викблад «Блаф!»* (Еженедельник «Блаф!»)⁸⁰ Суд также рассматривал конфликт между интересами *«национальной безопасности»* и свободой выражения своего мнения. Заявитель, ассоциация, базировавшаяся в Амстердаме, выпускала еженедельник под названием «Блаф!», предназначенный, в основном, для читателей левой политической ориентации. В 1987 г. в распоряжение редакции попал периодический доклад голландской службы внутренней безопасности. Доклад, датированный 1981 г., с грифом «секретно» содержал информацию, затрагивающую интересы голландских секретных служб в тот период. В докладе содержалась информация, касающаяся Голландской Коммунистической партии и антиядерного движения; в нем также говорилось о намерении Арабской лиги открыть свое представительство в Гааге; кроме того, в нем были представлены материалы о деятельности польских, румынских и чехословацких спецслужб в Нидерландах.

Редактор еженедельника поместил на его страницах объявление о готовящейся публикации доклада вместе с комментарием в качестве приложения к выпуску от 29 апреля. В тот же день начальник внутренних секретных служб Нидерландов направил письмо Генеральному прокурору, в котором заявлялось, что публикация доклада явится уголовно наказуемым деянием. Применительно к конфиденциальному

⁸⁰ Веренигинг Викблад «Блаф!» Против Нидерландов, 1995.

характеру информации, он указал, что «несмотря на то, что различные материалы доклада, взятые отдельно, не содержат (или не содержат более) никаких государственных секретов, тем не менее, взятые вместе и рассматриваемые последовательно, они представляют собой информацию, сохранение конфиденциальности которой необходимо в интересах государства или его союзников. Это объясняется тем, что набор фактов, содержащихся в них, помогает создать общую картину того, каковы интересы различных секторов, какой информацией располагает служба безопасности, чем она занимается и каковы методы ее работы». В результате, накануне того дня, когда журнал должен был поступить в продажу, на основании ордера, выписанного следователем, в помещении еженедельника был проведен обыск. Весь тираж выпуска от 29 апреля, включая приложение, был конфискован. Той же ночью без ведома властей сотрудникам журнала удалось заново отпечатать номер и на следующий день распространить 2500 экземпляров на улицах Амстердама. Власти не остановили его распространение.

В мае 1987 г. следствие против журналистов еженедельника «Блаф!» было закрыто без предъявления им какого-либо уголовного обвинения. Тем временем, ассоциация обратилась с требованием вернуть ей конфискованные номера, но получила отказ. В марте 1988 г. на основании ходатайства прокурора, голландский суд вынес постановление об изъятии из обращения всех экземпляров указанного номера еженедельника. При этом суд полагался на необходимость защиты национальной безопасности и настаивал на том, что бесконтрольное владение указанными материалами противоречит закону и общественным интересам.

Ассоциация обратилась с жалобой в суд, заявляя, что голландские власти нарушили их право согласно ст. 10 Конвенции. Правительство же, в свою очередь, утверждало, что вмешательство в осуществление заявителем своего права на свободу выражения мнения оправдано необходимостью защиты *«национальной безопасности»*, приводя при этом следующие аргументы: отдельные лица или группы, представляющие угрозу для национальной безопасности, могли бы выяснить, благодаря докладу, осведомлена ли и до какой степени голландская служба безопасности об их подрывной деятельности; сам способ подачи информации давал им возможность составить представление о

деятельности и методах работы секретных служб; указанные потенциальные противники могли использовать данную информацию в ущерб национальной безопасности.

Рассматривая вопрос о существовании «правомерной цели» для проведения конфискации и изъятия из обращения соответствующего выпуска еженедельника, Суд признал, что в процессе функционирования демократического общества, основанного на принципе верховенства права, может возникнуть необходимость в секретных действиях служб безопасности. По мнению Суда, это позволяет государству защищаться от действий отдельных лиц или групп, направленных на подрыв фундаментальных ценностей демократического общества. Соответственно, Суд признал, что вмешательство (конфискация издания и изъятие его из обращения) преследовало «правомерную цель» защиты интересов «национальной безопасности».

Далее, рассмотрев вопрос о том, были ли конфискация и изъятие еженедельника из обращения «необходимы в демократическом обществе», Суд заявил: *«Остается открытым вопрос, достаточной ли была степень секретности информации, содержащейся в докладе, для того чтобы оправдать предотвращение ее распространения. Речь идет о документе 6-летней давности...сам начальник службы безопасности признал, что к 1987 г. различные материалы доклада, взятые отдельно, не содержат более государственных секретов. Наконец, доклад проходил с просто грифом «конфиденциально», что соответствует небольшой степени секретности. (...) Вопрос об изъятии издания из обращения должен рассматриваться в свете всех событий в целом. После конфискации тиража газеты, издателям удалось отпечатать заново большое количество экземпляров и распространить их на многолюдных улицах Амстердама. Следовательно, рассматриваемая информация уже получила широкое распространение к тому моменту, когда издание было изъято из обращения. (...) В связи с этим обстоятельством, Суд подчеркивает, что он уже ранее заявлял о том, что не является необходимым препятствованию распространению информации, уже ставшей достоянием общественности или утратившей свой конфиденциальный характер. (...) рассматриваемая нами информация стала доступной для большого числа людей, которые, в свою очередь, могли передать ее другим людям. Более того, об этих событиях сообщали средства массовой информации. В силу всех этих обстоятельств, защита указанной информации в качестве государственной тайны не может быть более обоснована, и изъятие номера...еженедельника из обращения не представляется более необходимым для достижения преследуемой правомерной*

цели. (...) Короче, поскольку данная мера не являлась необходимой в демократическом обществе, то имело место нарушение ст. 10».

Решения, вынесенные в делах «Обсервер» и «Гардиан», а также Еженедельника «Блаф!» заключают в себе, по крайней мере, два важных принципа:

- Первый принцип заключается в том, что как только информация, касающаяся вопросов национальной безопасности, станет публичной, она не может быть запрещена или изъята, так же как и ее распространители не могут быть наказаны.

- Вторым принципом запрещается государством безоговорочно засекречивать всю информацию, касающуюся сферы национальной безопасности и, соответственно, устанавливать предварительные ограничения на доступ к подобной информации.

Некоторые данные действительно могут быть засекречены, особенно, если имеются серьезные основания полагать, что их разглашение может представлять угрозу национальной безопасности. Более того, конфиденциальный статус информации должен иметь ограниченный характер во времени, и необходимость сохранения подобного статуса должна подвергаться периодической проверке. Применительно к процессу засекречивания или рассекречивания информации, касающейся вопросов национальной безопасности, также необходимо принимать во внимание фактор заинтересованности общественности в получении подобной информации.

Таким образом, законодательство, запрещающее в абсолютном и безусловном порядке распространение любой информации, касающейся вопросов национальной безопасности, исключаящее какой-либо общественный контроль за деятельностью спецслужб, будет нарушать ст. 10 как не являющееся «необходимым в демократическом обществе». В том случае, если национальным судам приходится сталкиваться с законодательством, предусматривающим введение общего и безусловного запрета на распространение всей информации, касающейся сферы национальной безопасности, они должны противостоять этому и отклонять подобный иск, будь то уголовное или гражданское разбирательство. Суды должны предоставлять возможность прессе, действующей в интересах общества, свободно сообщать о выявленных ею недостатках, неправомерных и

иных ошибочных действиях службы безопасности. Принципы, выработанные Судом, в ходе рассмотрения дел, касающихся конфликта между свободой выражения своего мнения и интересами национальной безопасности, должны служить руководством для национальных судов. Даже в том случае, если внутреннее законодательство не предусматривает теста на «необходимость в демократическом обществе» соблюдения принципа пропорциональности (цели и средств), а также аргумента в защиту общественного интереса, то все равно, судьи, работающие на национальном уровне, должны включить эти понятия в сферу своего профессионального мышления и выработать балансирующий тест, способный ответить на вопрос о «необходимости» вмешательства. Еще одно важное указание содержится в принципе 12 Йоханнесбургских принципов (1995), а именно, *«государство не должно категорически отказывать в доступе ко всей информации, связанной с вопросами национальной безопасности; вместо этого, оно должно предусмотреть в своем законодательстве место для особых и конкретных категорий информации, конфиденциальный характер которой необходимо сохранять в целях защиты законных интересов национальной безопасности»*. К тому же, принцип 15 запрещает вводить санкции против того или иного лица за *«разглашение информации по вопросам национальной безопасности, если (1) данное разоблачение не наносит фактического ущерба и, по всей вероятности, не способно нанести ущерб законным интересам национальной безопасности, или (2) общественная заинтересованность в получении указанной информации представляется более весомым аргументом, чем возможный ущерб от разглашения»*.

Рекомендация Комитета министров Совета Европы от 1981 г., касающаяся права на доступ к информации, хранящейся у официальных органов власти, подвергает ограничения на доступ к данной информации трехстороннему тесту: ограничения должны предусматриваться законом или юридической практикой, являться необходимыми в демократическом обществе и быть направлены на защиту законного общественного интереса. Любой отказ в доступе к информации должен быть мотивирован и подвергаться пересмотру. Информация в сфере национальной безопасности не является исключением из этого правила.

Защита *«национальной безопасности»* наряду с защитой *«общественного спокойствия»* и *«прав других лиц»* рассматриваются в качестве первостепенных интересов в тех случаях, если выражение мнения, против которого властями

применились санкции, осуществлялось с целью упразднения прав, закрепленных в Конвенции. Так, в деле *Кюхнена*⁸¹ заявитель руководил организацией, целью которой было возвращение Национал-социалистической партии (запрещенной в Германии) на политическую сцену. Г-н Кюхнен занимался распространением изданий, призывающих к борьбе за социалистическую и независимую Великую Германию. Он писал о том, что его организация выступает за «единство Германии, социальную справедливость, расовую гордость, общность людей и товарищество» и против «капитализма, коммунизма, сионизма, отчуждения в результате притока большого количества иностранных рабочих, разрушения окружающей среды». Он также писал следующее: «тот, кто служит этой цели, должен действовать; с теми, кто препятствует этому, мы будем бороться, до полного их уничтожения». Немецкий суд приговорил Кюхнена к тюремному заключению⁸². Заявитель пожаловался в Комиссию на нарушение его свободы выражения. Указывая на требование того, что ограничение должно быть *«необходимо в демократическом обществе»*, Комиссия подчеркнула, что заявитель отстаивал идеи национал-социализма, направленные на подрыв самой основы свободы и демократии, его высказывания противоречат одной из главных ценностей, выраженных в Преамбуле к Конвенции: основные свободы, воплощенные в Конвенции, *«соблюдение которых наилучшим образом обеспечивается...подлинно демократическим политическим режимом»*. Кроме того, Комиссия обнаружила в высказываниях заявителя элементы расовой и религиозной дискриминации. Таким образом, Комиссия пришла к выводу, что заявитель стремился воспользоваться своим правом на свободу выражения в целях пропаганды действий, противоречащих смыслу и духу Конвенции в целом, а также ст. 17, запрещающей злоупотребление правами. В заключение, Комиссия признала, что вмешательство в осуществление заявителем своего права на свободу выражения являлось *«необходимым в демократическом обществе»*.

⁸¹ Кюхнен против Германии; доклад от 1998.

⁸² Немецкий уголовный кодекс запрещает распространение пропагандистских материалов неконституционными партиями, в особенности, если подобная пропаганда направлена на подрыв основ демократического порядка, свободы и взаимопонимания между людьми.

Аналогичное решение было принято по делу *D.I. против Германии*⁸³, в котором заявитель (будучи историком) отрицал факт существования газовых камер в Аушвице, заявляя при этом, что имевшиеся там газовые камеры были поддельными, построенными сразу после окончания войны, и что немецкие налогоплательщики заплатили около 16 миллиардов немецких марок за подделку. Национальные суды приговорили заявителя к штрафу. Выступая перед Комиссией, правительство в качестве основания для назначения указанного наказания ссылалось на интересы защиты «национальной безопасности и территориальной целостности», «репутации и прав других лиц», а также «предотвращение беспорядков и преступности». Применяя в данном случае принцип пропорциональности, Комиссия постановила: *«общественная значимость предотвращения преступности и беспорядков среди населения Германии, связанная с оскорбительным поведением в отношении евреев и аналогичными преступлениями, а также требования защиты их репутации и прав, являются, в демократическом обществе, более весомым фактором, чем свобода заявителя распространять публикации, отрицающие факт истребления евреев в газовых камерах при нацистском режиме»*. В делах *Хонсика*⁸⁴ и *Охенсбергера*⁸⁵, в которых заявители также отрицали существование холокоста и призывали к расовой нетерпимости, Комиссия вынесла аналогичные решения.

Вопрос о защите «национальной безопасности» в связи со свободой выражения своего мнения также рассматривался Судом применительно к секретной военной информации. В деле *Хаджианастассиу*⁸⁶ заявитель, офицер, был условно приговорен к 5 месяцам лишения свободы за передачу секретной военной информации частной компании за плату. Информация касалась технических сведений об определенном виде вооружения, разглашение которой, по мнению правительства, было способно нанести существенный ущерб национальной безопасности. Заявив, что военная информация также подпадает под действие ст. 10, Суд признал, что осуждение заявителя являлось «необходимым в демократическом обществе» в целях защиты «национальной

⁸³ D.I. против Германии; 1996.

⁸⁴ Хонсик против Австрии; 1995.

⁸⁵ Охенсбергер против Австрии; доклад 1994.

⁸⁶ Хаджианастассиу против Греции, 1992.

безопасности». Далее Суд заявил: *«разглашение проявляемого государством интереса к тому или иному виду вооружений или соответствующих технических сведений, свидетельствующих о ходе их производства, способно нанести существенный вред национальной безопасности (...) Ничто не указывает на отсутствие разумной соразмерности между примененными средствами и преследуемой правомерной целью»*.

Решение по делу *Хаджианастассиу* указывает национальным судам два важных направления. Во-первых, не все виды военной информации исключаются из сферы публичного выражения и общественной жизни. Во-вторых, Суд снова подчеркнул, что в каждом конкретном случае, задача установления — представляет ли соответствующая информация реальную и серьезную угрозу национальной безопасности, лежит на национальных судах. Проведение подобной оценки на основе принципа пропорциональности (целей и средств) способно дать ответ на вопрос, подлежит или нет запрету или санкциям выражение, разглашающее военную информацию.

Свобода выражения своего мнения и предотвращение беспорядков или преступлений

В деле *Инкала*⁸⁷ национальные власти использовали положение об ограничении свободы выражения своего мнения с целью «предотвращения беспорядков». Г-н Инкал, гражданин Турции, член Народной партии труда (распущенной в 1993 г. по постановлению Конституционного Суда) распространял листовки, содержащие резкие высказывания против политики турецкого правительства и призывающие курдское население к объединению и выдвигению политических требований. В листовках содержался призыв к борьбе против кампании «изгнания курдов», проводимой турецкой службой безопасности и местными органами власти; в ней, в частности, говорилось, что указанная кампания «является частью особой войны против Курдского народа, ведущейся в стране в настоящее время». Действия государства были названы в листовке «государственным террором против турецких и курдских пролетариев». Однако, в листовках не содержалось призывов к насилию или нетерпимости. Турецкие службы безопасности сочли, что указанные листовки могут рассматриваться в качестве сепаратистской пропаганды. Г-н Инкал был приговорен национальным судом к 6 месяцам лишения свободы по обвинению в подстрекательстве к совершению преступления. Ему также было запрещено заниматься государственной службой и участвовать в работе политических организаций, ассоциаций и профсоюзов.

При разбирательстве дела в Суде, турецкое правительство настаивало на том, что осуждение заявителя было необходимо в целях предотвращения беспорядков, поскольку листовки были составлены в чрезмерно агрессивном и провокационном стиле и, следовательно, могли побудить представителей курдского населения поверить в то, что они являются жертвами «особой войны», что, в свою очередь, может оправдать необходимость создания комитетов самообороны. Правительство также заявляло, что «из формулировок, содержащихся в листовках было очевидно, что они направлены на подстрекательство к восстанию

⁸⁷ Инкал против Турции, 1998.

представителей одной этнической группы против государственных властей», и что «цель борьбы с терроризмом имеет прецедент в демократическом обществе».

Суд не согласился с мнением правительства и напомнил о необходимости «подвергать действия и упущения правительства тщательному рассмотрению не только со стороны законодательных и судебных органов, но и со стороны общественного мнения». Проводя оценку того, было ли осуждение заявителя «необходимо в демократическом обществе», Суд подчеркнул, что, «представляя ценность для всех, свобода выражения своего мнения особенно важна для политических партий и их активных членов». Суд заявил, что он не обнаружил «ничего, что обосновывало бы заключение, что г-н Инкал хоть в какой-то степени ответственен за проблемы, связанные с терроризмом в Турции (...) Заключая, осуждение г-на Инкала было несоразмерно преследуемой цели и, следовательно, не являлось необходимым в демократическом обществе». Кроме нарушения ст. 10, Суд также усмотрел нарушение права на справедливое судебное разбирательство (ст. 6), так как заявитель был осужден судом, состоявшим из трех членов, один из которых являлся военным судьей.

Попытки предотвращения беспорядков или преступлений, а также защиты национальной безопасности отстаивались австрийским правительством в деле *Сазмана*⁸⁸. Заявитель был осужден на 3 месяца условного лишения свободы за подстрекательство военнослужащих через прессу к неповиновению и нарушению законов военной жизни. Комиссия пришла к выводу, что осуждение заявителя было обоснованным в целях поддержания порядка в австрийской федеральной армии и защиты национальной безопасности: «подстрекательство к нарушению военных законов представляет собой форму неконституционного давления, направленного на отмену законов, которые были приняты в конституционном порядке. Подобное неконституционное давление не допустимо в демократическом обществе».

Суд вынес иное решение в деле *Вереинигунг Демократише Золдатен Остеррайшс и Губи*⁸⁹, касавшегося наложения австрийскими судами запрета на распространение

⁸⁸ Сазман против Австрии; доклад 1997.

⁸⁹ Вереинигунг Демократише Золдатен Остеррайшс и Губи против Австрии, 1994.

среди солдат в казармах периодического издания, в котором пропагандировались реформы в армии и содержался призыв к военнослужащим подавать в суд на своих начальников. Австрийское правительство настаивало на том, что издание представляло угрозу для обороноспособности страны, эффективности армии, что могло привести к беспорядкам и преступлениям. Суд не согласился с аргументами правительства и заявил, что в большинстве своем материалы издания «содержат жалобы, предложения по реформированию армии, а также призывы к читателям использовать судебную процедуру для рассмотрения их заявлений. Тем не менее, несмотря на зачастую полемический тон публикации, не создается впечатления, что заявители переходят границу простого обсуждения различных идей, что должно допускаться в армии демократического государства, так же как и в обществе, которому эта армия служит». Таким образом, Суд усмотрел нарушение ст. 10.

Понятие «предотвращение беспорядков и преступлений» использовалось в качестве противовеса при критике правительства его политическими оппонентами. В деле *Кастеллса*⁹⁰ Суд настаивал на обеспечении сильной защиты свободы выражения мнения политической оппозиции. Г-н Кастеллс был сенатором, представлявшим в испанском парламенте политическую организацию, выступавшую за независимость Страны Басков. В 1979 г. он написал статью под названием «Вопиющая безнаказанность», которая была опубликована в национальной ежедневной газете. В этой статье Кастеллс обвинял правительство в неспособности провести должное расследование фактов убийств, имевших место в Стране Басков, он писал: «виновники этих преступлений продолжают работать, занимая ответственные посты и действуя в полной безнаказанности. Не было издано ни одного ордера на их арест». Он также обвинил правительство в потворстве этим преступлениям: «правые, находящиеся у власти, имеют в своем распоряжении все необходимые средства (полицию, суды и тюрьмы) для того, чтобы найти и наказать тех, кто совершил так много преступлений. Но не волнуйтесь, правые вовсе не стремятся к этому. (...) Сегодня те, кто отвечают за общественный порядок и уголовное преследование, это те же самые люди,

⁹⁰ Кастеллс против Испании, 1992.

что и раньше». Говоря об экстремистских правых группировках, виновных в совершении указанных преступлений, он писал: «в их распоряжении обширные досье, которые все время обновляются. У них имеются значительные запасы оружия и денег. Они обладают неограниченными материальными ресурсами и действуют в полной безнаказанности...можно сказать, что им заранее предоставлен иммунитет от судебного преследования». Далее, Кастеллс заявлял: «за всем этим может стоять только правительство, правящая партия и их люди. Нам известно, что они все более активно стараются использовать в качестве политического инструмента безжалостную охоту на баскских диссидентов и их физическое устранение... Но ради спасения следующей их жертвы из числа нашего народа, имена тех, кто ответственен за это, должны быть немедленно названы, и в обстановке максимальной гласности».

Кастеллсу было предъявлено обвинение в оскорблении правительства. В ходе разбирательства суд отказался допустить свидетелей и материалы, которые защита просила приобщить к делу. Национальные суды настаивали на том, что подобные свидетельства не являются допустимыми, если речь идет о серьезном оскорблении в адрес правительства (а не против одного из его членов), и что согласно уголовному законодательству государственные органы пользуются большей степенью защиты, чем индивидуальные лица. Заявитель был признан виновным и приговорен к одному году лишения свободы, которое, тем не менее, не было приведено в исполнение.

Перед Европейским Судом заявитель утверждал, что он стал жертвой нарушения права на свободу выражения. Суд счел приемлемой цель, преследуемую испанскими властями, а именно, «предотвращение беспорядков или преступлений». По мнению заявителя, единственной целью его осуждения было желание защитить честь правительства. Рассматривая требование о том, что вмешательство должно быть «необходимым в демократическом обществе», Суд заявил: «Свобода выражения важна для всех, но это особенно справедливо, когда речь идет о выборных представителях народа. Они представляют свой электорат, привлекают внимание к его заботам и отстаивают его интересы. Соответственно, вмешательство в осуществление свободы выражения депутата от оппозиции, каковым является заявитель, требует самого пристального внимания со стороны Суда». Далее Суд отметил,

что «а-н Кастеллс выражал свое мнение не с трибуны Сената, что он мог бы делать, не опасаясь санкций, но он предпочел сделать это в периодической печати. Однако это не означает, что он был не вправе критиковать таким образом Правительство».

Далее Суд указал на особую роль прессы в демократическом обществе: «Свобода печати представляет для граждан один из самых совершенных способов открывать для себя и вырабатывать мнение о взглядах и позиции своих политических лидеров. В частности, она дает политикам возможность высказываться по поводу того, что заботит общественное мнение, позволяя, таким образом, участвовать в политической дискуссии каждому, что является стержнем понятия демократического общества». Затем Суд напомнил, что обвинения, выдвинутые заявителем против правительства, представляли большой общественный интерес, о чем свидетельствовал тот факт, что весь тираж издания, содержавшего указанные материалы, очень быстро был распродан. В отношении пределов допустимой критики правительства, Суд заявил: «Пределы допустимой критики в отношении Правительства шире, чем в отношении рядового гражданина или даже политического деятеля. В демократической системе действия или упущения Правительства должны стать предметом пристального внимания не только законодательных и судебных властей, но и также прессы и общественного мнения. Более того, доминирующее положение, которое занимает Правительство, делает необходимым, чтобы оно демонстрировало сдержанность, когда встает вопрос об уголовном преследовании за критику, особенно, когда имеются другие средства ответа на неоправданные нападки его противников или средств массовой информации». Суд также придал решающее значение тому обстоятельству, что национальные суды объявили неприемлемыми свидетельства, представленные заявителем. Суд пришел к выводу, что имело место нарушение ст. 10.

Кроме того, в своем совпадающем мнении судья Де Мейер заявил, что «нет никаких оснований для предоставления институтам государства большей защиты, чем индивиду, а также охранять репутацию Правительства больше, чем оппозиции».

Наряду с теми уроками, которые можно извлечь из приведенных выше решений Суда, судьи национального уровня также должны иметь в виду, что хоть и подстрекательство к правовому неповиновению в принципе наказуемо, они не должны применять данную правовую санкцию автоматически. Судьи должны взвесить все

конфликтующие интересы и применить принцип пропорциональности (средств и целей) при вынесении решения о том, было ли наложение санкций на осуществление права на свободу выражения «необходимым в демократическом обществе». Более того, как это было продемонстрировано в решении по делу *Кастеллса*, национальные суды должны воздерживаться от наложения санкций за критику государственных органов. Подобная критика, даже в резкой форме, является составной частью политического и общественного плюрализма.

Свобода выражения своего мнения и защита нравственности

Конфликт между «нравственностью» и свободой выражения вносит нюансы в толкование принципа пропорциональности. Как правило, в подобных делах Суд предоставляет национальным властям более широкое поле усмотрения, что объясняется спецификой понимания «морали» в каждом из государств-членов, или даже в различных регионах одной страны.

В деле *Мюллера*⁹¹ Суд счел обоснованным и «необходимым в демократическом обществе», в целях защиты «нравственности», вмешательство государственных органов в осуществление заявителем своего права на свободу выражения. В 1981 г. г-н Мюллер, художник, представил на выставке современного искусства созданные им три больших полотна, на которых запечатлены акты содомии, зоофилии, мастурбации и гомосексуализма. Выставка была открыта для посещения широкой публики, она была бесплатной и без каких-либо возрастных ограничений. Швейцарские суды приговорили г-на Мюллера и организаторов выставки к штрафу на основании правовых положений, запрещающих непристойные публикации. Картины были конфискованы и переданы на хранение художественному музею. Однако, в 1988 г. они были возвращены хозяину. Г-н Мюллер и организаторы выставки обратились с жалобой в Европейскую Комиссию, заявляя, что обе санкции – осуждение и конфискация – нарушили их право на свободу выражения.

При рассмотрении требования о необходимости вмешательства в осуществление свободы выражения своего мнения «в демократическом обществе» Суд указал на отсутствие единой общепринятой концепции морали для всех государств-участников. Суд отметил, что национальные суды, учитывая их непосредственный контакт и связь с реальными событиями в своих странах, находятся в более выгодном положении, чем международные судебные органы, для принятия решений по вопросам, связанным с защитой «нравственности». Суд, далее, заявил, что «*рассматриваемые полотна в грубой форме изображали, в частности, половые отношения между людьми и животными...они были доступны широкой публике, без ограничений со стороны*

⁹¹ Мюллер против Швейцарии, 1988.

организаторов ни в форме платы за вход, ни по возрасту. Действительно, картины, размещенные на выставке, были доступны без каких-либо ограничений и предназначены для того, чтобы привлечь внимание самой широкой аудитории». Суд также признал не лишними основными аргументами национальных судов, которые сочли, что картины «могли грубо оскорбить представление о правильном ведении половой жизни у людей с обычной чувствительностью» тем, что они делали «акцент на сексуальности в ее самых грубых формах». В заключение, Суд заявил, что национальные власти имели законное право использовать наложение штрафа на заявителей в качестве меры, «необходимой» для защиты «нравственности». Суд также признал конфискацию картин мерой, «необходимой» в указанный момент для предотвращения того, чтобы непристойные изображения стали достоянием широкой публики. Применительно к последнему решению, Суд отметил, что художник был вправе в любой момент потребовать возвращения картин, поскольку конфискация не имела постоянного характера.

В решении по делу *Мюллера* существенную роль сыграл вопрос об отсутствии каких-либо ограничений в отношении доступа детей к непристойным материалам; аналогичную роль это сыграло и в деле *Хэндисайда*⁹², в котором заявитель опубликовал и распространил среди учащихся книгу, которую британские власти сочли непристойной.

Другой вариант конфликта между защитой «нравственности» и свободой выражения рассматривался Судом в деле организаций «*Открытая дверь*» и «*Дублинские повитухи*»⁹³. В данном деле речь шла о двух неправительственных и некоммерческих организациях, действовавших в Ирландии, стране, в которой запрещено проведение аборт. Обе организации предлагали консультативную помощь беременным женщинам, а «Дублинские повитухи» еще оказывали услуги широкого спектра по всем аспектам здоровья женщин, а именно, по вопросам планирования семьи, беременности, бесплодия и т.д. Они также предлагали беременным женщинам информацию о возможностях проведения абортов за пределами Ирландии, в частности, они указывали адреса

⁹² Хэндисайд против Соединенного Королевства, 1976.

⁹³ «Открытая дверь» и «Дублинские повитухи» против Ирландии, 1992.

медицинских клиник в Великобритании, с которыми у них уже были установлены контакты. Обе организации ограничивали свою деятельность исключительно консультированием; принятие решения о прерывании беременности целиком оставалось за женщиной. В 1983 г. «Дублинские повитухи» опубликовали брошюру, в которой содержалась критика двух незадолго до этого принятых поправок к Конституции. Первая поправка предоставляла право любому лицу обращаться в суд с требованием запрета распространения информации о возможности прерывания беременности за пределами Ирландии. Вторая наделяла любое лицо правом требования введения судебного запрета в отношении беременных женщин, намеревающихся выехать из страны.

В 1986 г. в ответ на заявление, представленное ирландским «Обществом по защите нерожденных детей», ирландские суды постановили, что деятельность по распространению информации, касающейся прерывания беременности, является нарушением Конституции, а также некоторых статей уголовного законодательства. Был также издан постоянный запрет на деятельность «Дублинских повитух» и «Открытой двери» по предоставлению ими рекомендаций беременным женщинам по вопросам прерывания беременности за рубежом. Обе организации обратились с жалобой в Комиссию, заявляя о том, что было нарушено их право на распространение и получение информации. К ним присоединились еще четыре женщины, двое из которых прямо пострадали от вышеуказанного запрета, а двое других являлись потенциальными жертвами.

В ходе разбирательства в Суде Правительство Ирландии настаивало на том, что его вмешательство было оправдано целью защиты «прав других лиц», «нравственности» и «предотвращения преступлений». Суд счел приемлемым только основание защиты «нравственности», отметив при этом, что защита прав нерожденных детей основывается на важных моральных ценностях ирландского народа; Суд также заявил, что *несмотря на то, что в вопросах «общественной морали» национальным властям предоставляется более широкое поле усмотрения, тем не менее, оно не безгранично: национальные власти не обладают «полной и бесконтрольной» свободой.* Далее Суд рассмотрел вопрос о том, было ли вмешательство оправдано «неотложной социальной потребностью», и являлось ли оно соразмерным преследуемой правомерной

цели. Суд был удивлен абсолютным характером постановлений, изданных ирландскими судами и вводившими постоянный и всеобщий запрет, «независимо от возраста, состояния здоровья или причины поиска рекомендаций по вопросам прерывания беременности». Суд счел, что подобное ограничение имеет слишком широкий и непропорциональный характер. Настаивая на несоразмерности вмешательства, Суд указал на существование иных источников получения информации (журналов, справочников, лиц, живущих за границей), что служит доказательством того, что потребность в указанном ограничении не является неотложной.

Из данного дела национальные суды вновь должны уяснить, что наложение общих и постоянно действующих ограничений на свободу выражения своего мнения даже в столь деликатных сферах, каковой является сфера общественной морали, неприемлемо. Национальным судам предоставляется своего рода руководство по применению принципа пропорциональности: здесь важным является характер аудитории, а именно, если дети и молодежь выступают в качестве адресатов; также существенно то, какие меры принимаются для ограничения доступа к соответствующей форме выражения в целях снижения риска ее «аморального» воздействия; во избежание произвольного подхода, необходимо определить степень реального ущерба, наносимого «морали».

Свобода выражения своего мнения и защита репутации или прав других лиц

Защита «репутации или прав других лиц» является той «правомерной целью», преследование которой наиболее часто используется национальными властями для оправдания ограничений в отношении свободы выражения. Довольно часто к нему прибегают в целях защиты политиков и государственных служащих от выражаемой в их адрес критики. Именно поэтому по данному вопросу Суд наработал обширное прецедентное право, демонстрирующее предоставление высокой степени защиты свободы выражения и, в частности, прессе. Привилегированность положения средств массовой информации следует из центральной роли, которую, по мнению Суда, играет политическое выражение в демократическом обществе как применительно к

электоральному процессу, так и к ежедневным событиям, представляющим общественный интерес. Что касается стилистических аспектов, то Суд счел приемлемой жесткую и резкую критику, выраженную в эмоционально-окрашенной форме, поскольку, по мнению Суда, это помогает привлечь внимание к обсуждаемым вопросам.

В деле *Лингенс*⁹⁴ Суду пришлось балансировать, согласно принципу пропорциональности, между свободой печати и защитой репутации высокопоставленного государственного деятеля. В октябре 1975 г., после общих выборов в Австрии, заявитель, журналист по профессии, опубликовал две статьи, в которых подверг критике Федерального канцлера Бруно Крайского, победившего на выборах. Указанная критика была направлена на политические шаги канцлера по созданию коалиции с партией, во главе которой стоял лидер с нацистским прошлым, а также на систематические усилия канцлера, направленные на политическое выживание бывших нацистов. Поведение канцлера характеризовалось как «аморальное», «недостойное», демонстрирующее самый «низкопробный оппортунизм». Вслед за предъявлением канцлером гражданского иска, австрийские судебные органы сочли высказывания журналиста оскорбительными и приговорили его к уплате штрафа. Кроме того, национальные суды также заявили, что журналист не смог доказать истинность предъявляемых им канцлеру обвинений в «низкопробном оппортунизме». Тем временем гражданский иск канцлера был отвергнут. Несмотря на это, суды издали постановление о конфискации номера журнала с опубликованными статьями, а также о публикации судебного решения за счет журнала.

В ходе разбирательства дела в Европейском Суде г-н Лингенс настаивал на том, что вынесенный ему приговор, а также другие меры, принятые австрийскими судами, нарушают ст. 10. Австрийское правительство заявляло, что указанные меры были направлены на защиту репутации канцлера.

Рассматривая требование о необходимости вмешательства «в демократическом обществе», Суд сформулировал ряд очень важных принципов, указывая при этом, что политические деятели должны более терпимо относиться к критическим замечаниям со стороны средств

⁹⁴ Лингенс против Австрии, 1986.

массовой информации. Суд разъяснил причины этого: *«Свобода печати наделяет общество одним из самых совершенных инструментов, позволяющих узнать и составить представление об идеях и позициях политических лидеров. В более общем виде можно сказать, что свобода политической дискуссии составляет стержень концепции демократического общества, которая проходит через всю Конвенцию. Соответственно, пределы допустимой критики в отношении политиков как таковых шире, чем в отношении частного лица. В отличие от последнего первый должен проявлять и большую степень терпимости к пристальному вниманию журналистов и всего общества к каждому его слову и действию»*. Суд, не исключая также необходимость защиты репутации политических деятелей, при этом отметил, что *«в таких случаях противовесом подобной защиты выступает интерес общества к открытой дискуссии по политическим вопросам»*.

В процессе поиска баланса между свободой печати и защитой репутации канцлера, Суд указал на политический контекст, в котором появились рассматриваемые статьи: *«Таким образом, инкриминируемые выражения следует рассматривать на фоне разгоревшегося после выборов политического спора; ...в этой борьбе каждый использовал то оружие, которое оказалось в его распоряжении; и в этом не было ничего необычного для ожесточенной политической дискуссии»*.

Оценивая наложенное на заявителя наказание в свете свободы печати в целом, Суд заявил: *«Спорные статьи, как указало правительство, в то время уже получили широкое хождение, и наложенное на автора наказание, строго говоря, уже не могло помешать ему выразить свое мнение, тем не менее, оно равносильно своего рода порицанию, которое, вероятно, может отбить у него охоту заниматься подобной критикой в будущем; ...В контексте политической дискуссии подобный приговор может, вероятно, отвлечь журналистов от стремления внести вклад в публичное обсуждение проблем, затрагивающих жизнь общества. К тому же санкция, подобная этой, могла бы помешать прессе выполнять свою задачу носителя информации и стража интересов общества»*.

Суд счел неправомерным подход австрийских судов в отношении доказательства истинности высказываний заявителя. Суд указал на необходимость проводить различие между «фактами» и «оценочными суждениями», отметив при этом, что доказательство истинности «оценочных суждений» является невыполнимой задачей. Высказывания заявителя относительно политической позиции канцлера являлись, скорее, одной из форм осуществления права на обладание и выражение своего мнения, чем права на распространение

информации. В то время, как существование фактов может быть доказано, истинность оценочных суждений не всегда поддается доказыванию. Требование предоставления доказательств истинности оценочных суждений подрывает саму основу свободы мнения. Суд также отметил в этой связи, что факты, на которых г-н Лингенс основывал свои оценочные суждения, так же как и его добросовестные намерения, никто не оспаривал.

В результате, Суд пришел к заключению, что вмешательство в осуществление свободы выражения г-ном Лингенсом не было «необходимым в демократическом обществе... для защиты прав других лиц; оно было несоразмерным с преследуемой правомерной целью».

Принципы, разработанные Судом в отношении выражения критики в сфере политики, а также *проведение различия между фактами и мнениями*, были подтверждены в последующих решениях⁹⁵. Так, в деле *Далбана* Суд заявил: «представляется неприемлемым, чтобы журналиста лишали возможности высказывать критические мнения, даже если он (она) не могут доказать их истинность». Кроме того, в деле *Швабе* Суд указал на возможную ограниченность языковых средств: «в короткой заметке или статье, являющейся частью общей дискуссии о действиях политиков или политической этике, не каждое слово может быть взвешено с тем, чтобы исключить возможность его превратного толкования». Или, опять же в деле *Далбана* Суд предоставил прессе более широкую свободу действий: «понятие «журналистская свобода» также позволяет прибегать к некоторому преувеличению или даже провокативности».

Если следовать принципам, разработанным Судом, то любые внутренние законы, предполагающие введение особых и более строгих санкций в целях защиты репутации политических и высокопоставленных государственных деятелей в целом (как то: президентов, премьер-министров, министров, депутатов и т.д.) от нанесения оскорбления и диффамации, в особенности со стороны прессы, были бы несовместимы со ст. 10. Там, где подобные законы существуют и используются политиками, национальные суды должны воздерживаться от их применения. Взамен этого, суды могут полагаться на общие правовые положения, касающиеся

⁹⁵ Обершлик против Австрии, 1991; Швабе против Австрии, 1992; Далбан против Румынии, 1999 и т.д.

нанесения оскорбления и диффамации. Более того, в том случае, если соображения защиты чести и достоинства того или иного политического деятеля вступают в противоречие со свободой прессы, национальные суды должны на основании тщательного применения принципа пропорциональности определить, является ли наказание журналиста мерой, необходимой в демократическом обществе, используя при этом основополагающие принципы, сформулированные Судом в делах, подобных делу *Лингенса*.

Аналогичным образом, там, где национальное законодательство предусматривает необходимость доказательства истинности суждений в делах, касающихся оскорбляющего выражения, национальные суды, следуя принципу Суда о различии между фактами и оценочными суждениями, должны воздерживаться от требования подобных доказательств. Более того, оправдания, приводящиеся в качестве аргумента добросовестности намерений, должны считаться приемлемыми в делах, связанных с диффамацией, которые, как правило, касаются фактов. Если в момент публикации журналист имел достаточные основания полагать, что те или иные сведения достоверны, он/она не должны подвергаться санкциям. «Актуальность новостей преходяща, и любая отсрочка с их публикацией, даже на короткий период, создает риск того, что они потеряют свою ценность, а публика, в свою очередь, утратит к ним интерес»⁹⁶. Вот почему от журналиста только требуется то, чтобы он в пределах разумного проверил все факты и достаточно точно сообщил информацию. Другой аргумент, возникающий в этой связи, касается отсутствия намерения со стороны журналиста оскорбить или опорочить предполагаемую жертву. Если журналист уверен в истинности сообщаемых им сведений, это свидетельствует об отсутствии указанного намерения, и, следовательно, к нему не могут применяться санкции на основании положений, запрещающих преднамеренную диффамацию; именно наказание за преднамеренную диффамацию предусматривается всеми уголовными законодательствами.

Национальные суды также должны воздерживаться от применения уголовно-правовых санкций, в частности, такой меры, как лишение свободы. Подобные санкции угрожают

⁹⁶ «Санди Таймс» (2) против Соединенного Королевства, 1991.

самой сути свободы выражения и действуют в качестве цензуры в отношении всей прессы в целом, препятствуя ей исполнять свою роль стража интересов общества.

Все вышеприведенные принципы, разработанные Судом, для использования их национальными судами, также могут применяться и при выражении критики в адрес государственных служащих или любых других критических замечаний, ставящих своей целью вынести на широкое обсуждение вопросы, представляющие общественный интерес.

В деле *Торгеирсона*⁹⁷ Суд рассматривал вопрос о свободе прессы в связи с критикой в адрес государственных служащих. Заявитель (писатель) опубликовал в ежедневной газете две статьи о жестокости полиции. Первая была написана в форме письма, адресованного Министру юстиции, с призывом учредить комиссию «для расследования слухов, постепенно приобретающих статус общественного мнения, о все более частых проявлениях жестокости со стороны полиции Рейкьявика, которые замалчиваются самым странным образом». За исключением имени одного журналиста, ставшего жертвой жестокого обращения полиции, заявитель не указал имен других пострадавших. Обращаясь к Министру юстиции, Г-н Торгеирсон описывал полицейских и их действия следующим образом: «Так как Вы являетесь Министром юстиции, то, следовательно, Вы руководите этими дикими животными в мундирах, крадущимися, молча или нет, по джунглям ночной жизни нашего города; ...Соседи по комнате одного молодого человека рассказали мне, что ушибы ему были нанесены вышибалами из ресторана и полицейскими. Сначала я не мог этому поверить, поэтому я решил расспросить медицинский персонал больницы. Там подтвердили: «да, все верно, к нам поступил пострадавший от действий ночного дежурного отряда полиции Рейкьявика». «Позже я обнаружил, что очень многие люди могут рассказать различные истории о лицах, имевших аналогичный или еще более страшный опыт общения со зверьми в мундирах, интеллектуальный уровень которых снижен до уровня новорожденного ребенка в результате постоянного хватания за горло, чему полицейских и ресторанных вышибал специально обучают, и чем они занимаются с грубой непосредственностью

⁹⁷ Торгеирсон против Исландии, 1992.

вместо того, чтобы обращаться с людьми аккуратно и осторожно. Существует так много подобных историй, одинаковых по своему содержанию, что Вы вряд ли можете их отбросить как простую ложь, позволяя этим монстрам и садистам наслаждаться собственной безнаказанностью».

После публикации первой статьи по телевидению была показана передача, в которой двое офицеров полиции отрицали все обвинения и продемонстрировали некое письмо, в котором г-н Торгеирсон был назван лжецом и человеком, которому нельзя доверять. Заявитель опубликовал вторую статью, в которой говорилось, что «подобное поведение полиции очень типично и соответствует тому, что ныне постепенно становится имиджем полиции в глазах общества, а именно, ее попытки защитить себя с помощью запугивания, фальсификаций, предрассудков, а также незаконных и необдуманных действий».

По требованию полицейской ассоциации Рейкьявика прокурор возбудил против заявителя уголовное дело по обвинению в диффамации неназванных сотрудников полиции. В ходе разбирательства заявитель отказался назвать имена пострадавших от жестокости полиции. Он заявил: «представляется совершенно абсурдным и противоестественным спрашивать человека о том, узнает ли он лицо, с которым он, возможно, встречался семь лет тому назад». Заявитель был приговорен к уплате штрафа.

В ходе разбирательства дела в Суде правительство настаивало на том, что осуждение заявителя преследовало цель защиты «репутации других лиц», а именно, сотрудников полиции. Рассматривая вопрос о том, было ли осуждение заявителя «необходимо в демократическом обществе», Суд заявил: «Необходимо принимать во внимание определяющую роль прессы в правовом государстве. Хотя пресса и не должна преступать границы, установленные *inter alia* «для защиты репутации других лиц», тем не менее, на нее возложена миссия по распространению информации и идей по вопросам, представляющим общественный интерес. Если на прессе лежит задача распространять такую информацию и идеи, то общественность, со своей стороны, имеет право получать их. В противном случае, пресса не смогла бы выполнять свою главную роль «стража интересов общества». Так как правительство допускает более широкие рамки приемлемой критики только в отношении политической дискуссии, то «Суд указывает на то, что в его прецедентном праве нет предписания проводить

различие, как это предлагает правительство, между политической дискуссией и обсуждением других вопросов, представляющих общественный интерес».

Учитывая особые обстоятельства данного дела, Суд счел неприемлемыми утверждения правительства о том, что «высказывания заявителя не основаны на объективных фактах». Суд поднял вопрос об ограниченном характере доказательства истинности применительно к изложению фактов: «Неоспоримым является то, что указанный инцидент (с журналистом, пострадавшим от жестокого обращения полиции), действительно, имел место. В отношении других фактов, содержащихся в статьях, Суд отмечает, что, в значительной степени, они представляют собой ссылки на рассказы или слухи, исходящие от других (а не от самого заявителя) людей, своего рода общественное мнение, обвиняющее полицию в жестокости. (...) Опять же, согласно первой статье, заявитель обнаружил, что большинство его собеседников были знакомы с историями подобного рода, столь похожими друг на друга и столь многочисленными, что их едва ли можно было воспринимать как ложь. Короче, заявитель, в основном, сообщил о том, что говорили другие люди о жестокости полиции. (...) Так как от заявителя потребовали привести доказательства истинности своих высказываний, то, по мнению Суда, он столкнулся с необоснованной, если невыполнимой, задачей».

Не согласившись также с утверждениями правительства о том, что в намерения заявителя входило нанесение ущерба репутации полиции Рейкьявика, Суд заявил, что «его главная цель заключалась в том, чтобы побудить министра юстиции учредить независимый и беспристрастный орган для расследования жалоб на жестокое обращение со стороны полиции».

В отношении стиля высказываний заявителя, Суд отметил, что «обе статьи отличались довольно резкой формой выражения. Тем не менее, принимая во внимание их цель и то воздействие, которое они были призваны оказать, Суд полагает, что их язык не может считаться излишне резким».

Проводя заключительную оценку всех указанных аргументов, Суд указал, что «осуждение и вынесенный приговор были способны затруднить ведение открытой дискуссии по вопросам, представляющим общественный интерес», и что аргументы, выдвинутые правительством, не свидетельствовали о соразмерности вмешательства преследуемой правомерной цели. Следовательно, осуждение заявителя не являлось «необходимым в демократическом обществе».

Вопрос о защите «прав других лиц», а именно религиозная свобода против свободы выражения, рассматривались Судом в связи с делом *Института Отто-Премингера*⁹⁸. Ассоциация-заявительница (ОП), имевшая штаб-квартиру в Инсбруке, объявила о демонстрации фильма Вернера Шретера «*Собор любви*»; планировалось провести шесть сеансов. Рекламное объявление содержало также предупреждение, запрещающее лицам моложе 17 лет смотреть указанный фильм.

Фильм представлял Бога Отца в образе немощного старика, распростертого перед дьяволом, крепко его обнимающим, называя при этом дьявола своим другом. Другие кадры представляли Деву Марию, слушающую непристойную историю, а также эротическую атмосферу в отношениях между Девой Марией и дьяволом. Иисус Христос был показан умственно отсталым, отличающимся крайней похотливостью. Кроме того, в одной из сцен Дева Мария и Иисус были показаны аплодирующими дьяволу.

После обращения Инсбрукской епархии Римской католической церкви прокурор, предваряя намеченный показ, возбудил уголовное дело против директора ОП по обвинению «в оскорблении религиозных верований». После просмотра фильма судом было вынесено решение о наложении на него ареста. Таким образом, фильм не был показан публике. Затем уголовное дело было прекращено, разбирательство продолжалось только в отношении конфискации фильма. Ассоциация обратилась с жалобой в Комиссию, утверждая, что как арест фильма, так и его последующая конфискация явились нарушением ст. 10 Конвенции. Комиссия объявила жалобу приемлемой.

В ходе разбирательства в Суде, правительство настаивало на том, что арест и конфискация фильма были направлены на «защиту прав других лиц», в частности, права на уважение религиозных чувств, а также на «предотвращение беспорядков». Право на уважение религиозных чувств является составной частью права на свободу мысли, совести и религии, предусматриваемого ст. 9 Конвенции. Рассматривая вопрос о правомерности цели вмешательства, Суд заявил: «У тех, кто открыто выражает свою религиозную веру, независимо от принадлежности к религиозному большинству или меньшинству,

⁹⁸ Институт Отто Премингер против Австрии, 1994.

нет разумных оснований ожидать, что они останутся вне критики. Они должны проявлять терпимость и мириться с тем, что другие отрицают их религиозные убеждения и даже распространяют учения, враждебные их вере. Однако, способы критики или отрицания религиозных учений и убеждений могут повлечь за собой ответственность государства, если оно не обеспечивает спокойного пользования правом, гарантированным ст. 9, всем, кто придерживается этих учений и убеждений. В экстремальных ситуациях результат критики или отрицания религиозных убеждений может быть таким, что воспрепятствует свободе придерживаться или выражать такие убеждения. (...) Есть правомерное основание считать, что религиозные чувства верующих, гарантируемые ст. 9, подверглись оскорблению вследствие провокационного изображения предметов религиозного культа. Подобное изображение может рассматриваться как злонамеренное нарушение духа терпимости, который является отличительной чертой демократического общества. Конвенцию следует рассматривать в целом, а потому толкование и применение ст. 10 в настоящем деле должно соответствовать логике Конвенции». Таким образом, Суд согласился с тем, что вмешательство преследовало правомерную цель, а именно защиту «прав других лиц». Далее, рассматривая вопрос о необходимости вмешательства «в демократическом обществе», Суд указал на обязанность избегать «выражений, которые беспричинно оскорбительны для других, являются ущемлением их прав и не приносят в публичные обсуждения ничего, что способствовало бы прогрессу в делах человеческих».

Отстаивая свою позицию, правительство подчеркивало большую роль религии в повседневной жизни жителей Тироля, где удельный вес католиков составляет 87%. Соответственно, по крайней мере в тот период существовала неотложная социальная потребность в сохранении религиозного мира.

Пытаясь уравновесить два противоречащих другу другу интереса, Суд заявил: «Суд не может игнорировать тот факт, что римско-католическая вера является религией подавляющего большинства тирольтцев. Наложив арест на фильм, австрийские власти действовали в интересах обеспечения религиозного мира в этом регионе и для того, чтобы у отдельных людей не сложилось ощущение, что их религиозные представления стали объектом необоснованных и оскорбительных нападок. В первую очередь, именно национальным властям, которые находятся в более выгодном положении, чем международный суд, приходится давать оценку потребности в подобной мере в свете той ситуации, которая складывается в данном месте и в данное время. Во всех обстоятельствах настоящего дела Суд ни разу не счел, что действия австрийских властей могут рассматриваться в этом

отношении как выходящие за пределы их усмотрения». Соответственно, нарушение ст. 10 не имело места в том, что касается ареста и конфискации фильма.

Данное решение было принято шестью голосами против трех. Трое судей выступили с совместным особым мнением, в котором они заявили: «...власти государства не должны произвольно решать, может ли конкретное заявление «привнести в публичные обсуждения что-либо способное содействовать в делах человеческих», подобное решение не должно отражать представления властей о «прогрессе». Необходимость конкретного вмешательства для достижения правомерной цели должна быть убедительно установлена. Это более чем справедливо в таких случаях, как настоящее дело, где вмешательство в виде ареста приобретает форму предварительного ограничения... (...) Долг и обязанность любого лица, которое хочет воспользоваться свободой выражения, состоят в том, чтобы со своей стороны умерить, насколько это возможно и разумно, обиды, наносимые другим лицам. Если оно не делает этого, либо если то, что лицо делает, окажется недостаточным, тогда только может вмешаться государство. (...) Необходимость в репрессивных действиях, вплоть до полного запрета пользоваться свободой слова, может быть приемлема, если поведение, о котором идет речь, достигает такой высокой степени злоупотребления и подходит столь близко к отрицанию свободы вероисповедания других лиц, что само утрачивает право на терпимое отношение к себе со стороны общества. (...) ...фильм предназначался для платного показа аудитории «искусствоведческого кинотеатра», который обслуживал относительно немногочисленную публику, любящую экспериментальное кино. Поэтому маловероятно, чтобы в его аудитории оказались люди, не заинтересованные в том, чтобы увидеть фильм. Более того, эта аудитория получила достаточную возможность предварительно ознакомиться с характером фильма. (...) Вероятность того, чтобы в настоящем случае кто-нибудь непредумышленно столкнулся с неприемлемыми для него материалами, невелика. Поэтому мы заключаем, что ассоциация-заявитель действовала ответственно и, таким образом, чтобы ограничить возможные предвидимые отрицательные последствия показа фильма. (...) Мы не отрицаем, что показ фильма мог бы оскорбить религиозные чувства некоторой части населения Тироля. Однако, учитывая меры, фактически принятые ассоциацией-заявителем в интересах охраны тех, кто мог бы счесть себя оскорбленным, и защиту, предоставляемую австрийским законодательством тем, кто не достиг 17 лет, мы, все взвесив, полагаем, что арест и конфискация фильма, о котором идет речь, были несоразмерны преследуемой правомерной цели».

Вопрос о соотношении между необходимостью *защиты «прав других лиц»* и свободой распространять и получать информацию также рассматривался Судом в связи с делом, касавшемся телевизионной программы, в которой содержались расистские высказывания, переданные исключительно в целях информирования общественности о носителях расистских взглядов. В деле *Йерсилда*⁹⁹ заявитель, работавший телевизионным журналистом, был признан виновным национальными судами в соучастии и подстрекательстве к распространению расистских заявлений. Журналист участвовал в подготовке программы, в ходе которой он взял интервью у трех молодых людей, представлявших молодежную группу расистской направленности. Ему было заранее известно, что в процессе интервью, по всей видимости, прозвучат расистские замечания, более того, он сам старался их спровоцировать. В последующем заявитель отредактировал записанный им материал, включив наиболее резкие заявления своих собеседников. Интервью было показано в серьезной телевизионной передаче, предназначенной для хорошо информированной аудитории, в которой обсуждался широкий круг социальных и политических вопросов, в том числе и вопросы ксенофобии и иммиграции. Аудитория могла слышать следующие высказывания: «Быть расистом – хорошо! Мы считаем, что в Дании должны жить исключительно датчане»; «Людям нужно позволить держать рабов»; «Возьмите изображение гориллы...а потом посмотрите на негра, то же самое строение тела и всего остального...плоский лоб»; «черномазые – это не люди, это – животные, так же как и все другие рабочие-иммигранты, турки, югославы и как их там еще...» и т.д. Молодым людям также задавались вопросы о том, где они живут, работают, о бывшей судимости.

В результате жалобы, поданной высокопоставленным служителем церкви против г-на Йерсилда, против него было возбуждено дело, а затем он был признан виновным в пособничестве распространению и подстрекательстве к расистским высказываниям и приговорен к штрафу. В ходе разбирательства в национальном суде, заявитель настаивал на том, что в его намерения, ни в коем случае, не входила пропаганда подобных взглядов, а скорее, напротив: он просто

⁹⁹ Йерсилд против Дании, 1994.

пытался честно представить картину жизни определенной части молодежи. В целом, это, скорее, могло вызвать возмущение и сожаление в отношении троих молодых людей, выставивших себя в смешном свете. Он также подчеркивал то, что программа была показана в контексте широкого общественного обсуждения, вызвавшего живой отклик в прессе. Основная причина, по которой национальный суд признал журналиста виновным, заключалась в том, что он в конце передачи не выступил с итоговым заявлением, в котором, по мнению суда, он должен был подвергнуть резкой критике расистские высказывания, сделанные во время интервью.

В ходе разбирательства в Суде, заявитель утверждал, что было нарушено его право на свободу выражения своего мнения. Правительство, в свою очередь, настаивало на том, что осуждение заявителя диктовалось необходимостью защиты прав тех лиц, которых могли оскорбить расистские заявления. Признав данный аргумент правомерной целью, Суд затем применил принцип пропорциональности для того, чтобы определить было ли вмешательство «необходимым в демократическом обществе». Он начал с того, что подчеркнул особую важность борьбы с расовой дискриминацией во всех ее проявлениях, отметив при этом, что программа, подготовленная заявителем, представляла большой общественный интерес. Анализируя то, каким образом программа была подготовлена и показана, Суд пришел к заключению, что *«она объективно не была похожа на материал, цель которого состояла в пропаганде расистских идей и взглядов. Напротив, в нем очевидно стремление при помощи интервью выставить на всеобщее обозрение, проанализировать и объяснить поведение именно этой группы молодых людей, ограниченных и недовольных своим социальным положением, склонных к насилию и уже имеющих судимость»*. Подвергнув критике подход национальных судов, требующих, чтобы журналист противопоставил расистским высказываниям свои контраргументы, Суд заявил, что *«методы объективного и сбалансированного репортажа могут существенно варьироваться в зависимости от других особенностей средства информации. Ни данному Суду, ни национальным судам не подобает подменять в этом вопросе своими собственными взглядами суждения прессы относительно того, к какой технике репортажа следует прибегать журналистам»*. Говоря о репортажах, строящихся на интервью, отредактированных или не отредактированных, Суд заявил, что подобная форма распространения информации представляет собой *«одно из важнейших средств, при помощи которого пресса может играть свою исключительно важную роль «стража интересов»*

общества». Вынося окончательное решение по данному делу, Суд постановил, что осуждение заявителя не являлось средством «необходимым в демократическом обществе». Наказание журналиста за содействие в распространении заявлений, сделанных другим лицом в ходе интервью «могло бы серьезно помешать прессе вносить свой вклад в обсуждение проблем, представляющих общественный интерес, если только речь не идет об особо серьезных ситуациях. В этом отношении, Суд не приемлет довода правительства о незначительном размере штрафа; единственное, что имеет значение, так это факт осуждения журналиста».

Свобода выражения своего мнения и обеспечение авторитета и беспристрастности правосудия

В отношении данного вопроса Суд подчеркивает тот факт, что, хотя правосудие и пользуется особой защитой, тем не менее, оно функционирует не в вакууме, и вопросы, касающиеся отправления правосудия, могут выноситься на общественное обсуждение.

В деле «Санди Таймс»¹⁰⁰ правительство обосновывало запрет на публикацию газетной статьи *интересами защиты беспристрастности правосудия и поддержания доверия общественности к судебным органам*. В период между 1959 г. и 1962 г. в Великобритании многие дети родились с дефектами, как утверждалось, по причине того, что их матери принимали во время беременности в качестве успокаивающего средства лекарство под названием талидомида. Изготовителем и продавцом талидомида была компания «Дистиллерс», которая в 1961 г. прекратила его продажу. Родители подали в суд на компанию, требуя возмещения ущерба; процесс переговоров между сторонами растянулся на многие годы, их результаты должны были получить судебное подтверждение. Все газеты, включая «Санди Таймс», широко освещали указанные события. С 1971 г. стороны начали вести переговоры по поводу учреждения благотворительного фонда для детей с врожденными дефектами. В сентябре 1972 г. «Санди таймс» опубликовала статью под заголовком «Наши талидомидные дети – причина национального позора», критикующую компанию «Дистиллерс» за то, что она сократила сумму выплат

пострадавшим, а также за слишком малую сумму взноса, которую компания намеревалась внести в создаваемый благотворительный фонд. Газета также объявила о своем намерении продолжить публикации, прослеживающие историю трагедии.

По просьбе компании Генеральный прокурор обратился в суд с требованием наложить запрет на готовящуюся публикацию, утверждая, что она создаст препятствия для отправления правосудия. Суд удовлетворил ходатайство Генерального прокурора, и на публикацию в «Санди Таймс» был наложен запрет. Кстати, в указанной статье содержалась информация об изготовлении препарата, его тестировании и распространении, а также указывалось, что, несмотря на то, что компания получила предупреждения от некоторых экспертов, касающихся опасного действия данного препарата, тем не менее, она продолжала его производство и продажу.

Газета обратилась с жалобой в Суд, заявляя, что наложение запрета на публикацию нарушило ее право на свободу выражения. Правительство, в свою очередь, оправдывало введение судебного запрета необходимостью поддержания «авторитета и беспристрастности правосудия», поскольку судебные разбирательства дел, связанных с последствиями употребления талидомида, к тому моменту еще не были завершены. Суд счел данный аргумент законной целью, а затем перешел к рассмотрению вопроса о «необходимости» вмешательства. Суд напомнил о том, что «свобода выражения представляет собой одну из основных опор демократического общества», и что «она применима не только к информации или идеям, которые встречают благоприятный прием или рассматриваются как безобидные либо безразличные, но также и к таким, которые оскорбляют, шокируют или внушают беспокойство государству или части населения». Далее, Суд рассмотрел вопрос о применимости указанных принципов при обсуждении прессой проблем отправления правосудия: «Эти принципы... в равной степени применимы к сфере отправления правосудия, которая служит интересам общества в целом и требует сотрудничества просвещенной общественности. Существует общее признание того факта, что суды не могут действовать в вакууме. Хотя они и являются форумом для разрешения споров, это не означает, что предварительное обсуждение споров не может происходить где-то еще, будь то специальные журналы, широкая пресса или население. Средства массовой информации не должны преступать рамки, установленные в интересах надлежащего отправления правосудия, но

¹⁰⁰ «Санди Таймс» против Соединенного Королевства, 1979.

на них лежит также обязанность распространять информацию и идеи, касающиеся вопросов, рассматриваемых судами, точно так же, как это происходит в других сферах деятельности, представляющих общественный интерес. Этой функции средств массовой информации сопутствует право общественности получать информацию».

Принимая во внимание особые обстоятельства дела, Суд отметил, что «катастрофа, связанная с талидомидом», являлась вопросом, вызывающим беспрецедентную озабоченность общества. Кроме того, семьи многочисленных жертв трагедии, а также широкая общественность обладали правом на получение информации, касающейся всех фактов этого дела.

Взвесив все обстоятельства данного дела, Суд пришел к заключению, что введение судебного запрета на публикацию *«не соответствовало достаточно неотложной социальной потребности, которая перевешивала бы заинтересованность общественности в осуществлении свободы выражения в смысле Конвенции... Это ограничение оказалось несоразмерным преследуемой правомерной цели; оно не являлось необходимым в демократическом обществе для поддержания авторитета правосудия»*.

Совсем недавно в деле *Де Хаэс и Гийселс*¹⁰¹ Суду пришлось делать выбор между интересами защиты репутации и прав представителей правосудия и необходимостью защиты свободы прессы. Заявители-журналисты занимались освещением в газете одного предстоящего судебного разбирательства. Они опубликовали пять статей, в которых подвергли резкой критике членов Апелляционного суда, постановивших в бракоразводном деле, что двое детей разведенных родителей должны жить со своим отцом. Отец, хорошо известный нотариус, до этого обвинялся своей бывшей женой и ее родителями в сексуальных домогательствах в отношении обоих детей. К моменту завершения бракоразводного процесса, уголовное дело против нотариуса было закрыто без предъявления каких-либо обвинений.

Прокурор и трое членов суда возбудили гражданский иск против двух журналистов и газеты по обвинению в диффамации с требованием возмещения ущерба. Национальные суды сочли, что оба журналиста подвергли серьезному сомнению беспристрастность судей, написав в своей статье, что судьи умышленно вынесли ошибочное решение на основании своих тесных дружеских связей с нотариусом. Журналисты были обязаны заплатить штраф (символическую сумму) и за свой счет

¹⁰¹ Де Хаэс и Гийселс против Бельгии, 1997.

опубликовать решение суда в шести газетах. Журналисты обратились в Суд, заявляя, что была нарушена ст. 10.

Суд признал, что представители правосудия должны пользоваться доверием общества и, следовательно, должны быть защищены от резких нападок, не имеющих фактической основы. Более того, поскольку судьи обязаны быть осмотрительными и сдержанными, они не могут публично реагировать на нападки в свой адрес как, к примеру, это могут делать политики. Затем Суд проанализировал статьи и отметил, что они содержат многочисленные подробности, включая мнения экспертов, свидетельствующие о том, что журналисты серьезно изучили проблему прежде, чем опубликовать статьи. Опубликованные статьи являлись частью широкого общественного обсуждения проблемы инцеста и того, как органы правосудия справились с нею. Отдавая должное праву общества быть информированным по вопросам, представляющим общественный интерес, Суд постановил, что решение национальных судов не являлось «необходимым в демократическом обществе», и, следовательно, имело место нарушение ст. 10.

Другое важное заявление, сделанное Судом в данном деле, касалось оценки решения суда в пользу нотариуса, а именно о прекращении в отношении него уголовного преследования. Вновь отмечая, что вопрос отправления правосудия представляет общественный интерес, Суд заявил, что судебные решения могут быть предметом тщательного рассмотрения со стороны общественности. Сам факт принятия судебного решения не мог служить препятствием для проведения журналистского расследования, а также для критики в адрес указанного решения и других обстоятельств данного дела.

Как правило, критика судебных органов представителями прессы имеет место в контексте общественного обсуждения проблем, касающихся неэффективности судебной системы или недостаточной независимости или беспристрастности судей. Подобные вопросы всегда обладают огромной общественной значимостью, и они должны выноситься на широкое общественное обсуждение, особенно в странах, осуществляющих переход к эффективной и независимой судебной системе. Вот почему в делах, касающихся критики деятельности судей или других представителей судебных органов, национальные суды должны тщательно взвешивать цели и интересы всех участвующих в них сторон. Суды должны найти баланс между защитой чести и достоинства соответствующего судьи и свободой прессы,

сообщать о вопросах, представляющих общественный интерес, и определить, что является приоритетом в демократическом обществе. Безусловно, в том случае, если цель критики преимущественно заключается в оскорблении и диффамации представителей судебной власти, не внося при этом какого-либо вклада в общественное обсуждение проблем отправления правосудия, то степень защиты свободы выражения в данном случае может быть несколько ограничена.

Другим важным вопросом в этой связи является *возможность вынесения на общественное обсуждение решения, принятого судебными органами*. Как указал Суд, суды не могут действовать в вакууме, и потому нельзя запретить публичное обсуждение судебных решений, а также выражение критики в их адрес. Подобный подход должен способствовать изменениям в отношении требования доказательства истинности тех или иных заявлений. Судебное решение не должно являться доказательством того, что информация, представленная в прессе, ложна только по той причине, что она отличается от фактов, содержащихся в судебном решении. Другими словами, суды не должны считать определяющим аргумент существования окончательного судебного решения, выдвигаемый предполагаемыми жертвами диффамации против автора оспариваемого заявления.

Защита журналистских источников и правомерные цели

Особым компонентом свободы выражения, способным вступать в противоречие с любой из правомерных целей, перечисленных в ч. 2, является необходимость защиты журналистских источников. Решение по делу *Гудвина*¹⁰² представляется важным в отношении соблюдения баланса между интересами правосудия и правами других лиц, с одной стороны, и защитой журналистских источников, с другой.

Г-ну Гудвину – журналисту, сотруднику журнала «*Инженер*», позвонили и сообщили сведения о фирме «Тетра Лимитед». Источник утверждал, что компания занята изысканием займа на крупную сумму, в то время как она испытывает серьезные финансовые трудности. Это была добровольная и безвозмездная информация. Намереваясь подготовить статью, журналист

¹⁰² Гудвин против Соединенного Королевства, 1996.

обратился в компанию за комментариями. Как оказалось, данная информация содержалась в документе с грифом «строго конфиденциально», и компания обнаружила, что копия ее банковских счетов исчезла. После звонка г-на Гудвина администрация компании обратилась в суд с требованием наложить запрет на публикацию статьи, заявляя, что разглашение указанной информации нанесет серьезный ущерб ее экономическим и финансовым интересам. Распоряжение о запрете было предоставлено, и компания направила его всем ведущим изданиям.

Затем администрация компании обратилась в суд с просьбой потребовать от журналиста раскрыть личность информатора. Она заявляла, что это даст ей возможность выявить недобросовестного сотрудника и возбудить против него судебное преследование. Журналист неоднократно отклонял подобное требование суда и не раскрыл источник полученной им информации. Он был приговорен к выплате штрафа за создание препятствий для отправления правосудия.

В Суде заявитель утверждал, что как судебное постановление с требованием раскрыть его источник информации, так и наложение на него штрафа являются нарушением его права на свободу выражения. Суд согласился с тем, что вмешательство было направлено на защиту «*прав других лиц*» (в данном случае, прав компании), и, далее, рассмотрел вопрос о том, было ли вмешательство «*необходимо в демократическом обществе*». Напомнив, что «*свобода выражения составляет одну из главных опор демократического общества и, что предоставляемые прессе гарантии имеют особенно большое значение*», Суд, далее, заявил, что «*защита журналистских источников является одним из основополагающих условий свободы печати, в том виде как она нашла отражение в законах и кодексах профессионального поведения в ряде договаривающихся государств и в нескольких международных актах (...)* При отсутствии подобной защиты источники не стали бы оказывать содействие прессе, что отрицательно сказалось бы на способности прессы предоставлять точную и надежную информацию по вопросам, представляющим общественный интерес. В результате, жизненно важная роль прессы как стража интересов общества была бы подорвана».

Принимая во внимание важность защиты журналистских источников для свободы печати в демократическом обществе и опасное воздействие, которое судебный приказ о раскрытии источника может оказать на осуществление свободы печати, Суд признал подобную меру несовместимой со ст. 10 Конвенции, если

она не оправдывается «более важным требованием общественного интереса».

Отметив, что цель приказа о раскрытии источника, а именно, предотвращение распространения конфиденциальной информации, касающейся финансового положения компании, в значительной степени уже была достигнута благодаря введению судебного запрета на публикацию, Суд указал на отсутствие «разумной соразмерности между правомерной целью, преследуемой приказом о раскрытии журналистского источника, и средствами, использованными для ее достижения. Поэтому ограничения, которые повлек за собой приказ о раскрытии источника информации, на осуществление заявителем свободы выражения нельзя рассматривать как необходимые в демократическом обществе для защиты прав компании «Тетра» ...Соответственно, Суд делает вывод, что как приказ, требующий от заявителя раскрыть источник своей информации, так и наложенный на него штраф за отказ сделать это, представляют собой нарушение его права на свободу выражения».

Вслед за решением по делу *Гудвина*, Комитет министров Совета Европы принял 8 марта 2000 г. Рекомендацию No.R(2000)7, касающуюся права журналистов не раскрывать своих источников информации.

В соответствии с решением Суда по делу *Гудвина*, а также Рекомендацией Комитета министров, необходимо включить в национальные законодательства положение о защите журналистских источников. Их раскрытие должно допускаться только в случае наличия более важных требований общественного интереса. Тем не менее, даже подобные требования должны быть сопоставлены с необходимостью защиты журналистских источников как неотъемлемой части защиты свободы выражения в целом. Как говорится в Рекомендации, журналисты должны быть информированы о своем праве не раскрывать свои источники до того, как перед ними поставлено подобное требование. При этом не допустимо использование таких мер, как проведение обысков, слежка или перехват корреспонденции, в целях установления и выявления журналистских источников.

В тех странах, где отсутствует эффективная система правовой защиты журналистских источников, суды должны действовать в соответствии с принципами европейского права, например, теми, которые были сформулированы в решении по делу *Гудвина*, а также общепризнанными положениями международного права. Национальные суды должны стоять на

страже интересов свободы выражения, охватывающей также и необходимость защиты журналистских источников во всех инстанциях, в том числе и в случае вызова журналиста в качестве ответчика или свидетеля. При этом, национальные суды должны руководствоваться исключительно принципом пропорциональности цели и средств, а также важностью роли прессы в демократическом обществе.

Комментарий

Е.А. Чефранова,
*вице-президент Российской правовой академии
 Министерства юстиции Российской Федерации,
 профессор*

Необходимо со всей определенностью подчеркнуть, что глубокое и всестороннее изучение практики применения Европейским судом по правам человека ст. 10 Конвенции имеет для нас, российских юристов, особую значимость. Десятилетия тоталитарного правления, отмеченные насаждением единой и единственной коммунистической идеологии, запрет на выражение взглядов, отличных от официальной точки зрения на ту или иную проблему, независимо от ее масштаба и значимости: будь то пути экономического развития страны или художественные стили, подавление всякого инакомыслия, всевластие цензуры, тотальная несвобода любого творчества, в том числе журналистского, государственная монополия на истину, вообще, и средства массовой информации, в частности, – это наследие все еще в значительной мере отягощает общественное сознание, питает нетерпимость, ксенофобию, дает рецидивы поиска внешних и внутренних врагов.

Далеко не всеми в обществе свобода слова расценивается как важнейшее демократическое завоевание последнего десятилетия. Не прекращаются попытки ущемления свободы массовой информации. Предпринимаются все новые и новые усилия, направленные на изменение действующего законодательства, к глубокому сожалению, некоторые из внесенных в Федеральное Собрание РФ законопроектов, затрагивающих основы деятельности средств массовой информации (далее СМИ), отличаются откровенной реакционностью, направленностью на ограничение прав журналистов и самостоятельности редакций, на введение для них дополнительных обязанностей и мер ответственности. Принятие подобных дополнений и изменений чревато ограничением свободы массовой информации и неизбежным дозированием доступа к информации, взятием СМИ под цензурный контроль, и, как следствие, нарушением фундаментальных гражданских свобод. Уже сегодня значительная роль в деле обуздания

свободы выражения своего мнения отводится судебной системе. Широко используются властями всех уровней для борьбы с независимой прессой и негодными журналистами, для дискредитации их критических выступлений судебные иски о защите чести, достоинства и деловой репутации.

Правовая регламентация защиты упомянутых неимущественных прав сравнительно нова и обнаруживает пробелы, отсутствует устойчивая судебная практика, прослеживаются расхождения в позициях Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ по ряду принципиальных вопросов, в частности, по вопросу о допустимости компенсации морального вреда юридическим лицам в случаях нанесения ущерба их деловой репутации. Наблюдается стремление некоторых должностных лиц, задетых выступлениями прессы, привлечь негодных журналистов к уголовной ответственности за клевету или оскорбление. За последние несколько лет, по свидетельству Фонда защиты гласности, воспрепятствование деятельности СМИ, нарушение прав журналистов стали более изощренными, сокрытие информации более закамouflированным.¹⁰³

Разобраться в хитросплетениях политики, выявить подлинные мотивы тех или иных действий непросто. Зачастую попытки ограничить свободу слова недобросовестно оправдываются необходимостью защитить личность от нарушений неприкосновенности частной жизни, а ограничение доступа к информации объясняется интересами национальной безопасности. Введение цензуры пытаются оправдать заботой о нравственности, защитой от порнографии и пропаганды насилия. В этой связи правовые позиции, занимаемые Европейским судом по правам человека и сформулированные в решениях по жалобам на нарушения ст. 10 Конвенции, гарантирующей две наиважнейшие взаимосвязанные свободы - свободу выражения своего мнения и свободу информации, должны наряду со ст. 29 Конституции РФ стать надежным ориентиром для российских судей, рассматривающих подобные споры. Блестящая по глубине и вместе с тем доступности изложения весьма сложных проблем, работа госпожи Моника Маковой окажет неоценимую помощь юристам, в первую очередь,

¹⁰³ Ежегодник Фонда защиты гласности. Итоги, 1998; М. 1999. С. 91.

судьям, которые хотят разобраться в том, как именно осуществляется Судом по правам человека защита свободы выражения своего мнения и свободы распространения и получения информации на основе применения ст. 10 Конвенции.

Свобода слова и информации являются основой основ демократии, одной из важнейших предпосылок реализации других прав и свобод, и, в конечном счете, - воплощения на практике принципа разделения властей, создания правового государства.

Статья 29 Конституции РФ гласит:

1. *Каждому гарантируется свобода мысли и слова.*
2. *Не допускаются пропаганда или агитация, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду. Запрещается пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства.*
3. *Никто не может быть принужден к выражению своих мнений и убеждений или отказу от них.*
4. *Каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. Перечень сведений, составляющих государственную тайну, определяется федеральным законом.*
5. *Гарантируется свобода массовой информации. Цензура запрещается.*

Сопоставление содержания ст. 10 Конвенции со ст. 29 Конституции РФ позволяет сделать вывод о том, что между этими нормами нет расхождений.

Положения, закрепленные в ст. 29 Конституции, нашли дальнейшее развитие и детализацию в целом ряде принятых на основе Конституции РФ нормативных правовых актов. Особо следует отметить специальные законы, прямо относящиеся к рассматриваемой сфере. Это, в первую очередь, Закон «О средствах массовой информации» от 27 декабря 1991 г. N 2124-1 (в ред. Федеральных законов от 13.01.1995 N 6-ФЗ, от 06.06.1995 N 87-ФЗ, от 19.07.1995 N 114-ФЗ, от 27.12.1995 N 211-ФЗ, от 02.03.1998 N 30-ФЗ, от 20.06.2000 N 90-ФЗ, от 05.08.2000 N 110-ФЗ), Федеральный закон «Об информации, информатизации и защите информации» от 20 февраля 1995 г. N 24-ФЗ, Федеральный закон «Об участии в международном информационном обмене» от 4 июля 1996 г. N 85-ФЗ, Федеральный закон «О государственной поддержке средств массовой информации и книгоиздания Российской Федерации» от 1 декабря 1995 г. N 191-ФЗ (в ред. Федерального закона от 22.10.98 N 159-ФЗ),

Федеральный закон « О порядке освещения деятельности органов государственной власти в государственных средствах массовой информации» от 13 января 1995 г. N 7-ФЗ, Федеральный закон «О лицензировании отдельных видов деятельности» от 25 сентября 1998 г. № 158-ФЗ (в ред. Федеральных законов от 26.11.1998 N 178-ФЗ, от 22.12.1999 N 215-ФЗ, от 22.12.1999 N 216-ФЗ, от 12.05.2000 N 69-ФЗ, от 29.12.2000 N 169-ФЗ), Федеральный закон «Об экономической поддержке районных (городских) газет» от 24 ноября 1995 г. N 177-ФЗ (в ред. Федерального закона от 02.01.2000 N 15-ФЗ) и некоторые другие.

Обеспечению свободы выражения мнения, свободы информации служат и иные правовые акты, например, Указ Президенты РФ «О совершенствовании телерадиовещания в Российской Федерации» от 6 октября 1995 г., Постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ «О выполнении в Российской Федерации статьи 29 Конституции Российской Федерации» от 10 февраля 1995 г., Постановление Конституционного Суда РФ от 19 мая 1993 г. о газете «Известия».

Анализ перечисленных нормативных правовых актов позволяет сделать обнадеживающий вывод о том, что действующее законодательство о свободе выражения мнения, получения и распространения информации в основном соответствует положениям ст. 10 Конвенции: иметь каждому гражданину право свободно выражать свое мнение, распространять информацию, идеи без какого-либо вмешательства государственных органов и независимо от государственных границ, возможность введения государственного лицензирования радиовещательных, телевизионных, кинематографических предприятий, признание того факта, что свобода выражения мнения, свобода информации в обществе не могут быть абсолютными и связаны с определенными обязанностями, ответственностью, в связи с чем сопряжены с формальностями, условиями, ограничениями, штрафными санкциями, устанавливаемыми государством, необходимыми в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности, общественного спокойствия, предотвращения беспорядков, преступлений, защиты здоровья, нравственности, репутации, прав других лиц, неразглашение информации, полученной

конфиденциально, обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия.

Вместе с тем, допустимы лишь такие ограничения, накладываемые на свободу слова и распространения информации и идей, на чем решительно настаивает Суд, которые четко, ясно, недвусмысленно и предсказуемо сформулированы в опубликованном и доступном для граждан законе, принятом органом представительной власти государства-участника, и служат достижению правомерных целей, исчерпывающим образом сформулированных в ст.10 Конвенции и не допускающих расширительного толкования, а также являются пропорциональными и соразмерными.

Пристальное изучение российского законодательства и ознакомление с практикой правоприменения свидетельствует о ряде недостатков в данной сфере. Некоторые законодательные акты содержат весьма общие, неконкретные, расплывчатые формулировки, например, при определении объектов государственной тайны. Естественно, при применении подобных правовых норм суды, да и иные правоприменители, испытывают затруднения.

За последние годы резко возросло число исков о защите чести, достоинства и деловой репутации, предъявляемых к СМИ и журналистам. Так, согласно данным Верховного Суда РФ, дел о защите чести, достоинства и деловой репутации по искам, предъявленным к СМИ, находилось в производстве судов страны на начало 1999 г. 21116, в течение года на рассмотрение судов поступило 4515 дел этой категории, было разрешено с вынесением решения 2374 дела из них с удовлетворением иска 1548, что составляет 65%. По сведениям Фонда защиты гласности, подавляющее большинство подобных исков заявляется отнюдь не рядовыми россиянами, в числе истцов представители федеральной и региональной исполнительной власти, губернаторы, депутаты всех уровней, мэры и другие должностные лица органов местного самоуправления, руководящие сотрудники силовых ведомств и правоохранительных органов. Достаточно сказать, что частные лица в 1998 г. составляли 30,3%, а в 1999 г. только 21,5% от общего числа истцов по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации, нарушенных прессой и

электронными СМИ.¹⁰⁴ Однако в группу частных лиц входят заместные общественные деятели, а также бывшие руководители, собственно рядовые россияне, не обличенные властью и не обремененные известностью, составляют только 13% от общего числа тех, кто обратился в суд с иском к СМИ. Как известно, положение обязывает, каждый публичный деятель должен быть готов к пристальному и даже пристрастному вниманию со стороны СМИ. Обилие исков со стороны политиков, общественных деятелей и должностных лиц свидетельствует об их неготовности к выполнению общественной миссии, а также о нетерпимости к критике, свободомыслию и плюрализму. В этой связи нелишне напомнить заявление Суда о том, что ст. 10 защищает не только «информацию или идеи, которые принимаются благожелательно или расцениваются как безвредные или принимаются с безразличием, но и те, которые оскорбляют, шокируют или вызывают беспокойство со стороны государства или какой-либо части населения. Это – требования плюрализма, терпимости и широты взглядов, без которых не существует демократического общества»¹⁰⁵.

В деле *Лингенс против Австрии* Суд отметил, что свобода печати для общественности одно из наилучших средств, позволяющих определять и формировать представление об идеях и подходах политических деятелей... Границы приемлемой критики, направленной против политического деятеля как такового, шире, чем для критики в адрес частного лица. В отличие от последнего, первый неизбежно и сознательно ставит себя в такое положение, при котором каждое сказанное им слово и каждое его действие становятся предметом самого тщательного изучения как журналистами, так и широкой общественностью. Далее Суд указывает на то, что положения ч. 2 ст. 10 обеспечивают возможность защиты репутации других лиц... и эта защита распространяется и на политических деятелей... однако в таких случаях требования такой защиты должны взвешиваться по отношению к интересам открытого обсуждения политических проблем.

Кроме того Суд также отметил, что применение правительством санкций против журналиста, критикующего того или иного политического деятеля, равнозначно своеобразной цензуре, что может удержать его от высказывания

¹⁰⁴ Фонд защиты гласности. Ежегодник. Итоги 1999. М., 2000. С. 85.

¹⁰⁵ Хэндисайд против Соединенного Королевства, 1976; Лингенс против Австрии, 1986; Обершлик против Австрии, 1991.

критических замечаний в будущем... Журналисты предпочитают воздерживаться от участия в общественной дискуссии по проблемам, затрагивающим жизнь общества. Тем самым, подобная санкция будет препятствовать выполнению прессой своей задачи в качестве распространителя информации и защитника интересов общественности.

Стоит обратить внимание и на решение по делу *Торгеирсона*, заявитель (г-н Торгеирсон) выступил в прессе, назвав полицейских «зверьми в униформе», «лицами, интеллектуальный уровень которых снижен до уровня новорожденного ребенка как результат постоянного хватания за горло, чему полицейских и вышибал специально обучают, и чем они занимаются с грубой непосредственностью». Он обвинил полицию в «некомпетентности» и в том, что она пытается оправдать свою деятельность, основанную на «запугивании, фальсификации, незаконных и необдуманных действиях, предрассудках». На национальном уровне г-н Торгеирсон был признан виновным и приговорен к штрафу за диффамацию неназванных представителей полиции. Суд счел, что заявитель затронул проблему жестокости полиции в своей стране и отметил, что «на прессу возложена миссия по распространению информации и идей, представляющих общественный интерес». Далее, Суд заявил, что «в его прецедентном праве нет предписания проводить различие ... между политической дискуссией и обсуждением других вопросов, вызывающих озабоченность общества». Наконец, Суд охарактеризовал осуждение заявителя как «способное затруднить ведение открытой дискуссии по вопросам, представляющим общественный интерес».

Приведенные примеры из практики Суда неопровержимо свидетельствуют о том, что в отношении политического деятеля, должностного лица границы приемлемой критики шире, чем в отношении частного лица. В свою очередь требования, касающиеся защиты репутации таких лиц, необходимо, по мнению Суда, соотносить с интересами проведения открытой дискуссии по политическим и иным вызывающим общественный интерес проблемам.

Ознакомление со складывающейся практикой рассмотрения российскими судами споров о защите чести, достоинства и деловой репутации публичных политиков и высокопоставленных должностных лиц свидетельствует о том, что суды либо вовсе не делают различия между частными и должностными лицами, либо предоставляют

последним повышенную, по сравнению с простыми гражданами, защиту. Так, *мэр г.Москвы Лужков Ю.М.* только в 1998 г. выиграл три судебных иска, в том числе к газете «Московские новости» где была опубликована статья Е.Т. Гайдара «Почему в Москве жить хорошо» Там, в частности, говорилось, что «экономическая жизнь в Москве... страшно бюрократизирована, зарегламентирована, и результатом этого является массовое распространение коррупции». Дважды Кунцевский суд г. Москвы отказывал Лужкову в удовлетворении иска о защите чести и достоинства, однако, при рассмотрении спора после повторной отмены решения кассационной инстанцией Московского городского суда, иск был удовлетворен, и суд обязал газету напечатать опровержение.

Губернатор Рязанской области Любимов предъявил иск к газете «Приокская правда», опубликовавшей интервью с председателем областного суда, в котором сообщалось о злоупотреблениях губернатора, вмешательстве в деятельность судов, давлении, оказываемом при рассмотрении конкретных дел. Удовлетворяя иск, суд взыскал с газеты в пользу сановного истца 190 миллионов неденоминированных рублей — компенсация за причиненный моральный вред.

И по другим делам материальные притязания к СМИ в части компенсации морального вреда прямо пропорциональны статусу и общественному положению истцов. Чем оно выше, тем астрономичнее суммы, в которых оценивается причиненный моральный вред. Так, *мэр г. Шахты* потребовал от «Московского комсомольца» 855 тыс. рублей. Подобными исками можно разорить любую даже самую уважаемую издательскую фирму, не говоря уж о небольшой провинциальной газете. По таким делам часто проявляется подлинная мотивация чиновных истцов — стремление проучить публикатора, отбить охоту выступать с критикой, нанести строптивой редакции серьезный финансовый урон, следствием которого может стать закрытие СМИ. Между тем Суд в решении по делу *Толстой–Милославский* против Соединенного Королевства указал по поводу взыскания с заявителя, обвиненного в диффамации видного общественного деятеля, 1,5 миллиона фунтов стерлингов за причиненный ущерб следующее: «*Присужденная сумма в три раза превышала максимальный размер компенсации, присуждавшейся в связи с иском заявлением когда-*

либо ранее в Англии, и с того времени решений о присуждении сопоставимой суммы компенсации не принималось... Соответственно, учитывая размеры присужденной суммы компенсации по делу заявителя, а также отсутствие в то время адекватных эффективных гарантий против несоразмерно крупных сумм компенсации, Суд считает, что в данном случае имело место нарушение прав заявителя в соответствии со ст. 10.».

В соответствии с российским законодательством (ст.152 ГК РФ) по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации обязанность доказывать соответствие действительности распространенных сведений лежит на ответчике, в том числе, и на журналисте или редакции. Истец, будь то частное лицо или государственный и общественный деятель, обязан доказать лишь сам факт распространения сведений лицом, к которому предъявлен иск. Если СМИ и журналист, не желая, например, раскрывать источники информации, не могут доказать правдивость распространенных сведений, а суд признает сведения порочащими, то заявленный иск, безусловно, удовлетворяется, и «обидчика» обязывают опровергнуть распространенные, не соответствующие действительности сведения, а кроме того, как правило, взыскивается компенсация морального вреда. При этом нередко суды обязывают опровергнуть не только ложные сведения, но и сведения, нашедшие в суде частичное подтверждение. Например, в суде нашел подтверждение факт осуждения истца, но не за получение взятки, как указывалось в опубликованной статье, а за злоупотребление служебным положением. Кроме того, «соответствие действительности» понимается на практике в двух аспектах: как соответствие сообщения о поступке, действию, событию тому, что имело место в действительности, (объективность сообщения) и как правильность, адекватность данной таким фактам оценки. Таким образом, опровержению подлежат любые порочащие сведения, в чем бы они не выражались: в изложении порочащих фактов или порочащих оценок. Ярким подтверждением вышеизложенному является следующее дело. *Директор Орского филиала территориального Фонда обязательного медицинского страхования В. Ершов обратился в суд с иском о защите чести, достоинства и деловой репутации к редакции газеты «Орский вестник» и журналисту В. Дюндину в связи с публикацией статьи*

«Гиппократ не брал чужого», в которой преданы огласке результаты ревизии деятельности филиала Фонда, проведенной КРУ Минфина РФ по г. Орску и выявившей грубые нарушения Ершовым финансовой дисциплины. Истец не отрицал достоверности опубликованных фактических данных и не ставил вопрос об их опровержении, но возражал против высказанной журналистом оценки его действий как жульнических и требовал взыскать с редакции 50000 рублей, а с журналиста 10000 рублей в качестве компенсации причиненного морального вреда. Следовательно, истец требовал привлечения редакции и журналиста к гражданско-правовой ответственности за высказанные мнения, оценочные суждения. Суд Ленинского района г. Орска иск удовлетворил.¹⁰⁶ И это при том, что закон прямо предусматривает право журналиста «излагать свои личные суждения и оценки в сообщениях и материалах, предназначенных для распространения за его подписью (п. 9 ст. 49 Закона о СМИ). Свобода мнений закреплена и Конституцией РФ, в ст. 29 в частности указывается: «Никто не может быть принужден к выражению своих мнений и убеждений или отказу от них».

По моему глубокому убеждению, практика применения судами ст.151 и 152 ГК РФ при рассмотрении исков о защите чести, достоинства и деловой репутации нуждается в корректировке, ибо она зачастую находится в противоречии со ст. 10 Конвенции и прецедентным правом, созданным на ее основе. В частности требует пересмотра устаревшее постановление Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах, возникших при рассмотрении судами дел о защите чести, достоинства, а также деловой репутации граждан и юридических лиц». В новом постановлении следовало бы дать разъяснения, в большей степени отвечающие правовым позициям Европейского Суда. Следует учесть, например, позицию Суда, сформулированную в решении по делу Далбана, касавшегося журналиста, обвинившего политического деятеля в коррупции и разбазаривании государственных средств, Суд заявил, *«Представляется неприемлемым, чтобы журналиста лишали возможности высказывать критические мнения, даже если он (она) не могут доказать их истинность».* Далее Суд подчеркнул, что «понятие

¹⁰⁶ Фонд защиты гласности. Ежегодник. Итоги 1999. М. 2000. С. 89.

«журналистская свобода» также позволяет прибегать к некоторому преувеличению и даже провокативности».¹⁰⁷

В решении по уже упоминавшемуся делу Торгеирсона в то время как государство-ответчик утверждало, что в статьях заявителя отсутствует объективная фактическая основа, так как он не в состоянии доказать истинность своих обвинений, однако, Суд признал требование доказательства истинности неправомерным (и даже невыполнимым) и заявил, что *СМИ вряд ли смогли бы вообще что-либо напечатать, если бы существовало требование публиковать только полностью проверенные факты*. Совершенно очевидно, что указанные замечания Суда относятся к ситуации публичных дебатов по вопросам, вызывающим общественную озабоченность.

На наш взгляд, ст. 10 Конвенции и сложившемуся на ее основе прецедентному праву в большей степени соответствовало бы такое положение, согласно которому на общественных, политических и государственных деятелей в случае предъявления ими иска о защите чести, достоинства, деловой репутации возлагалось бы бремя доказывания несоответствия распространенных сведений действительности.

Справедливости ради, нужно отметить, что суды отнюдь не всегда признают критические высказывания в адрес государственных и общественных деятелей несоответствующими действительности и порочащими честь, достоинство и деловую репутацию. Например, по делу о защите чести и достоинства *депутата Государственной Думы*, оспаривавшего в суде критические высказывания относительно его депутатской деятельности, содержащиеся в статье, опубликованной в местной газете «Новое время», где, в частности, утверждалось, что принятый при участии истца Закон "О ветеранах" оказался пустышкой, поскольку не был обеспечен федеральными финансами, а истец обещал выполнить его из местного бюджета, чем ввел в заблуждение избирателей. Закон "О статусе судей" способствовал бесконтрольности судебной системы на фоне растущего криминала. Отказывая истцу в удовлетворении иска, районный суд в решении указал на то, что «критика федеральных законов, действий депутата, несогласие с мнением других не могут быть расценены как оскорбление

¹⁰⁷ Информационсферайн Лентиа против Австрия (см. Приложение 3).

или унижение чести и достоинства, поскольку являются реализацией права на свободу мысли и слова в соответствии со ст. 29 Конституции РФ». Коллегия по гражданским делам Белгородского областного суда в этой части оставила решение без изменения.

Добрая половина конфликтов по поводу унижения чести, достоинства и деловой репутации порождена неверным определением информационной природы оспариваемых сторонами, опубликованных в СМИ материалов. Является ли опубликованные материалы сведениями о фактах или это выражение мнения (субъективное оценочное суждение), достоверность, равно как и недостоверность которого объективно недоказуема, ибо оно относится к сфере убеждений, предпочтений, вкусов. Неспособность отличить в материалах СМИ сведения о факте от мнения о нем, описание события – от его оценки, приводит к тому, что в информационных спорах суды берутся определять ложность или истинность политических, научных, эстетических оценок. Легко можно себе представить, как далеко можно зайти, решая вопросы научной или художественной ценности каких-либо объектов, идей, теорий, произведений в суде. И тем не менее, в новосибирской газете «Молодость Сибири» была опубликована статья, в которой двое научных сотрудников Государственной геологической академии были сочтены недостаточно компетентными и профессионально подготовленными для создания методического пособия по физике для студентов вуза. По иску обиженных физиков суд обязал газету опубликовать опровержение и компенсировать моральный вред¹⁰⁸.

Отрадно, что в практике судов встречаются и принципиально отличные взгляды на проблемы факта и мнения о нем. Показательным в этом отношении является рассмотренное Ленинским районным судом г. Владимира *дело о защите чести и достоинства по иску депутатов Совета народных депутатов города Владимира к Воронину и редакции газеты «Призыв»*. В опубликованном газетой открытом письме содержались предположения о том, что «депутаты действовали против своей воли, позволили кому-то манипулировать собой», а также такие оценки, как «наш новый городской Совет отнюдь не являет собой собрание

¹⁰⁸ Ежегодник Фонда защиты гласности, М., 1999. С. 72.

свободно мыслящих людей, но собрание людей легко внушаемых, с весьма неразвитым чувством ответственности и собственного достоинства, но сильно выраженным стадным инстинктом» В возражениях на иск ответчики указывали на то, что в статье отсутствуют какие-либо сведения, факты, а высказано лишь мнение, оценка профессиональных и деловых качеств депутатов и их деятельности. По мнению ответчиков, с которым согласился и суд, отказавший депутатам в иске, такое право предоставлено ст. 29 Конституции РФ, гарантирующей право каждого на свободу мнения либо убеждения.¹⁰⁹ Это решение в большей степени соответствует практике Суда, где оценочные суждения, в частности, выражаемые в сфере политической жизни, пользуются особой защитой, что, как справедливо подчеркивает госпожа Моника Маковой, является необходимым условием плюрализма мнений, столь важного для существования демократического общества. Мнения, выраженные в резкой или несколько утрированной форме, также пользуются защитой. Степень защиты зависит от контекста, в котором употреблено то или иное выражение, и от той цели, которую преследует критика. В вопросах, касающихся политической борьбы или представляющих общественный интерес, в ходе политических дебатов или предвыборных кампаний, или когда критика направляется на правительство, политических деятелей или государственные органы, резкие критические замечания не являются неожиданностью, и Суд будет относиться к ним с большей долей терпимости. Проводя четкое различие между информацией (фактами) и мнениями (оценочными суждениями), Суд заявил, что «если наличие фактов можно доказать, то оценочные суждения не могут быть подтверждены доказательствами. ...Что касается оценочных суждений, то это требование невозможно удовлетворить, и оно нарушает свободу выражения своего мнения, которая является важнейшей частью того права, которое обеспечивается ст. 10 Конвенции»¹¹⁰.

В то время, как мнения представляют собой точку зрения или личную оценку события или ситуации, и их

¹⁰⁹ Обобщение судебной практики рассмотрения судами Владимирской области гражданских дел о защите чести, достоинства и деловой репутации за период 1998 –1999 гг.

¹¹⁰ Лингенс против Австрии, 1986.

истинность не поддается доказательству, факты, на которых основывается мнение, могут быть проверены на предмет их истинности или ложности. Так, в упоминавшемся деле *Далбана Суд* заявил, «представляется неприемлемым, чтобы журналиста лишали возможности высказывать критическое мнения, даже если он (она) не могут доказать их истинность»¹¹¹.

Проведение различия между фактами и мнениями и отсутствие требования доказательства истинности последних, приобретают особое значение для национальных правовых систем (к таким относится и российская правовая система—прим. Е.А. Чефрановой), все еще предполагающих в делах, касающихся нанесения «оскорбления» в связи с выражением идей или мнений, наличие доказательства их истинности. Более того, в этом случае Суд признал приемлемыми оправдания, содержащие в качестве аргумента добросовестность намерений, предоставляя тем самым прессе «право на ошибку». Например, в имеющем принципиальное значение решении по делу *Далбана*¹¹² Суд заявил, что «отсутствуют доказательства того, что описание событий, приведенное в статьях, было совершенно недостоверным и направленным на разжигание клеветнической кампании против GS...» В сущности, принятие оправданий, приводящих в качестве аргумента добросовестность намерений, заменяет необходимость доказательства их истинности. В том случае, если журналист или публикация имеют законные намерения, вопрос представляет общественный интерес, и были предприняты необходимые усилия по удостоверению фактов, пресса не должна нести ответственность даже в том случае, если эти факты окажутся недостоверными. Каждому, кто знаком с практикой российских судов по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации, ясно сколь отличается она от практики Суда, защищающего право журналистов на острые и нелицеприятные критические высказывания в адрес общественных и государственных деятелей и государственных институтов по вопросам, представляющим политический или иной общественный интерес. Суд предоставляет ему право не только на собственную,

¹¹¹ Далбан против Румынии, 1999.

¹¹² Там же.

отличную от общепризнанной оценку и самостоятельное суждение, язвительный комментарий, но и право на ошибку.

Российские суды неукоснительно настаивают не только на том, чтобы ответчик доказал достоверность сведений, содержащихся в публикации, но и склонны расценивать как порочащие любые критические выступления СМИ. Например, был удовлетворен иск о защите деловой репутации Прокуратуры г.Москвы (заметим, что прокуратура не осуществляет никакой коммерческой, предпринимательской деятельности и не участвует в деловом обороте, поэтому утверждение о том, что это государственное учреждение обладает деловой репутацией в гражданско-правовом смысле, по меньшей мере, спорно), опороченной, якобы, газетой «Московский комсомолец» критикой прокурорской деятельности. С газеты в пользу прокуратуры была взыскана со СМИ компенсация морального вреда. Хотя совершенно очевидно, что моральный вред — это причинение нравственных и физических страданий, которые не способны испытывать юридические лица. Честь и достоинство относятся исключительно к личным правам граждан, и обладать ими юридические лица, коллективы, объединения не могут.

С сожалением приходится констатировать, что в арсенале средств борьбы с негодными журналистами в последние годы все чаще используются обвинения в клевете и нанесении оскорбления, против журналистов по заявлениям обиженных должностных лиц возбуждаются уголовные дела. Опасный прецедент несколько лет назад был создан Пресненским судом г. Москвы, который признал виновным заместителя главного редактора "Московского комсомольца" Вадима Поэгли в оскорблении бывшего Министра обороны России Павла Грачева в неприличной форме (ст. 131 ч. 2 УК РФ) и приговорил к году исправительных работ с удержанием 20% из зарплаты в пользу государства. Оскорбление выразилось в том, что в своей статье журналист назвал Грачева «Пашей-Мерседесом» и «вором» Лишь спустя продолжительное время приговор был отменен по протесту заместителя Председателя Верховного Суда РФ Верина В.П.

Согласно сведениям Фонда защиты гласности по статьям, предусматривающим уголовную ответственность за

клевету и оскорбление, только в 1998 г. против журналистов было возбуждено 20 дел, в 1999 г. — 40, а в 2000 — 28.

Например, Ракитянский районный суд (Белгородская область) 8 июня 1999 г. приговорил редактора газеты "Наша жизнь" Владимира Саенко к 6 месяцам исправительных работ с удержанием в доход государства 20% заработной платы. Журналист пострадал за критику главы районной администрации Анатолия Власова. В. Саенко назвал в своих статьях позицию районного "батьки" "позицией крикуна и сплетника, а не государственного человека". Ракитянский суд посчитал слова "крикун" и "сплетник" оскорбительными, т.е. унижающими честь и достоинство А. Власова в неприличной форме, и признал журналиста виновным по ст. 130 ч. 2 УК РФ - "оскорбление".

Полтора месяца спустя коллегия по уголовным делам Белгородского областного суда приговор отменила и полностью оправдала В. Саенко.¹¹³ Председатель областного суда Иван Заздравных лично принес извинения Владимиру Саенко.

В связи с распространением практики уголовного преследования журналистов по обвинению в клевете и оскорблении нелишне обратить внимание на то, что Суд усматривает, что среди разнообразия форм вмешательства государства в процесс осуществления свободы выражения мнения на стадии, непосредственно следующей за подобным выражением, уголовные санкции представляют наибольшую опасность. В деле *Кастеллса* заявитель (член парламентской оппозиции) был приговорен к тюремному заключению за оскорбление испанского правительства, поскольку в газетной публикации он назвал действия правительства «преступными». Суд принял следующее решение: *«Доминирующее положение, которое занимает правительство, делает необходимым, чтобы оно демонстрировало сдержанность, когда встает вопрос об уголовном преследовании, особенно когда имеются другие средства ответа на неоправданные нападки и критику со стороны его противников в средствах массовой информации»*¹¹⁴. Даже в тех случаях, где уголовные санкции состояли в обязанности уплатить сравнительно небольшие штрафы, Суд выступал против подобных санкций, поскольку они могли играть роль своего рода скрытой цензуры. В ряде дел,

¹¹³ Подробнее см.: "Судебное обозрение". 2000. №2.

¹¹⁴ Кастеллс против Испании, 1992.

например, в делах *Лингенса и Бартольда*, касавшихся наложения штрафов на журналистов, Суд заявил, что «хотя наложенное на автора наказание, строго говоря, уже не могло помешать ему выразить свое мнение, тем не менее, оно равносильно своего рода порицанию, которое, весьма вероятно, может отбить у него охоту заниматься подобной критикой в будущем (...) В контексте политической дискуссии подобный приговор может, вероятно, отвести журналистов от стремления внести вклад в публичное обсуждение проблем, затрагивающих жизнь общества. К тому же санкция, подобная этой, могла бы помешать прессе выполнять свою задачу носителя информации и стража интересов общества»¹¹⁵.

Закон РФ «О средствах массовой информации» в ст. 41 предусматривает конфиденциальность информации, указывая на необходимость сохранять в тайне источник информации. Редакция не вправе называть лицо, предоставившее сведения с условием неразглашения его имени, за исключением случая, когда соответствующее требование поступило от суда в связи с находящимся в его производстве делом. Уместно в связи с этим подчеркнуть позицию Суда, признавшего, что защита журналистских источников является одним из основополагающих условий свободы печати. В деле *Гудвина*¹¹⁶ Суд заявил, что «при отсутствии подобной защиты источники не стали бы оказывать содействие прессе в информировании общественности по вопросам, представляющим общественный интерес. В результате, жизненно важная роль прессы как стража интересов общества была бы подорвана, что отрицательно сказалось бы на ее способности предоставлять точную и надежную информацию».

В Резолюции 428 (1970) Парламентской Ассамблеи Совета Европы говорится, что право на свободу выражения «включает в себя право искать, получать, передавать, публиковать или распространять информацию, представляющую общественный интерес», и что обязанностью прессы является распространение общей и полной информации, касающейся общественно значимых вопросов.

¹¹⁵ Лингенс против Австрии, 1986; Бартольд против Федеративной Республики Германии, 1985.

¹¹⁶ Гудвин против Соединенного Королевства, 1996.

Часть 1 ст. 10 среди элементов, составляющих право на «свободу выражения», предусматривает свободу получать и распространять информацию и идеи.

Свобода получать информацию включает право сбора и поиска информации во всех возможных законных источниках. Свобода на получение информации и идей касается представителей средств массовой информации в смысле содействия их деятельности, направленной на доведение этой информации до сведения общественности, Суд также интерпретирует данное положение в смысле права общественности на получение информации, в частности, касающейся вопросов, представляющих общественный интерес.

Частью 4 ст. 29 Конституции РФ каждому предоставлено право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять и распространять информацию любым законным способом. В соответствии с законом государственные органы, организации, предприятия обязаны осуществлять свою деятельность на принципах максимальной открытости, а предоставление информации — обязанность должностных лиц, а не их право, (сплошь и рядом представители власти скрывают информацию). Фондом защиты гласности в 1999 г. зафиксировано 182, а в 2000 г. 215 случаев ограничения доступа журналистов и редакций СМИ к общественно значимой информации. Необоснованный отказ в информации выражается в ее сокрытии и утаивании. Кроме того, имеют место факты отказа и ограничения доступа к документам и материалам, не относящимся к информации ограниченного распространения, а также запрещение работникам учреждений и организаций предоставлять журналистам общественно значимую информацию.

Например, журналисты «красноярской юридической газеты» не были допущены в здание суда. Редакция направила жалобу на действия судебных приставов-охранников Главному судебному приставу края. По итогам рассмотрения жалобы судебным приставам было указано на недопустимость подобных действий.

Статьи 31 и 32 Закона о средствах массовой информации предусматривают порядок и условия лицензирования вещания и аннулирование лицензии. Законом в частности предусматривается, что лицензии на вещание

выдаются Федеральной комиссией по телерадиовещанию и территориальными комиссиями. Лицензия на вещание дает ее держателю право, используя технические средства эфирного, проводного или кабельного телерадиовещания, в том числе находящиеся в его собственности, осуществлять с соблюдением лицензионных условий распространение продукции средств массовой информации, зарегистрированных в соответствии с настоящим Законом.

В выдаче лицензии на вещание должно быть отказано, если отсутствует техническая возможность осуществлять вещание с заявленными характеристиками либо близкими к ним.

В выдаче лицензии на вещание может быть отказано по основаниям, предусмотренным условиями конкурса, если заявки рассматриваются на конкурсной основе.

Уступка лицензии на вещание другому лицу допускается только с согласия органа, ее выдавшего, с соответствующим переоформлением лицензии.

Размеры и порядок взимания платы за лицензию на вещание, а также за переоформление лицензии устанавливаются Правительством РФ.

Лицензия аннулируется в случаях:

- если она была получена обманным путем;
- если неоднократно нарушались лицензионные условия либо предусмотренные настоящим Законом правила распространения радио- и телепрограмм, по поводу чего делались письменные предупреждения;
- если комиссией по телерадиовещанию установлен факт скрытой уступки лицензии.

Законами Российской Федерации могут быть установлены дополнительные основания аннулирования лицензии.

Аннулирование лицензии производится решением выдавшего ее органа либо Федеральной комиссией по телерадиовещанию. Последнее положение вошло в противоречие с Законом о лицензировании отдельных видов деятельности, установившим судебный порядок аннулирования лицензии.

В соответствии с Законом о лицензировании отдельных видов деятельности одним из обязательных лицензионных требований и условий при осуществлении лицензиатами лицензируемых видов деятельности является соблюдение

законодательства Российской Федерации, экологических, санитарно-эпидемиологических, гигиенических, противопожарных норм и правил, а также положений о лицензировании конкретных видов деятельности. В отношении лицензируемых видов деятельности, требующих для их осуществления специальных знаний, в лицензионные требования и условия могут дополнительно включаться квалификационные требования к соискателю лицензии и лицензиату, в частности, квалификационные требования к работникам юридического лица или гражданину, являющемуся индивидуальным предпринимателем.

В отношении лицензируемых видов деятельности, требующих специальных условий для их осуществления, в лицензионные требования и условия могут дополнительно включаться требования о соответствии указанным специальным условиям объекта, в котором или с помощью которого осуществляется такой вид деятельности. Под объектами понимаются здание, сооружение, а также оборудование и иные технические средства, с помощью которых осуществляется лицензируемый вид деятельности. Перечень дополнительных лицензионных требований и условий в отношении лицензируемого вида деятельности определяется положением о лицензировании конкретного вида деятельности.

Лицензирующие органы могут приостанавливать действие лицензии в случае: выявления лицензирующими органами, государственными надзорными и контрольными органами, иными органами государственной власти, в пределах компетенции указанных органов нарушений лицензиатом лицензионных требований и условий, которые могут повлечь за собой нанесение ущерба правам, законным интересам, нравственности и здоровью граждан, а также обороне страны и безопасности государства; невыполнения лицензиатом решений лицензирующих органов, обязывающих лицензиата устранить выявленные нарушения.

Лицензия может быть аннулирована решением суда на основании заявления лицензирующего органа, выдавшего лицензию, или органа государственной власти в соответствии с его компетенцией. Одновременно с подачей заявления в суд лицензирующий орган вправе приостановить действие указанной лицензии на период до вступления в силу решения суда.

Основанием для аннулирования лицензии является:

- обнаружение недостоверных или искаженных данных в документах, представленных для получения лицензии;
- неоднократное или грубое нарушение лицензиатом лицензионных требований и условий;
- незаконность решения о выдаче лицензии.

В соответствии с Положением о лицензировании телевизионного вещания, радиовещания и деятельности по связи в области телевизионного и радиовещания в РФ, утвержденным постановлением Правительства РФ от 7 декабря 1994 г. N 1359, причинами отказа в выдаче лицензии на телерадиовещание могут быть:

- несоответствие представленных документов требованиям настоящего Положения;
- представление неполных или недостаточных сведений;
- несоответствие содержащихся в заявлении сведений действующим стандартам, нормам и правилам;
- отсутствие технической возможности реализации заявленного вида деятельности;
- несоответствие предполагаемых к предоставлению услуг по уровню качества отечественным стандартам и международным требованиям, другим нормативным документам, а также если в результате конкурса заявитель не выбран держателем лицензии.

Дополнительно Положением предусмотрено аннулирование лицензии выдавшим ее органом в случаях:

- систематического нарушения определенных в лицензии качественных показателей излучаемого сигнала;
- если лицензиат в пределах срока действия лицензии в течение 3 и более месяцев не осуществляет телерадиовещание;
- если перерыв указанной в лицензии деятельности превысил 3 месяца;
- повторного в течение года нарушения норм, установленных лицензией, настоящим Положением или законодательством РФ, последовавшего после официального письменного предупреждения;

- систематического распространения теле- и (или) радиoproграмм с нарушением действующего законодательства об авторском праве и смежных правах.

Всевластие и произвол бюрократических структур как на стадии выдачи лицензий, так и при осуществлении контроля и надзора «за соблюдением условий лицензирования», использование механизмов лицензирования для подавления негодных радио и телеканалов, монополизации вещания, перераспределение собственности давно уже стали общим местом. Необходимость наведения порядка в сфере лицензирования очевидна настолько, что эта проблема получила освещение в Ежегодном Послании Президента РФ Федеральному Собранию РФ. Напомним, что ч. 1 ст. 10 *«не препятствует государствам вводить лицензирование радиовещательных, телевизионных или кинематографических предприятий»*. Однако данное положение было обусловлено техническими причинами, а именно, ограниченным числом имеющихся в распоряжении частот для вещания, а также тем фактом, что в то время большинство европейских государств обладали монополией на радио- и телевещание. Технический прогресс в данной области способствовал исчезновению указанных причин. В деле *Информационсферайн Лентиа*¹¹⁷ Суд заявил, что в результате *«технического прогресса, достигнутого за последние десятилетия, подобные ограничения не могут быть оправданы соображениями количества имеющихся частот и каналов»*. Использование спутникового и кабельного телевидения привело к появлению неограниченного числа частот. В этих условиях, право государства вводить лицензирование аудиовизуальных средств информации приобретает новый смысл и назначение, а именно, в качестве обеспечения гарантии свободы и плюрализма информации, отвечающей общественным интересам¹¹⁸. Суд заявил, что право национальных властей регулировать систему лицензирования не может применяться по иным, не связанным с техническими вопросами, причинам, а также оно не должно препятствовать свободе выражения мнений, за исключением требований, закрепленных в ч. 2 ст. 10.

¹¹⁷ «Информационсферайн Лентиа» и др. против Австрии, 1993.

¹¹⁸ «Обсервер» и «Гардиан» против Соединенного Королевства, 1995; «Информационсферайн Лентиа» и др. против Австрии, 1993.

В деле *Гроппера Радио*¹¹⁹ Суд постановил, что «из смысла ч. 1 ст. 10 Конвенции следует, что государствам разрешено контролировать вещание в плане организации и, в особенности, в технических аспектах. Это, однако, не значит, что лицензионные меры не должны подчиняться требованиям ч. 2 ст. 10, ибо в противном случае это привело бы к результатам, противоположным предмету и назначению ст. 10, взятой в целом». Регламентирование лицензирования телерадиовещательной деятельности на уровне подзаконного акта противоречит Конвенции, поскольку ограничения, вводимые государством и касающиеся вмешательства в осуществление свободы выражения своего мнения, должны основываться исключительно на национальном законодательстве. Это означает наличие писаного и опубликованного закона, принятого парламентом. В случае, если помещение редакции газеты подверглось обыску или радиостанция – закрытию, подобные действия допустимы только на основании внутреннего закона. При этом, как заявил Суд в деле *Ротару*¹²⁰, «внутренний закон не подпадает под определение «закона», если он «не сформулирован с достаточной степенью точности, позволяющей любому лицу – пользуясь при необходимости советами – соотносить свое поведение».

Как справедливо отмечает госпожа М. Маковой, перечень возможных оснований для ограничения свободы выражения своего мнения имеет исчерпывающий характер. Национальные власти не могут в законном порядке применять какое-либо иное, не изложенное в ч. 2 ст.10 Конвенции, основание для своего вмешательства. Следовательно, в том случае, если национальным судам приходится сталкиваться с применением правовой нормы, каким-либо образом ограничивающей свободу выражения, они должны определить, какие ценности или интересы она защищает, установить, являются ли они одними из тех интересов или ценностей, перечисленных в ч. 2. Только при таком условии, суды могут применять указанное положение в отношении того или иного лица.

Вместе с тем, российское законодательство предусматривает такую форму вмешательства в

осуществление права на свободу выражать свое мнение как прекращение и приостановление деятельности СМИ (ст.16 Закона о средствах массовой информации). Основанием для прекращения судом деятельности СМИ является неоднократное в течение 12 месяцев нарушение редакцией требований Закона о недопустимости использования СМИ в целях совершения уголовно наказуемых деяний, для разглашения сведений, составляющих государственную или иную специально охраняемую законом тайну, для призыва к захвату власти, насильственному изменению конституционного строя и целостности государства, разжигания национальной, классовой, социальной, религиозной нетерпимости или розни, для пропаганды войны а также для распространения передач, пропагандирующих порнографию, культ насилия и жестокости. Полагаю, что при рассмотрении требований о прекращении деятельности СМИ судам надлежит руководствоваться, в первую очередь, ч. 2 ст. 10 Конвенции, поскольку внутренний закон сформулирован недостаточно конкретно и не отвечает требованиям предсказуемости.

Хотя перечень возможных оснований для ограничения свободы выражения своего мнения, предусмотренный в ст. 4 Закона о средствах массовой информации, по своему смыслу совпадает с предусмотренными в ч. 2 ст. 10 Конвенции основаниями, оправдывающими вмешательство. Однако суд не может ограничиться только установлением факта повторного в течение года совершения нарушения из числа предусмотренных ст.4, т.е. установлением того, что вмешательство в виде такой меры как прекращение или приостановление деятельности СМИ «предусмотрено законом», и «преследует правомерную цель», но должен установить, что подобное вмешательство является «необходимым в демократическом обществе» и что такое ограничение соразмерно преследуемой правомерной цели.

В современном российском обществе продолжительное время ведется оживленная дискуссия по вопросу о возможности и способах ограничения свободы информации в интересах защиты нравственности. Памятны законопроекты «О высшем совете по защите нравственности телевизионного и радиовещания Российской Федерации» (принят Государственной Думой РФ 10 марта 1999 г., отклонен Президентом 29 марта 1999 г.), «О государственной

¹¹⁹ Гроппера Радио АГ и др. против Швейцарии, 1990.

¹²⁰ Ротару против Румынии, 2000.

защите нравственного здоровья граждан и усилении контроля за использованием продукции сексуального характера» (принят Государственной Думой 17 апреля 1999 г., отклонен Президентом 11 мая 1999 г.).

Европейский Суд допускает установление для государств широких пределов усмотрения при определении того, что «необходимо» для «защиты нравственности». По делу *Мюллера против Швейцарии* Суд высказал следующее мнение: *«невозможно найти какое-либо единое европейское понятие нравственности в правовом и социальном устройстве договаривающихся Государств. Точка зрения в отношении нравственности варьируется в различные периоды времени и в различных местах, особенно в нашу эпоху, для которой характерна существенная эволюция взглядов на данный вопрос. В силу своих прямых и постоянных контактов с общественной жизнью своих стран государственные органы, в принципе, находятся в лучшем положении по сравнению с международным судьей для того, чтобы определять конкретное содержание этих требований, а также «необходимость» какого-либо «ограничения» или «штрафной санкции» для обеспечения соблюдения этих требований.¹²¹ Далее суд заявил, что выставленные заявителем полотна в грубой форме изображали, в частности, половые отношения между людьми и животными...они были доступны широкой публике, без ограничений со стороны организаторов ни в форме платы за вход, ни по возрасту. Действительно, картины, размещенные на выставке, были доступны без каких-либо ограничений и предназначены для того, чтобы привлечь внимание самой широкой аудитории». По вышеизложенным основаниям Суд признал не лишёнными оснований аргументы национальных судов, которые сочли, что картины «могли грубо оскорбить представление о правильном ведении половой жизни у людей с обычной чувствительностью» тем, что они делали «акцент на сексуальности в ее самых грубых формах». В заключение, Суд заявил, что национальные власти имели законное право использовать наложение штрафа на заявителей в качестве меры, «необходимой» для защиты «нравственности». Суд также признал конфискацию картин мерой, «необходимой» в указанный момент для предотвращения того, чтобы непристойные изображения стали достоянием широкой публики.*

¹²¹ Мюллер против Швейцарии, 1988.

Обратимся к действующему российскому законодательству, а именно к ст. 37 Закона о средствах массовой информации, допускающей распространение выпусков специализированных радио- и телепрограмм эротического характера без кодирования сигнала только с 23 часов до 4 часов по местному времени, если иное не установлено местной администрацией. Розничная продажа продукции средств массовой информации, специализирующихся на сообщениях и материалах эротического характера, допускается только в запечатанных прозрачных упаковках и в специально предназначенных для этого помещениях, расположение которых определяется местной администрацией.

Накладываемое ст. 37 Закона РФ о средствах массовой информации ограничение на распространение информации «эротического характера», хотя и следует расценивать как вмешательство, «предусмотренное законом» и «преследующее правомерную цель» — защиту нравственности и здоровья, а также как «необходимое в демократическом обществе». Однако, анализируемая норма сформулирована настолько неопределенно, что необычайно трудно заранее определить, будет ли конкретный телепоказ или радиопередача подпадать под действие ст. 37, которая устанавливает: «Под средством массовой информации, специализирующимся на сообщениях и материалах эротического характера, для целей настоящего Закона понимаются периодические издания или программа, которые в целом и систематически эксплуатируют интерес к сексу». Таким образом, с очевидностью не выполняется требование предсказуемости, которое, по мнению Европейского Суда, следует из выражения «предусмотрено законом».

П Р И Л О Ж Е Н И Е**I.****ЛИНГЕНС (LINGENS) против АВСТРИИ**

Судебное решение от 8 июля 1986 г.

**КРАТКОЕ НЕОФИЦИАЛЬНОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ
ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ДЕЛА*****A. Основные факты***

14 и 21 октября 1975 г. г-н Лингенс опубликовал в венском журнале "Профиль" две статьи с резкой критикой г-на Крайского, который в то время был федеральным канцлером, за его снисходительное отношение к политическому деятелю г-ну Фридриху Петеру, председателю Либеральной партии Австрии, который во время Второй мировой войны служил в бригаде СС, и за нападки, с которыми г-н Крайский обрушился на г-на Виезенталя, публично разоблачившего прошлое председателя либеральной партии.

Г-н Крайский обвинил заявителя в диффамации. 26 марта 1976 г. Окружной суд Вены частично признал обвинение и приговорил г-на Лингенса к штрафу в 20 000 шиллингов. По апелляции, поданной обеими сторонами, Апелляционный суд Вены отменил решение и передал дело на новое рассмотрение окружного суда, который 1 апреля 1981 г. подтвердил свое предыдущее решение. Г-н Лингенс вновь обжаловал его, и 29 октября 1981 г. Апелляционный суд уменьшил штраф до 15 000 шиллингов.

B. Разбирательство в Комиссии по правам человека

В жалобе, поданной в Комиссию 19 апреля 1982 г., заявитель утверждал, что стал жертвой нарушения статьи 10 Конвенции, гарантирующей свободу выражения мнений. Жалоба 5 октября 1983 г. объявлена приемлемой.

После нескольких безуспешных попыток добиться мирового соглашения Комиссия составила доклад, датированный 11 октября 1984 г., в котором единогласно пришла к выводу, что имело место нарушение статьи 10.

13 декабря 1984 г. дело было передано в Суд Комиссией, а 26 января 1985 г. — Правительством.

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ ВОПРОСЫ ПРАВА

I. О предполагаемом нарушении статьи 10 Конвенции

34. Согласно статье 10 Конвенции:

"1. Каждый человек имеет право на свободу выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны государственных органов и независимо от государственных границ.

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые установлены законом и которые необходимы в демократическом обществе в интересах государственной безопасности, территориальной целостности или общественного спокойствия, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия".

Г-н Лингенс утверждал, что оспариваемые решения суда нарушали его право на свободу слова до такой степени, которая несовместима с основополагающими принципами демократического общества.

К такому же выводу пришла и Комиссия. С другой стороны, Правительство утверждало, что спорное наказание было необходимым для защиты репутации г-на Крайского.

35. Никем не оспаривалось, что имело место "вмешательство государственных органов" в осуществление заявителем права на свободу слова. Это выразилось в осуждении заявителя за диффамацию Окружным судом Вены 1 апреля 1981 г., приговор которого был подтвержден Апелляционным судом Вены 29 октября 1981 г.

Подобное вмешательство противоречит Конвенции, если только оно не соответствует требованиям статьи 10 п. 2. Таким образом, Суду предстоит определить, было ли вмешательство "предусмотрено законом", направлено на цель или цели, признанные правомерными в соответствии с п. 2 статьи 10, и было ли оно для достижения этих целей "необходимым в демократическом обществе" (см. в качестве недавнего

прецедента судебное решение по делу Бартольда от 25 марта 1985 г. Серия А, т. 90, с. 21, п. 43).

36. Относительно первых двух вопросов Суд согласен с Правительством и Комиссией, что оспариваемый обвинительный приговор, несомненно, основывается на статье 111 Уголовного кодекса Австрии; более того, он направлен на защиту "репутации других лиц", и нет оснований полагать, что у него имеется какая-либо иная цель (см. статью 18 Конвенции). Таким образом, приговор был вынесен по основаниям, "предусмотренным законом", и имел правомерную цель в соответствии со статьей 10 п. 2 Конвенции.

37. Комиссия, Правительство и заявитель концентрировали свое внимание на вопросе, было ли вмешательство "необходимым в демократическом обществе" для достижения вышеупомянутой цели.

Заявитель ссылаясь на свою роль журналиста, пишущего на политические темы в плюралистическом обществе; в этом качестве он считал своим долгом выразить свой взгляд на резкую критику г-на Виезенталя со стороны г-на Крайского. Он так же, как и Комиссия, полагал, что политик, который привык нападать на своих оппонентов, должен ожидать более жесткой критики в свой адрес, чем другие люди.

Правительство утверждало, что свобода слова не должна препятствовать национальным судам принимать по своему усмотрению решения, необходимые для того, чтобы не допустить превращения политической дискуссии в обмен личными оскорблениями. Утверждалось, что некоторые выражения, использованные г-ном Лингенсом, выходили за пределы допустимого, поскольку заявитель мог знакомить общественность со своими взглядами без какой-либо предварительной цензуры; таким образом, наложенное на него впоследствии наказание не было несоразмерным с правомерно преследуемой целью.

Правительство настаивало, что в данном случае имел место конфликт между двумя гарантированными Конвенцией правами — свободой слова (статья 10) и правом на уважение личной жизни (статья 8). Весьма широкое толкование, данное Комиссией первому из этих прав, говорилось далее, было сделано без достаточного учета необходимости оградить второе право.

38. По этому последнему вопросу Комиссия отметила, что слова, которые ставятся в вину г-ну Лингенсу, относились к

некоторым публичным обвинениям со стороны г-на Крайского в адрес г-на Виезенталя. Речь шла об отношении к национал-социализму и бывшим нацистам, и соответственно здесь нет необходимости в прочтении статьи 10 в свете статьи 8.

39. Прилагательное "необходимы" в смысле статьи 10 п. 2 подразумевает наличие "острой общественной потребности" (см. вышеупомянутое решение по делу Бартольда. Серия А, т. 90, с. 24—25, п. 55). Государствам-участникам предоставлена определенная сфера усмотрения в оценке того, существует ли подобная потребность (там же), но одновременно возможен европейский контроль за законодательством и практикой его применения, включая решения независимых судов (см. решение по делу "Санди Таймс" от 26 апреля 1979 г. Серия А, т. 30, с. 36, п. 59). Именно Европейский Суд уполномочен дать окончательное определение того, насколько "ограничение" или "санкция" совместимы со свободой слова, в том виде, как она защищается статьей 10 (там же).

40. Осуществляя свою контрольную юрисдикцию, Суд не может ограничиваться рассмотрением оспариваемых судебных решений вне контекста дела в целом (см. *mutatis mutandis* решение по делу Хэндисайда от 7 декабря 1976 г. Серия А, т. 24, с. 23, п. 50). Суд должен определить, является ли вмешательство, о котором идет речь, "соразмерным преследуемой правомерной цели", подтверждено ли оно доводами, выдвинутыми австрийскими судами в его обоснование, и являются ли они достаточными (см. вышеупомянутое решение по делу Бартольда. Серия А, т. 90, с. 25, п. 55).

41. В этой связи Суд вынужден напомнить, что свобода выражения мнения, как она определяется в п. 1 статьи 10, представляет собой одну из несущих опор демократического общества, основополагающее условие его прогресса и самореализации каждого его члена. При соблюдении требований п. 2 свобода слова охватывает не только "информацию" или "идеи", которые встречаются благоприятно или рассматриваются как безобидные либо нейтральные, но также и такие, которые оскорбляют, шокируют или внушают беспокойство. Таковы требования плюрализма, толерантности и либерализма, без которых нет "демократического общества" (см. упомянутое выше судебное решение по делу Хэндисайда, п. 49).

Эти принципы приобретают особое значение в том, что касается прессы. Хотя пресса и не должна преступать границы, установленные *inter alia* для "защиты репутации других лиц", тем

не менее, на нее возложена миссия по распространению информации и идей по политическим вопросам, а также по другим проблемам, представляющим общественный интерес. Если на прессе лежит задача распространять такую информацию и идеи, то общественность, со своей стороны, имеет право получать их (см. *mutatis mutandis* упомянутое выше судебное решение по делу "Санди Таймс", п. 65). В этой связи Суд не может принять мнения, высказанного в решении суда второй инстанции Вены, о том, что задачей прессы является распространение информации, толкование которой следует оставить главным образом читателю (см. п. 29).

42. Свобода печати наделяет к тому же общество одним из самых совершенных инструментов, позволяющих узнать и составить представление об идеях и позициях политических лидеров. В более общем виде можно сказать, что свобода политической дискуссии составляет стержень концепции демократического общества, которая проходит через всю Конвенцию.

Соответственно, пределы допустимой критики в отношении политиков как таковых шире, чем в отношении частного лица. В отличие от последнего первый должен проявлять и большую степень терпимости к пристальному вниманию журналистов и всего общества к каждому его слову и действию. Нет сомнения, что п. 2 статьи 10 позволяет защищать репутацию каждого, т. е. распространяется и на политиков, даже когда они выступают не в личном качестве; но в таких случаях противовесом подобной защиты выступает интерес общества к открытой дискуссии по политическим вопросам.

43. Заявитель был осужден, потому что в двух статьях, опубликованных в венском журнале "Профиль" 14 и 21 октября 1975 г., он использовал некоторые выражения ("низкопробный оппортунизм", "аморальный", "недостойный") в отношении г-на Крайского, который в то время был федеральным канцлером. В статьях рассматривались политические проблемы, вызвавшие в Австрии большой общественный интерес и повлекшие за собой оживленную дискуссию по поводу отношения австрийцев, в целом, и их канцлера, в частности, к национал-социализму и участию бывших нацистов в управлении страной. Содержание и тон этих статей были, в общем, достаточно сбалансированы, но использование ранее упомянутых выражений выглядело как нечто, способное повредить репутации г-на Крайского.

Однако, так как дело касалось г-на Крайского как политика, следовало принять во внимание тот фон, на котором появились эти публикации. Это произошло вскоре после всеобщих выборов в октябре 1975 г. Многие австрийцы полагали, что партия г-на Крайского в итоге этих выборов утратит абсолютное большинство и, чтобы остаться у власти, вынуждена будет вступить в коалицию с партией г-на Петерса. После выборов г-н Виезенталь опубликовал серию разоблачений о нацистском прошлом г-на Петерса, и тогда канцлер выступил в защиту г-на Петерса и обрушился с нападками на его критиков, обвинив их в "мафиозных методах", что в свою очередь вызвало столь резкую реакцию со стороны г-на Лингенса.

Таким образом, инкриминируемые выражения следует рассматривать на фоне разгоревшегося после выборов политического спора; как отметил в своем решении от 26 марта 1979 г. Окружной суд Вены, в этой борьбе каждый использовал то оружие, которое оказалось в его распоряжении; и в этом не было ничего необычного для ожесточенной политической дискуссии.

При оценке в свете Конвенции наложенного на заявителя наказания и причин, по которым его вынесли внутренние суды, эти обстоятельства нельзя упускать из виду.

44. Апелляционный суд Вены, приговорив г-на Лингенса к штрафу, отдал приказ о конфискации соответствующих номеров журнала "Профиль" и о публикации судебного решения.

Спорные статьи, как указало Правительство, в то время уже получили широкое хождение, и наложенное на автора наказание, строго говоря, уже не могло помешать ему выразить свое мнение, тем не менее, оно равносильно своего рода порицанию, которое, вероятно, может отбить у него охоту заниматься подобной критикой в будущем. Представитель Комиссии справедливо отметил это обстоятельство. В контексте политической дискуссии подобный приговор может, вероятно, отвратить журналистов от стремления внести вклад в публичное обсуждение проблем, затрагивающих жизнь общества. К тому же санкция, подобная этой, могла бы помешать прессе выполнять свою задачу носителя информации "сторожевого пса" общества (см. *mutatis mutandis* вышеупомянутое решение по делу Бартольда, п. 58).

45. Австрийские суды сосредоточились на выяснении вопроса, являются ли фразы, которые ставятся в вину г-ну Лингенсу, объективно диффамационными, и определили, что

некоторые из использованных выражений и в самом деле имели порочащий характер: "низкопробный оппортунизм", "аморальный", "недостойный".

В своей жалобе заявитель утверждал, что замечания, о которых идет речь, представляли собой оценочные суждения, сделанные им в осуществление права на свободу слова. Суд, как и Комиссия, разделяет эту точку зрения. Критика заявителя была фактически направлена против позиции, занятой г-ном Крайским, бывшим в ту пору федеральным канцлером. Предметом спора было не право заявителя распространять информацию, а его свобода выражения мнений и его право распространять идеи; тем не менее ограничения, установленные в статье 10 п. 2, были применены.

46. Соответствующие суды постарались затем определить, удалось ли заявителю доказать истинность своих заявлений; это делалось во исполнение статьи 113 § 3 Уголовного кодекса. По мнению судов, имелись различные способы оценки поведения г-на Крайского, и логическим путем невозможно доказать, что одно толкование было настолько правильным, что оно исключало возможность всех других; в результате, они признали заявителя виновным в диффамации (см. п. 24, 26 и 29 выше).

С точки зрения Суда, следует проводить тщательное различие между фактами и оценочными суждениями. Существование фактов может быть доказано, тогда как истинность оценочных суждений не всегда поддается доказыванию. Суд отмечает в этой связи, что факты, на которых г-н Лингенс основывал свои оценочные суждения, так же как и его добросовестность, никто не оспаривал (см. п. 21).

Согласно статье 111 § 3 Уголовного кодекса, взятой в сочетании с § 2, журналисты в подобных случаях могут избежать осуждения за совершение действий, перечисленных в § 1, если только они сумеют доказать истинность своих утверждений.

В отношении оценочных суждений выполнить это требование невозможно, и оно нарушает саму свободу выражения мнений, которая является основополагающей частью права, гарантированного статьей 10 Конвенции.

Окружной суд Вены отметил, что распределение бремени доказывания определено законом, и только закон может изменить его (решение от 1 апреля 1981 г.; см. п. 26 выше). Однако Суд полагает, что в его обязанность не входит конкретизировать, какой именно орган публичной власти несет

ответственность за нарушение Конвенции; речь идет об ответственности государства как такового (см. *inter alia* решение по делу Циммермана и Стейнера от 13 июля 1983 г. Серия А, т. 66, с. 13, п. 22).

47. Из вышесказанного видно, что вмешательство в осуществление свободы слова г-ном Лингенсом не было "необходимым в демократическом обществе... для защиты прав других лиц"; оно было несоразмерным с преследуемой законной целью. Соответственно, имело место нарушение статьи 10 Конвенции.

II. Применение статьи 50

48. Согласно статье 50 Конвенции:

"Если Суд установит, что решение или мера, принятые судебными или иными властями Высокой Договаривающейся Стороны, полностью или частично противоречат обязательствам, вытекающим из настоящей Конвенции, а также если внутреннее право упомянутой Стороны допускает лишь частичное возмещение последствий такого решения или такой меры, то решением Суда, если в этом есть необходимость, предусматривается справедливое возмещение потерпевшей стороне".

49. В письме от 18 ноября 1985 г. заявитель настаивал на получении справедливого возмещения в денежном выражении. Во время слушаний 25 ноября Правительство, хотя оно и оспаривало наличие нарушения, согласилось с некоторыми требованиями, но пожелало получить дальнейшие уточнения в отношении других. Г-н Лингенс представил их 6 декабря 1985 г. и 17 марта 1986 г., а Правительство прокомментировало их 18 марта. Комиссия представила свои комментарии 22 апреля 1986 г.

Вопрос, таким образом, готов для решения.

50. Заявитель требовал, во-первых, возвращения 15 000 шиллингов штрафа и 30 600 шиллингов судебных издержек, отнесенных на его счет Апелляционным судом Вены. Он действительно имеет право на возмещение указанных сумм по причине их непосредственной связи с настоящим решением. Правительство против этого возражало.

51. В возмещение расходов, понесенных в результате дополнительного наказания в виде обязанности опубликовать судебное решение в журнале "Профиль", заявитель потребовал 40 860 шиллингов, исходя из расценок, действовавших в то время.

Правительство возражало, что эта сумма включала в себя, во-первых, упущенную выгоду, а во-вторых, фактические финансовые издержки; оно утверждало, что только последние должны приниматься в расчет в целях статьи 50.

Суд не может строить предположения относительно размера дохода, который г-н Лингенс мог бы получить, если бы в журнале были бы размещены платные объявления на месте судебного решения, опубликованного 29 октября 1981 г. Но это не исключает того, что заявитель мог понести ущерб от упущенных возможностей, что должно быть принято во внимание. Бесспорно, есть издержки, понесенные в связи с воспроизведением судебного решения, о котором идет речь.

Эти расходы не могут быть рассчитаны точно. Оценивая их в целом на справедливой основе, Суд присуждает г-ну Лингенсу 25 000 шиллингов по этому основанию.

52. Заявитель далее потребовал 54 938,60 шиллингов за издержки и расходы, понесенные на его защиту в окружном и апелляционном судах.

Это требование заслуживает рассмотрения, т.к. судебные разбирательства в них были направлены на предотвращение или восстановление нарушения права, установленного настоящим Судом (см. решение по делу Минелли. Серия А, т. 62, с. 20, п. 45). Более того, испрашиваемая сумма представляется обоснованной и должна быть присуждена заявителю.

53. Относительно издержек и расходов, понесенных в ходе рассмотрения дела в учреждениях Конвенции, г-н Лингенс — который не получал судебной помощи — первоначально оценил их в 197033,20 шиллинга. Правительство оспаривает как сумму, которую оно считает чрезмерной, так и способ расчета. В последующем адвокат заявителя представил счет на 189305,60 шиллингов.

Суд вновь подчеркивает, что в этом контексте он не связан внутренними ставками или критериями, на которые ссылаются Правительство и заявитель в обоснование своих позиций, он решает по своему усмотрению, исходя из своих представлений о справедливости. В данном случае никем не оспаривалось, что расходы были фактически произведены и необходимы; единственный спорный вопрос, насколько они были оправданы в денежном исчислении. Суд разделяет сделанные Правительством оговорки и считает целесообразным присудить заявителю 13000 шиллингов в возмещение расходов, о которых идет речь.

54. И, наконец, г-н Лингенс потребовал 29 000 шиллингов за транспортные расходы и проживание во время рассмотрения дела в Комиссии, а потом в Суде.

Заявители могут предстать перед Комиссией лично (статья 26 п. 3 Регламента), и именно это произошло в настоящем случае. Хотя они не могут выступать в качестве стороны в Суде, они, несомненно, вправе на основании статей 30 и 33 п. 3 (d) Регламента Суда участвовать на определенных условиях в судебном разбирательстве. Более того, их присутствие в зале суда является несомненным плюсом: оно позволяет Суду уточнить на месте их точку зрения по

касающимся их вопросам (статьи 39 и 44 Регламента Суда — см. решение по делу Кёнига от 28 июня 1978 г. Серия А, т. 36, с. 19, п. 26). Не представляется необоснованной и сумма, испрашиваемая в этой связи г-ном Лингенсом.

55. Общая сумма, присуждаемая г-ну Лингенсу на основании статьи 50 Конвенции, составит 284 538,60 шиллингов.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. Постановил, что имело место нарушение статьи 10 Конвенции;

2. *Постановил*, что Республика Австрия должна выплатить заявителю 284 538,60 шиллингов (двести восемьдесят четыре тысячи пятьсот тридцать восемь шиллингов и шестьдесят грошей) в качестве "справедливого возмещения".

Совершено на английском и французском языках и оглашено во Дворце прав человека в Страсбурге 8 июля 1986 г.

За Грегфе

Джонатан Л. Шарп

Руководитель отдела секретариата

Рольф Риссдал

Председатель

В соответствии со статьей 51 п. 2 Конвенции и статьей 53 п. 2 Регламента Суда к настоящему решению прилагается отдельное мнение г-на Тора Вильямсона.

СОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ТОРА ВИЛЬЯМСОНА

По этому делу я присоединился к выводу моих коллег о нарушении статьи 10 Конвенции, но с некоторым колебанием. Хотел бы прокомментировать основания, изложенные в настоящем решении.

В первом абзаце п. 29 говорится, что Апелляционный суд Вены установил, что г-н Лингенс критиковал г-на Крайского в его обоих качествах: и как партийного лидера, и как частное

лицо (подчеркнуто — Мной). Имея это в виду, мне трудно согласиться с последней частью п. 38 решения. Хотя вместе с другими судьями я согласен, что в данном случае следует применять и толковать именно статью 10 Конвенции. Однако это должно быть сделано с учетом права на уважение личной жизни, о чем говорит статья 8 Конвенции. Это один из факторов, имеющих отношение к решению вопроса о том, была ли свобода слова в данном случае подвергнута ограничениям и санкциям, которые необходимы в демократическом обществе для защиты репутации других лиц. Содержание последующих пунктов показывает, что фактически это право было учтено, когда Суд взвешивал значимость соответствующих доводов. Как сказано выше, я согласен с выводом, изложенным в п. 47, и с постановляющей частью судебного решения.

II.

КАСТЕЛЛС (CASTELLS) против ИСПАНИИ

Судебное решение от 23 апреля 1992 г.

КРАТКОЕ НЕОФИЦИАЛЬНОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ДЕЛА

А. Основные факты

В 1979 г. заявитель, сенатор, избранный от политического движения, выступающего за независимость Страны Басков, опубликовал в еженедельнике "Пунто и Ора де Еускалхерриа" статью, в которой привлек внимание общественного мнения к убийствам и нападениям, совершенным вооруженными группировками против баскских граждан. Он утверждал, что эти группировки орудовали при полной безнаказанности, поскольку за ними стояли Правительство и правящая партия. "Мы должны открыто назвать ответственных", — так заканчивалась статья.

Органы прокуратуры возбудили против Кастеллса уголовное преследование. Он был лишен парламентского иммунитета, и 7 июля 1981 г. ему было предъявлено

обвинение в оскорблении Правительства (статья 161 Уголовного кодекса).

31 октября 1983 г. Палата по уголовным делам Верховного Суда признала заявителя виновным и приговорила его к одному году тюремного заключения. Суд посчитал, что положение заявителя как сенатора обязывало его ограничиться теми средствами критики Правительства, которые предусмотрены Правилами процедуры Сената и которые он не выполнил. Более того, его статья продемонстрировала намерение опорочить Правительство. Суд отказался допустить доказательства, которые защита просила приобщить к делу, чтобы показать, что содержащаяся в статье информация была общеизвестной и соответствовала действительности.

10 апреля 1985 г. Конституционный Суд отклонил жалобу г-на Кастеллса, поданную 22 ноября 1983 г. в процедуре ампаро. Однако исполнение приговора было приостановлено.

В. Разбирательство в Комиссии по правам человека

В жалобе, поданной в Комиссию 17 сентября 1985 г., заявитель утверждал, что были нарушены статьи 6, 7, 10, 14 Конвенции.

Комиссия признала жалобу неприемлемой в отношении статей 6 и 7 и приемлемой в отношении статей 10 и 14.

В своем докладе 8 января 1991 г. Комиссия пришла к выводу:

(а) девятью голосами против трех, что было нарушение статьи 10;

(б) единогласно, что никакого отдельного вопроса на основании статьи 14 в сочетании со статьей 10 не возникает.

Комиссия передала дело в Суд 8 марта 1991 г.

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ

ВОПРОСЫ ПРАВА о предполагаемом нарушении статьи 10 Конвенции

23. Г-н Кастеллс заявляет, что он стал жертвой нарушения права на свободу слова в том виде, как она гарантирована статьей 10 Конвенции, которая гласит:

"1. Каждый человек имеет право на свободу выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны государственных органов и независимо от государственных границ...

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые установлены законом и которые необходимы в демократическом обществе в интересах государственной безопасности, территориальной целостности или общественного спокойствия, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия".

Правительство оспаривает это утверждение, тогда как Комиссия согласна с ним.

А. Предварительное возражение Правительства

24. Правительство утверждает, как и ранее в Комиссии, что заявитель не исчерпал внутренние средства правовой защиты (статья 26 Конвенции). Возможно, "по тактическим соображениям" он не поднимал в Конституционном суде вопроса о якобы произошедшем нарушении его права на свободу слова, охраняемую в соответствии со статьей 20 Конституции. В своей жалобе, переданной в процедуре ампаро, он ссылался на эту статью лишь косвенно, жалуясь на дискриминацию при осуществлении данной свободы; кроме того, он не упоминал ни о статье 10 Конвенции, ни об аналогичных нормах в других международных пактах. В соответствии с Учредительным актом, регламентирующим процедуру подачи и рассмотрения таких жалоб (№ 2/1070), ему надлежало четко указать и фактические обстоятельства, и те нормы, которые якобы были нарушены. Отсюда следует, что г-н Кастеллс не дал Конституционному Суду возможности вынести решение по вопросу, который сейчас рассматривается в Суде.

25. В ответ заявитель утверждал, что в Конституционном Суде он специально ссылался на статью 20 Конституции. Прежде всего, сами обстоятельства, изложенные в его жалобе

ампаро, свидетельствовали, что предметом спора был типичный пример осуществления права на свободу слова, и со всей очевидностью доказывали вмешательство в это право. Более того, он письменно процитировал искомую статью, а в своей устной аргументации настаивал, что имело место нарушение статьи 20 в сочетании со статьей 14 Конституции (равенство перед законом). Верно, что в основном он строил свою аргументацию на более ограниченной основе — праве выборного представителя на основании статьи 23 Конституции выступать с критикой политического характера, но достаточно прочесть п. 10 части "Вопросы права" судебного решения по его делу от 10 апреля 1985 г., чтобы увидеть, что и вопрос о свободе слова в свете статьи 20 также был им поставлен. В этом пункте Конституционный Суд подробно исследовал вопрос о соответствии статьи 161 Уголовного кодекса, по которой он обвинялся, и был осужден, конституционному принципу свободы слова (см. п. 15 и 17 выше).

26. Выразив свое согласие с заявителем, Комиссия, прежде всего, просила Суд констатировать, что рассмотрение данного возражения находится вне его компетенции.

27. По этому вопросу Суд ограничивается ссылкой на общую линию своей практики, которая нашла свое недавнее подтверждение в решении по делу *Б. против Франции* от 25 марта 1992 г. (Серия А, т. 232-С, с. 45, п. 35-36).

Относительно существа возражения Суд отмечает, что статья 26 Конвенции должна применяться "с определенной степенью гибкости и без излишнего формализма"; достаточно, чтобы "жалобы, которые предназначены для последующего представления в учреждения Конвенции", разбирались бы "по крайней мере, по существу и в соответствии с формальными требованиями и в пределах сроков, установленных внутренним законодательством" (см. решение по делу *Гуцарди против Италии* от 6 ноября 1980 г. Серия А, т. 39, с. 26, п. 72, и судебное решение по делу *Кардо против Франции* от 19 марта 1991 г. Серия А, т. 200, с. 18, п. 34).

28. Заявитель ссылается на статью 10 Конвенции в двух аспектах: как он утверждает, его преследовали и осудили за утверждения, которые были истинными, но ему помешали установить в суде их соответствие действительности; кроме того, опубликованная им статья относится к области политической критики, заниматься которой — долг любого члена Парламента.

29. Г-н Кастеллс поднимал оба эти вопроса в Верховном Суде. Судебное решение от 31 октября 1983 г. отвергло эти доводы, посчитав, что они не оправдывают оскорбления Правительства, и признало, что заявитель преступил границы приемлемой политической критики (см. п. 13 выше).

30. Основывая свою жалобу ампаро на статье 23 Конституции, заявитель отстаивал, как сенатор, право критиковать действия Правительства, что, очевидно, является неотъемлемой частью свободы слова выборных представителей. Более того, Конституционный Суд признал это, соединив жалобу по статьям 14 и 20 с жалобой по статье 23 (см. п. 17 выше).

Заявитель ссылаясь на презумпцию невиновности и право приобщать к делу доказательства, подтверждающие достоверность его высказываний, что прямо связано с предполагаемым нарушением статьи 10 Конвенции. Такой же вывод следует из позиции Конституционного Суда, который соединил вопрос о приобщении к делу доказательств с рассмотрением дела по существу на основании статьи 161 Уголовного кодекса (п. 9 и 10 части "Вопросы права" судебного решения от 10 апреля 1985 г.; см. п. 17 выше).

31. Суд, как и Комиссия, отмечает, что г-н Кастеллс" неоднократно цитировал статью 20 Конституции в своих обращениях в суды (см. п. 13 и 15 выше). В ряде письменных обращений в Конституционный Суд он настаивал на своем праве "получать и распространять правдивую информацию" (см. п. 16 выше).

Нет сомнений, что причину неудачи жалобы ампаро следует искать в тех границах, которыми ограничил свою компетенцию Конституционный Суд; он сосредоточился по преимуществу на толковании понятия "оскорбление Правительства" и соответственно применении статьи 161 Уголовного кодекса, чем подлежало заниматься общим судам (см. п. 17 выше), и, следовательно, конституционный аспект свободы слова остался в стороне.

32. Следовательно, Суд полагает, что заявитель действительно ставил перед Конституционным Судом, "по крайней мере, в принципе", вопросы, относящиеся к статье 10 Конвенции. Таким образом, возражение, что г-н Кастеллс не исчерпал внутренних средств правовой защиты, должно быть отклонено.

В. Об обоснованности жалобы

33. Согласно жалобе г-на Кастеллса, уголовное дело против него и последовавшее затем его осуждение за оскорбление Правительства представляет собой вмешательство в осуществление им права на свободу слова в частности, потому что ему не было позволено доказать достоверность содержащихся в его статье утверждений.

34. Ограничения и наказания, на которые он жаловался, несомненно, являются "вмешательством" в осуществление свободы, о которой идет речь. Для того чтобы такое вмешательство не нарушало статьи 10, оно должно быть "предусмотрено законом" и направлено на достижение одной или более правомерных целей, указанных в статье 10 п. 2 и "необходимых в демократическом обществе".

1. "Предусмотрено законом"

35. Не вызывает сомнений, что оспариваемое судебное преследование имеет правовое основание, а именно статьи 161 и 162 Уголовного кодекса. Заявитель этого не оспаривает, но он утверждает, будто не представлял себе, что ему будет отказано в таком средстве защиты, как доказательство достоверности его утверждений, особенно после принятия Конституции 1978 г. Он настаивал, что до 19 мая 1982 г. Верховный Суд никогда не рассматривал дела об оскорблении Правительства и о допущении доказательств в целях защиты от обвинений в подобных преступлениях (статья 240). В доктрине и судебной практике высказывались по этому поводу разные точки зрения.

36. В возражении Правительства указывалось, что по законодательству Испании, в частности, по статье 461 Уголовного кодекса, доказательство достоверности распространенных сведений как средство защиты допустимо только тогда, когда оскорбления направлены против гражданских служащих, находящихся при исполнении служебных обязанностей; ни до, ни после 1978 г. Верховный Суд не позволял когда-либо использовать *exceptio veritatis* для оскорблений, которые не были бы направлены против отдельных личностей. Однако г-н Кастеллс оскорбил Правительство в целом.

37. Исходя из текста статьи 461 Уголовного кодекса, Суд считает такое толкование разумным. Прецедентов такого рода, по-видимому, не было — отсюда колебания, выказанные Верховным Судом в его разъяснениях от 19 мая 1982 г. (см. п. 12 выше), что, однако, не имеет значения: разъяснение охватывало в общей форме несколько возможных типов оскорблений и должно было применяться в новых ситуациях; вышеупомянутое решение ограничилось тем, что применило его к особым обстоятельствам (см. *mutatis mutandis* решение по делу "Обсервер" и "Гардиан" против Соединенного Королевства от 26 ноября 1991 г. Серия А, т. 216, с. 27—28, п. 53).

Поэтому Суд, как и Комиссия, считает, что нормы, регулирующие условия оспариваемого вмешательства, были достаточно предсказуемы, исходя из целей статьи 10 п. 2 Конвенции.

2. Правомерность преследуемой цели

38. Согласно утверждению заявителя ни выдвинутое против него обвинение, ни последующее его осуждение не преследовали правомерной цели, подпадающей под действие статьи 10 п. 2. Действия, в которых он был обвинен, — и это допускал сам Верховный Суд, не вызвали какой-либо тревоги; как явствует из судебного решения от 31 октября 1983 г., вмешательство решало не задачу защиты общественного порядка и национальной безопасности, а фактически охраняло честь Правительства-ответчика.

39. Однако в своем решении от 10 апреля 1985 г., на которое ссылается Правительство, Конституционный Суд сделал упор на то, что безопасность государства может оказаться в опасности из-за попыток дискредитировать демократические институты (см. п. 17 выше). В своей статье г-н Кастеллс не просто описывает очень серьезную ситуацию в Стране Басков, он обвиняет власти, в частности, полицию в пассивности и даже попустительстве организаторам преступной деятельности, подразумевая тем самым, что Правительство также несет ответственность.

Таким образом, можно сказать, и это соответствует точке зрения Правительства и Комиссии, что в конкретных обстоятельствах Испании 1979 г. судебное преследование заявителя было начато в целях "предотвращения беспорядков" в смысле статьи 10 п. 2, а не только для "защиты репутации... других лиц".

5. Необходимость вмешательства

40. Г-н Кастеллс отметил свое согласие с Комиссией и подчеркнул чрезвычайную важность свободы слова для выборного представителя — выразителя мнений и обеспокоенности своего электората. Эта свобода заслуживает дополнительных гарантий, когда обсуждаются вопросы, представляющие общественный интерес. Так было и в этом случае; спорная статья была частью широкой дискуссии о климате нестабильности, сложившемся в Стране Басков начиная с 1977 г. Осуждение заявителя скорее призвано было защитить власти от атак оппозиции, чем Правительство от необоснованных и порочащих обвинений; хотя разглашение фактов, о которых шла речь, ставило Правительство в неловкое положение, оно отвечало общественным интересам.

41. Правительство подчеркивало, что свобода слова не является абсолютной; она налагает "обязанности и ответственность" (статья 10 п. 2 Конвенции). Г-н Кастеллс преступил обычные границы политической дискуссии; он оскорбил демократическое Правительство, способствуя дестабилизации в критический для Испании период, а именно вскоре после принятия Конституции, когда группы разной ориентации равно прибегают к насилию.

42. Суд напомнил, что свобода слова, закрепленная в статье 10 п. 1, составляет одну из важнейших опор демократического общества и одно из главных условий его прогресса. При условии соблюдения требований статьи 10 п. 2 она применима не только к "информации" или "идеям", которые встречаются благосклонно или рассматриваются как безобидные либо безразличные, но и в отношении тех, которые задевают, шокируют или беспокоят. Таковы требования плюрализма, толерантности и либерализма, без которых нет "демократического общества" (см. *inter alia* решение по делу *Хэндисайд против Соединенного Королевства* от 7 декабря 1976 г. Серия А, т. 24, с. 23, п. 49, и вышеупомянутое решение по делу "Обсервер" и "Гардиан". Серия А, т. 216, с. 30, п. 59 (а)).

Свобода слова важна для всех, но это особенно справедливо, когда речь идет о выборных представителях народа. Они представляют свой электорат, привлекают внимание к его заботам и отстаивают его интересы. Соответственно, вмешательство в осуществление свободы слова члена Парламента от оппозиции, каковым является заявитель, требует самого пристального внимания со стороны Суда.

43. В рассматриваемом деле г-н Кастеллс выражал свое мнение не в зале заседаний Сената, что он мог бы делать, не опасаясь санкций, он предпочел сделать это в периодической печати. Однако это не означает, что он был не вправе критиковать таким образом Правительство.

В этой связи не следует забывать особую роль прессы в правовом государстве. Хотя она и не должна преступать определенных границ, установленных *inter alia* для предотвращения беспорядков и защиты репутации других лиц, тем не менее, на нее возлагается обязанность передавать информацию и идеи по политическим и иным вопросам, представляющим общественный интерес (см. *mutatis mutandis*

решение по делу "*Санди тайме*" против Соединенного Королевства от 26 апреля 1979 г. Серия А, т. 30, с. 40, п. 65, и вышеупомянутое решение по делу "Обсервер" и "Гардиан". Серия А, т. 216, с. 30, п. 59 (О)).

Свобода печати предоставляет для граждан один из самых совершенных способов открывать для себя и вырабатывать мнение о взглядах и позиции своих политических лидеров. В частности, она дает политикам возможность высказываться по поводу того, что заботит общественное мнение, позволяет участвовать в свободной политической дискуссии каждому, что является стержнем понятия демократического общества (см. решение по делу *Лингенс против Австрии* от 8 июля 1986 г. Серия А, т. 103, с. 26, п. 42).

44. В своем решении от 31 октября 1983 г. Верховный Суд встал на ту точку зрения, что статья перешла грань между политической критикой и оскорблением, хотя и несколько смягченным образом (см. п. 13 выше).

45. Суд, как и Комиссия, отметил, что г-н Кастеллс начал с критики безнаказанности, которой пользуются члены различных экстремистских группировок, совершивших ряд нападений в Стране Басков, начиная с 1977 г. Тем самым он рассказывал о фактах, представляющих большой интерес для общественного мнения того региона, где продается большая часть тиража данного периодического издания. Однако в своих выводах он выдвинул серьезные обвинения против Правительства, которое, по его мнению, несет ответственность за возникшее положение (см. п. 7 выше).

46. Свобода политической дискуссии, несомненно, не является абсолютной по своей природе. Государства-участники могут подвергать ее определенным "ограничениям" или "санкциям", но Суду принадлежит право выносить окончательное решение о совместимости этих мер со свободой слова, воплощенной в статье 10 (см. *mutatis mutandis* вышеупомянутое решение по делу "Обсервер" и "Гардиан").

Пределы допустимой критики в отношении Правительства шире, чем в отношении рядового гражданина или даже политического деятеля. В демократической системе действия или упущения Правительства должны стать предметом пристального внимания не только законодательных и судебных властей, но также прессы и общественного мнения. Более того, доминирующее положение, которое занимает

Правительство, делает необходимым, чтобы оно демонстрировало сдержанность, когда встает вопрос об уголовном преследовании за критику, особенно когда имеются другие средства ответа на неоправданные нападки его противников или средств массовой информации. Тем не менее, у компетентных органов государственной власти как гарантов общественного порядка остается открытой возможность принятия мер, в том числе уголовно-правового характера, направленных на то, чтобы адекватным образом, без излишних эксцессов реагировать на безосновательные или недобросовестные обвинения порочащего характера.

47. Г-н Кастеллс несколько раз предлагал в Верховном Суде, а в последующем в Конституционном суде, установить, что приведенные им факты достоверны и хорошо известны; с его точки зрения, это лишало его утверждения какого-либо оскорбительного звучания (см. п. 11 и 16 выше).

19 мая 1982 г. Верховный Суд объявил такие доказательства недопустимыми на том основании, что нельзя использовать достоверность фактов как средство защиты, если речь идет об оскорблениях, направленных против государственных институтов (см. п. 12 и 13 выше); он подтвердил такое толкование в своем решении от 31 октября 1983 г. (см. п. 13 выше). Конституционный Суд решил, что это вопрос о соблюдении законности и в качестве такового находится за пределами его компетенции (см. п. 17 выше).

Поэтому заявитель при рассмотрении возбужденного против него уголовного дела по статье 161 Уголовного кодекса не мог ссылаться в свою защиту на добросовестность и достоверность фактов.

48. В возражении Правительства говорилось, что, т.к. утверждения г-на Кастеллса не были достаточно точны, они не могли претендовать на то, что их правдивость будет подтверждена; более того, они имеют оценочный характер, в отношении к которым критерий достоверности неприменим.

Этот аргумент не убедителен. Вышедшая в "Пунто и Ора де Еускал-херриа" статья должна рассматриваться в целом. Заявитель начал ее с длинного списка нападений и убийств, совершенных в Стране Басков, затем подчеркнул, что они остались безнаказанными; далее в статье он утверждал о причастности к ним различных экстремистских организаций, которые он назвал, а в конце возложил ответственность за создавшееся положение на Правительство. На самом деле

достоверность многих из этих утверждений поддавалась проверке, а г-н Кастеллс обоснованно мог рассчитывать, что ему дадут возможность доказать свою добросовестность.

Невозможно судить, каков был бы результат разбирательства, если бы Верховный Суд согласился допустить доказательства, которые заявитель хотел приобщить к делу, но Суд придает решающее значение тому обстоятельству, что Верховный Суд объявил такие доказательства неприемлемыми применительно к рассматриваемому преступлению (см. п. 12 выше). Он считает, что такое вмешательство в осуществление свободы слова заявителя не было необходимым в демократическом обществе.

49. Правительство ссылается также на относительно мягкий характер наложенных санкций, но в свете предыдущего вывода Суд не обязан анализировать данный довод.

50. Суд решил, что имело место нарушение статьи 10.

II. Предполагаемое нарушение статьи 14 в сочетании со статьей 10

51. Г-н Кастеллс требовал считать его жертвой дискриминации, потому что другие люди высказывали подобные взгляды без наложения на них каких-либо уголовных санкций. Он ссылался на статью 14, которая сформулирована следующим образом:

"Пользование правами и свободами, признанными в настоящей Конвенции, должно быть обеспечено без какой-либо дискриминации по признаку пола, расы, цвета кожи, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, принадлежности к национальным меньшинствам, имущественного положения, рождения или любым иным обстоятельствам".

Правительство отрицало утверждение заявителя.

52. Поскольку данный вопрос не является ключевым в деле, Суд не считает необходимым его рассмотрение (см. *inter alia* решение по делу *Эйри* против *Ирландии* от 9 октября 1979 г. Серия А, т. 32, с. 16, п. 30).

III. Применение статьи 50

53. В соответствии со статьей 50 "Если Суд установит, что решение или мера, принятые судебными или иными властями Высокой Договаривающейся Стороны, полностью или частично противоречат обязательствам, вытекающим из настоящей Конвенции, а также если внутреннее право упомянутой Стороны допускает лишь частичное возмещение последствий такого решения или такой меры, то решением Суда, если в этом есть необходимость, предусматривается справедливое возмещение потерпевшей стороне".

54. Заявитель хотел, прежде всего, добиться публикации краткого изложения решения Суда в газетах Страны Басков, Мадрида и других провинциях страны, а также изъятия всякого упоминания о его осуждении из Центрального уголовного архива.

Суд указал, что он не компетентен принимать такие обязывающие решения (см. *mutatis mutandis* решение по делу "Манифаттура ФЛ" против Италии от 27 февраля 1992 г. Серия А, т. 230-В, с. 21, п. 22).

А. Материальный ущерб

55. Г-н Кастеллс потребовал 375 000 песет в качестве компенсации за потерю заработка. Как обвиняемый, отпущенный под залог, он должен был пятьдесят два раза отмечаться в суде по месту жительства (Сан-Себастьян), и три раза в Верховном Суде в Мадриде (см, п. 8 и 9 выше), что привело к потере времени и возможности заниматься профессиональной деятельностью в качестве адвоката.

Суд придерживается той точки зрения, что данное ограничение вряд ли могло причинить ущерб г-ну Кастеллсу, т.к., будучи адвокатом, он часто посещал суды, о которых идет речь. Причинение ему материального ущерба, таким образом, не установлено.

В. Нематериальный вред

56. Заявитель потребовал также компенсации морального вреда, не называя конкретных цифр. Суд не исключает наличие такого вреда, но, исходя из обстоятельств

дела, считает, что признание настоящим судебным решением факта нарушения само по себе представляет достаточно справедливое удовлетворение.

С. Издержки и расходы

57. В качестве компенсации издержек и расходов, понесенных им в испанских судах, г-н Кастеллс потребовал 2 181 476 песет. Суд присуждает ему только 1 000 000 песет, т.к. спорные суммы относились к жалобам ампаро, т.е. тем, которые не были признаны Комиссией приемлемыми.

58. Наконец заявитель хотел получить 3 328 000 песет за понесенные им издержки и расходы в органах Конвенции, а также 20 000 немецких марок гонораров г-ну Корффу и г-ну Верваеле.

Как и Правительство, Суд считает чрезмерным число адвокатов, представлявших г-на Кастеллса, который предстал перед Судом в сопровождении четырех адвокатов; следует также иметь в виду, что Комиссия объявила некоторые первоначально заявленные жалобы неприемлемыми.

Проведя оценку по справедливости, Суд присуждает г-ну Кастеллсу компенсацию на общую сумму 2000000 песет.

По этим основаниям суд единогласно

1. Постановил, что он компетентен рассматривать предварительное возражение Правительства, но отверг его;
2. Постановил, что имело место нарушение статьи 10;
3. Постановил, что нет необходимости рассматривать дело по статье 14, в сочетании со статьей 10;
4. Постановил, что настоящее судебное решение представляет собой достаточное справедливое удовлетворение предполагаемого морального вреда в целях статьи 50;
5. Постановил, что Королевство Испания должно выплатить заявителю в течение трех месяцев 3 000 000 (три миллиона) песет за издержки и расходы;
6. Отверг оставшуюся часть требований заявителя.

Совершено на английском и французском языках и оглашено во Дворце прав человека в Страсбурге 23 апреля 1992 г.

Марк-Андре
Грефье

ЭйссенРольф Риссдал
Председатель

III.

"ИНФОРМАЦИОНСФЕРАЙН ЛЕНТИА" (INFORMATIONSVEREIN LENTIA) и другие против АВСТРИИ

Судебное решение от 24 ноября 1993 г.

КРАТКОЕ НЕОФИЦИАЛЬНОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ДЕЛА

А. Основные факты

Предметом настоящего дела явился отказ австрийских властей в лице региональных органов управления почт и телекоммуникаций выдать лицензии на создание радиовещательных и телевизионных предприятий местного значения. Первый заявитель, получивший такой отказ, — "Информационсферайн Лентиа", компания, которая намеревалась создать замкнутую кабельную сеть, призванную объединить многочисленные кабельные службы в городе Линце. После того как отказ регионального управления был подтвержден Национальным управлением почт и телекоммуникаций, компания обратилась в Конституционный Суд. Последний сослался на статью 10 Европейской Конвенции, где оговорено, что эта статья не препятствует государствам осуществлять лицензирование, в т. ч. и такое, о каком идет речь в настоящем деле. Поэтому, по мнению Конституционного Суда, хотя статья 10 направлена на то, чтобы гарантировать свободу мнений и информации, это не означает, что такого рода лицензию может получить каждый, кто пожелает. Федеральный конституционный закон Австрии от 23 ноября 1979 г. отнес всю сферу радио- и телевидения к ведению государства; этот Закон фактически зарезервировал право на вещание за Национальной радиовещательной корпорацией, и никакого другого правоприменительного акта, кроме Закона, регулирующего деятельность этой организации, нет. Конституционный Суд передал дело в Административный суд, который в свою очередь отказал в удовлетворении заявки на выдачу лицензии 10 сентября 1986 г.; его решение, по существу, повторило логику рассуждений Конституционного Суда.

Между 1987 и 1989 г. второй заявитель работал вместе с другими лицами над проектом создания частной радиостанции в Каринтии. В последующем он отказался от своих планов, узнав, что согласно действующему законодательству в том виде, как оно толкуется Конституционным Судом, получить необходимую лицензию невозможно.

Третий заявитель — Австрийская ассоциация, член Европейской федерации свободных радиостанций. В 1988г. она попыталась получить лицензию на создание в Южной Каринтии радиостанции для передачи некоммерческих программ на немецком и словацком языках. Она получила отказ сначала Регионального управления почт и телекоммуникаций Клагенфурта, а затем Главного национального управления почт и телекоммуникаций в Вене 19 декабря 1989 г. и 9 августа 1990 г. соответственно. Решение было подтверждено Конституционным Судом 30 сентября 1991 г.

Четвертый заявитель является акционером итальянской компании, которая ведет коммерческое радиовещание на Австрию, хотел бы заниматься аналогичной деятельностью в самой стране. Однако с учетом сложившейся юридической практики он решил к соответствующим властям не обращаться.

Пятый заявитель — частная компания, зарегистрированная как акционерное общество по австрийскому законодательству. 8 ноября 1988 г. она обратилась в Региональное управление почт и телекоммуникаций Линца с просьбой предоставить ей частоту для местной радиостанции, которую предлагала создать в Зальцбурге. 28 апреля 1989 г. ее ходатайство было отклонено, 12 июля 1989 г. решение об отказе было подтверждено Главным управлением, а 18 июня 1990 г. жалоба была отклонена Конституционным Судом.

В. Разбирательство в Комиссии по правам человека

Жалобы поступили в Комиссию в период с 16 апреля 1987 г. по 20 августа 1990 г. Комиссия объединила их в единое производство 13 июля 1990 г. и 14 января 1992 г. 15 января 1992 г. она сочла жалобы на нарушение статей 10 и 14 приемлемыми.

В своем докладе от 9 сентября 1992 г. Комиссия установила факты и выразила мнение, что имело место нарушение статьи 10 (единогласно в том, что касается первого заявителя, и четырнадцатью голосами против одного в отношении остальных) и что нет необходимости рассматривать дело в свете статьи 14 (единогласно в отношении первого

заявителя и четырнадцатью голосами против одного применительно к остальным).

Комиссия передала дело в Суд 26 октября 1992 г.

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ ВОПРОСЫ ПРАВА

I. О предполагаемом нарушении статьи 10

26. Заявители жаловались, что они не могли создать радиостанцию или, как в случае с "Информационсферайн Лентиа", телевизионную станцию, т. к. согласно законодательству Австрии это право зарезервировано за Австрийской радиовещательной корпорацией. Они утверждали, что это образует монополию, несовместимую со статьей 10, которая предусматривает:

"1. Каждый человек имеет право на свободу выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны государственных органов и независимо от государственных границ. Настоящая статья не препятствует государствам осуществлять лицензирование радиовещательных, телевизионных или кинематографических предприятий.

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые установлены законом и которые необходимы в демократическом обществе в интересах государственной безопасности, территориальной целостности или общественного спокойствия, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия".

Правительство не согласилось с утверждением заявителей, тогда как Комиссия по существу его приняла.

27. Суд отметил, что оспариваемое ограничение равносильно "вмешательству" в осуществление заявителями их свободы распространять информацию и идеи; это то общее, что имеется в делах всех участников данного разбирательства.

Единственный вопрос, который в связи с этим возникает, было ли такое вмешательство оправданным.

В этой связи тот факт, что ни г-н Хайдер — второй заявитель, ни г-н Вебер — четвертый заявитель никогда не обращались за лицензией на вещание (см. п. 12, 15 выше), не имеет значения; во время слушаний в Комиссии Правительство согласилось, что оба эти заявителя могут рассматриваться как пострадавшие, и оно не утверждало обратного перед Судом.

28. В заявлении Правительства говорилось, что достаточным основанием для оспариваемого вмешательства служит статья 10 п. 1 *in fine*, эта последняя фраза пункта, с его точки зрения, подлежит отдельному толкованию. В качестве субсидиарного довода оно ссылалось на то, что вмешательство подпадает под условия п. 2 той же статьи.

29. Суд напоминает, что предмет и цель последнего предложения п. 1 статьи 10, а равно сфера его применения, должны рассматриваться в контексте статьи в целом и, в частности, во взаимосвязи с требованиями п. 2 (см. решение по делу "*Гроппера радио АГ*" и *другие против Швейцарии* от 28 марта 1990 г. Серия А, т. 173, с. 24, п. 61, и решение по делу "*Аутроник АГ*" от 22 мая 1990 г. Серия А, т. 178, с. 24, п. 52). Поэтому необходимо установить, соответствует ли режим лицензирования каждому из этих положений.

А. Пункт 1, третье предложение

30. С точки зрения Правительства, система лицензирования, о которой говорится в конце п. 1, позволяет государствам не только регулировать технические аспекты аудиовизуальной деятельности, но и определять их место и роль в современном обществе. Они утверждают, что это ясно видно из формулировки третьего предложения п. 1, которая не столь сильно ограничивает органы государственной власти, как п. 2 статьи 11, позволяя им, таким образом, больше вмешиваться в осуществление означенной свободы. Эта формулировка оставляет государству более широкие пределы усмотрения при определении политики в отношении средств информации и способов ее реализации. В отдельных случаях, как в Австрии, она может даже принять форму монополии публичной службы радиовещания как единственного имеющегося у государства средства гарантировать

объективность и беспристрастность информации, сбалансированное представление о различных мнениях, а равно независимость людей и организаций, ответственных за передачи.

31. По мнению заявителей, действующие в Австрии правила, а в особенности монополия Австрийской радиовещательной корпорации, отражают главным образом желание властей обеспечить политический контроль за аудиовизуальной сферой в ущерб плюрализму и свободе творчества. Устраняя всякую конкуренцию, эти правила дополнительно служат обеспечению экономической жизнеспособности Австрийской радиовещательной корпорации за счет серьезного ущемления свободы предпринимательской деятельности. Короче говоря, они не соответствуют третьему предложению п. 1.

32. Как Суд уже отмечал, цель рассматриваемого последнего предложения состоит в том, чтобы четко сказать, что государствам при помощи системы лицензирования разрешается регулировать организацию вещания на своей территории, в особенности в его техническом аспекте (см. вышеупомянутое решение по делу "*Гроппера радио АГ*" и *другие*. Серия А, т. 173, с. 24, п. 61). Технические аспекты, без сомнения, важны, но предоставление или отказ в выдаче лицензий могут быть поставлены также в зависимость от других соображений, включая такие вопросы, как характер и цели предполагаемой станции, ее потенциальная аудитория на национальном, региональном либо местном уровне, обеспечение прав и удовлетворение потребностей конкретной аудитории, а равно выполнение обязательств, вытекающих из международных договоров.

Это может привести к вмешательству, цели которого правомерны в соответствии с третьим предложением п. 1, но не совпадают с какой-либо из целей, изложенных в п. 2. Совместимость такого вмешательства с Конвенцией должна, тем не менее, оцениваться в свете других требований п. 2.

33. Действующая в Австрии монополия на вещание способна содействовать повышению качества и сбалансированности программ благодаря контролю органов власти за средствами информации. Поэтому с учетом обстоятельств настоящего дела ее существование не противоречит третьему предложению п. 1. Остается, однако, определить, удовлетворяет ли она требованиям п. 2.

В. Пункт 2

34. Обжалуемое вмешательство, и это никем из участников процесса не оспаривается, "предусмотрено законом". Суд также установил, что цель вмешательства правомерна (см. п. 32—33 выше), возникает вопрос, насколько такое вмешательство "необходимо в демократическом обществе".

35. Договаривающиеся Государства пользуются определенной свободой усмотрения в оценке необходимости вмешательства, но такое усмотрение сочетается с европейским контролем, различным в зависимости от изменения обстоятельств. В делах, подобных настоящему, где произошло вмешательство в осуществление прав и свобод, гарантированных статьей 10 п. 1, контроль должен быть строгим вследствие важности прав, о которых идет речь, что неоднократно подчеркивал Суд. Необходимость такого вмешательства должна быть убедительным образом установлена (см. среди других источников вышеупомянутое решение по делу "Аутроник АГ". Серия А, т. 178, с. 26-27, п. 61).

36. Правительство обратило внимание, прежде всего, на политический аспект деятельности аудиовизуальных средств информации. В Австрии Конституционный закон в статье 1 п. 2 о радиовещании указывает на его цели: гарантировать объективность и беспристрастность информации, плюрализм, сбалансированность программ, независимость лиц и организаций, ответственных за передачу (см. п. 20 выше). С точки зрения Правительства, только действующая система, основывающаяся на монополии Австрийской радиовещательной корпорации, дает властям возможность обеспечить достижение этих целей. Действующее законодательство и устав Австрийской радиовещательной корпорации предусматривают независимость подготовки программ, свободу журналистов и сбалансированное представительство политических партий и социальных групп в ее руководящих органах.

Сделав выбор в пользу настоящей системы, государство в любом случае действовало в рамках своей свободы усмотрения, которая оставалась неизменной со времени присоединения к Конвенции. Лишь у немногих Договаривающихся Государств тогда были другие системы

организации радио- и телевидения. Принимая во внимание разнообразие организационных форм, существующих сейчас в данной области, нельзя всерьез утверждать, что за это время сложилась какая-либо единая европейская модель.

37. Заявители утверждали, что нет никакой необходимости иметь государственную монополию в аудиовизуальной сфере для защиты общественного мнения от манипуляций, в противном случае было бы в равной степени необходимо иметь таковую и для прессы. Напротив, развитию плюрализма и объективности может способствовать только многообразие станций и программ. На самом деле австрийские власти стремятся, прежде всего, сохранить свой политический контроль над вещанием.

38. Суд неоднократно подчеркивал основополагающую роль свободы слова в демократическом обществе, в частности, когда при помощи прессы она служит распространению информации и идей, представляющих всеобщий интерес и которые общественность вправе получать (см., например, *mutatis mutandis* решение по делу "Обсервер" и "Гардиан" от 26 ноября 1991 г. Серия А, т. 216, с. 29—30, п. 59). Эта роль не может быть успешно осуществлена без плюрализма, высшим гарантом которого выступает государство. Это вдвойне справедливо в отношении аудиовизуальных средств информации, чьи программы имеют широкую аудиторию.

39. Среди всех средств, призванных обеспечить уважение ценностей, о которых идет речь, наибольшие ограничения на свободу слова налагает государственная монополия, а именно полная невозможность осуществлять вещание иначе как посредством национальной станции, и лишь в некоторых случаях и в весьма ограниченных пределах — при помощи местных кабельных станций. Далеко идущий характер подобных ограничений означает, что они могут быть оправданы только в случае особой необходимости.

В результате технического прогресса, достигнутого за последние десятилетия, эти ограничения сегодня не могут быть оправданы соображениями количества имеющихся частот и каналов. Правительство согласно с этим. Кроме того, применительно к настоящему случаю имеющиеся ограничения во многом утратили смысл в связи с увеличением числа иностранных передач, рассчитанных на австрийскую аудиторию, и решением Административного суда признать

правомерность их ретрансляции по кабелю (см. п. 21 выше). Наконец, нельзя утверждать, что не существует других решений менее ограничительного характера; в качестве примера достаточно сослаться на практику некоторых стран, где либо выдаются лицензии на специально оговоренных условиях, содержание которых может изменяться, либо предусматриваются различные формы участия частных лиц в деятельности национальных институтов.

40. Правительство привело, дополнительно экономический довод, а именно, что австрийский рынок слишком мал, чтобы вместить такое число частных станций, которое позволило бы избежать их концентрации и образования "частных монополий".

41. По мнению заявителей, это предлог для проведения политики, которая путем устранения всякой конкуренции стремится, прежде всего, гарантировать Австрийской радиовещательной корпорации доходы от рекламы за счет ущемления свободы предпринимательства.

42. Доводы Правительства Суд не убедили. Они противоречат опыту нескольких европейских государств сопоставимого с Австрией размера, где различным образом организованное сосуществование государственного и частного вещания сопровождается мерами, предотвращающими создание частных монополий. Это показывает беспочвенность опасений Правительства.

43. Короче говоря, как и Комиссия, Суд считает, что вмешательство, ставшее предметом спора, несоразмерно преследуемой цели и соответственно не является необходимым в демократическом обществе. Таким образом, имело место нарушение статьи 10.

44. С учетом обстоятельств дела этот вывод делает ненужным рассмотрение вопроса, как того требовал один из заявителей, о наличии нарушения статьи 14 в сочетании со статьей 10 (см. *inter alia* судебное решение по делу *Эйри против Ирландии* от 9 октября 1979 г. Серия А, т. 32, с. 16, п. 30).

II. Применение статьи 50

45. Статья 50 Конвенции гласит: "Если Суд установит, что решение или мера, принятые судебными или иными властями Высокой Договаривающейся Стороны, полностью

или частично противоречат обязательствам, вытекающим из настоящей Конвенции, а также если внутреннее право упомянутой Стороны допускает лишь частичное возмещение последствий такого решения или такой меры, то решением Суда, если в этом есть необходимость, предусматривается справедливое возмещение потерпевшей стороне".

Суд рассмотрел требования заявителей в свете замечаний сторон и критериев, сформулированных в его судебной практике.

А. Ущерб

46. Только два заявителя выразили намерение получить компенсацию за материальный ущерб:

"Информационсферайн Лентиа" — в сумме 900 000 австрийских шиллингов и "Радио Мелоди" — 5 444 714,66 австрийского шиллингов.

Они исходили из предположения, что получили бы искомые лицензии, если бы законодательство Австрии соответствовало статье 10. Однако в свете свободы усмотрения, которой располагают в данной области власти, это предположение имеет чисто умозрительный характер, на что справедливо было указано представителем Комиссии. Поэтому никакая компенсация по этому основанию получена быть не может.

В. Издержки и расходы

47. Что касается издержек и расходов, то заявители потребовали соответственно 136 023,54 шиллинга ("Информационсферайн Лентиа"), 513 871,20 шиллинг (Хайдер), 390 115, 20 шиллингов ("Агора"), 519 871, 20 шиллинг (Вебер) и 605 012,40 шиллингов ("Радио Мелоди").

Правительство придерживается той точки зрения, что первая из указанных сумм является разумной, а остальные не должны превышать 165 тысяч шиллингов в возмещение расходов, понесенных в ходе разбирательства в Суде.

Произведя оценку на справедливой основе, Суд присудил 165 тысяч шиллингов каждому из следующих заявителей: "Информационсферайн Лентиа", "Агора" и "Радио Мелоди" за судебные разбирательства, проведенные в Австрии и в Страсбурге. Г-н Хайдер и г-н Вебер, которые предстали только перед учреждениями Конвенции, имеют право на 100 000 шиллингов каждый.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Постановил*, что имело место нарушение статьи 10 Конвенции;

2. *Постановил*, что Республика Австрия должна выплатить в течение трех месяцев в порядке компенсации издержек и расходов по 165 000 (сто шестьдесят пять тысяч) австрийских шиллингов каждому из следующих заявителей: "Информационсферайн Лентиа", "Агора" и "Радио Мелоди", и по 100 000 (сто тысяч) австрийских шиллингов заявителям Хайдеру и Веберу;

3. *Отклонил* оставшуюся часть требования о справедливом возмещении.

Совершено на английском и французском языках и оглашено во Дворце прав человека в Страсбурге 24 ноября 1993 г.

**Марк-Андре
Грефье**

**ЭйссенРольф Риссдал
Председатель**

IV.

ЙЕРСИЛД (JERSILD) против ДАНИИ

Судебное решение от 23 сентября 1994 г.

КРАТКОЕ НЕОФИЦИАЛЬНОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ДЕЛА

А. Основные факты

Во время событий, послуживших поводом для возникновения настоящего дела, г-н Йене Олаф Йерсилд, гражданин Дании, журналист на службе Датской радиовещательной корпорации, был откомандирован в распоряжение ее воскресной программы новостей "Санди ньюс мэгэзин".

31 мая 1985 г. газета "Информейшен" опубликовала статью, где описывались расистские настроения группы молодых людей, называвших себя "зеленые куртки", из Остербро в Копенгагене. В свете этой статьи редакторы "Санди ньюс мэгэзин" решили сделать документальный фильм о "зеленых куртках". В последующем заявитель вступил в контакт с представителями этой группы, пригласив троих из них участвовать в телевизионном интервью. Во время интервью, которое проводил заявитель, трое членов указанной группы отпускали оскорбительные и пренебрежительные замечания в адрес эмигрантов и иных этнических групп в Дании. Все это продолжалось примерно пять-шесть часов, из которых два или два с половиной часа были записаны на видеопленку. В последующем заявитель отредактировал и сократил сделанный из интервью фильм до нескольких минут. 21 июля 1985 г. он был передан в эфир Датской радиовещательной корпорацией.

В последующем были возбуждены уголовные дела: против трех молодых людей за их расистские заявления на основании статьи 266 (о) Уголовного кодекса, а против заявителя и руководителя отдела новостей Датской радиовещательной корпорации за оказание пособничества и подстрекательство к их распространению на основании статьи 266 (b) в сочетании со статьей 23. 24 апреля 1987 г. указанные лица были осуждены городским судом Копенгагена. Г-н Йерсилд был оштрафован на 1000 датских крон. Он и руководитель отдела новостей подали апелляцию на решение городского суда, которое, однако, было

поддержано Высоким Судом Восточной Дании и Верховным Судом.

В. Разбирательство в Комиссии по правам человека

Жалоба, поданная 25 июля 1989 г., в которой заявители утверждали, что стали жертвами нарушения статьи 10 Конвенции, была объявлена Комиссией приемлемой 8 сентября 1992 г.

В докладе от 8 июля 1993 г. Комиссия, установив обстоятельства дела, выразила мнение, что имело место нарушение статьи 10 (двенадцатью голосами против четырех).

Дело было передано в Суд Комиссией 9 сентября 1993 г., а Правительством Дании — 11 октября 1993 г.

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ

ВОПРОСЫ ПРАВА

I. О предполагаемом нарушении статьи 10

25. Заявитель настаивал, что его осуждение и приговор за пособничество и подстрекательство к распространению расистских замечаний нарушили его право на свободу слова в смысле статьи 10 Конвенции, которая гласит:

"1. Каждый человек имеет право на свободу выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны государственных органов и независимо от государственных границ. Настоящая статья не препятствует государствам осуществлять лицензирование радиовещательных, телевизионных или кинематографических предприятий.

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые установлены законом и которые необходимы в демократическом обществе в интересах государственной безопасности, территориальной целостности или общественного спокойствия, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нрав-

ственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия".

26. Правительство оспаривало это утверждение, тогда как Комиссия поддерживала его.

27. Общим во мнениях сторон является то, что меры, приведшие к возникновению дела заявителя, представляют собой вмешательство в осуществление им права на свободу слова.

Более того, данное вмешательство, несомненно, "предусмотрено законом", т.к. осуждение заявителя основывалось на статьях 226 (b) и 23 (1) Уголовного кодекса. В этом контексте Правительство указало, что первая из них была включена в законодательство во исполнение требований Конвенции ООН. Довод Правительства, как его понимает Суд, состоит в том, что хотя статья 10 Конвенции и подлежит применению, Суд, применяя п. 2 означенной статьи, должен учитывать, что соответствующие статьи Уголовного кодекса следует толковать и применять в широком смысле в соответствии с логикой Международной Конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации, принятой ООН в 1965 г. (см. п. 21 выше). Другими словами, статья 10 не должна толковаться таким образом, который бы ограничивал, допускал изъятия или сводил на нет право на защиту от расовой дискриминации на основании Конвенции ООН.

Наконец, бесспорно и то, что вмешательство преследовало правомерную цель, а именно "защиту репутации или прав других лиц".

Единственный спорный вопрос заключается в том, были ли такие меры "необходимыми в демократическом обществе".

28. Заявитель и Комиссия придерживались той точки зрения, что, несмотря на обязательства Дании как участника Конвенции ООН (см. п. 21 выше), необходимо найти справедливое равновесие между "защитой репутации или прав других лиц" и правом заявителя распространять информацию. Согласно заявителю, такой баланс намечен в одном из пунктов статьи 4 Конвенции ООН, где указывалось, что должное внимание должно быть уделено и принципам, содержащимся во Всеобщей декларации прав человека, и

правам, ясно изложенным в статье 5 настоящей Конвенции [ООН]. Этот пункт был внесен при подготовке проекта документа в связи с опасением ряда государств-членов, что требование статьи 4 (а): "[государства-участники] должны объявить уголовно наказуемым деянием всякое распространение идей, основывающихся на расовой ненависти или превосходстве", — имеет слишком всеохватывающий характер и могло бы вызвать трудности в отношении других прав человека, в частности, права на свободу слова и убеждений. Заявитель именно этим объяснял, почему Комитет Министров Совета Европы, обратившись к государствам-членам с призывом ратифицировать Конвенцию ООН, предложил, чтобы в акт ратификации было добавлено заявление о толковании, где подчеркивалась бы *inter alia* необходимость должного уважения к правам, содержащимся в Европейской Конвенции (Резолюция (68) 30, 31 октября 1968 г.).

Заявитель и Комиссия подчеркнули, что оскорбительные замечания, взятые в контексте телепередачи, в целом скорее демонстрировали глупость их авторов, представляли их в смешном свете, чем служили пропаганде их расистских взглядов. Общее впечатление от программы состояло в том, что она привлекала внимание общественности к вопросу, имеющему большое общественное значение, а именно расизму и ксенофобии. Заявитель умышленно включил оскорбительные заявления в свой телесюжет не с намерением содействовать распространению расистских представлений, а чтобы противодействовать им, разоблачить их. Заявитель настаивал на том, что он пытался показать, проанализировать и объяснить своим зрителям новый для Дании того времени феномен — появление у полуграмотной и социально уязвимой молодежи воинствующего расизма. Вместе с Комиссией он считал, что телепередача не могла оказать существенного отрицательного воздействия на "репутацию или права других лиц". Интересы защиты свободы слова заявителя, таким образом, брали верх над интересами защиты последних.

Кроме того, заявитель утверждал, что если бы Закон об ответственности средств информации 1991 г. уже вступил в силу на рассматриваемый период времени, то ему бы не грозило судебное преследование, т.к. согласно этому акту

ответственность за наказуемое заявление в принципе должен нести только его автор. Это подрывает довод Правительства о том, что его осуждение требовалось по Конвенции ООН и являлось "необходимым в демократическом обществе" в смысле статьи 10.

29. Правительство, возражая, утверждало, что заявитель отредактировал телесюжет, посвященный "зеленым курткам", в сенсационном, а не информативном ключе и что информационная или новостная ценность была минимальной. Телевидение является мощным средством воздействия, и большинство датчан обычно смотрят передачи новостей, в которых был показан этот сюжет. Заявитель, зная, что это может повлечь уголовную ответственность, тем не менее, подстрекал "зеленые куртки" к расистским заявлениям перед телекамерой и ничего не противопоставил им в своей программе. Слишком хитроумно было бы предполагать, что зрители не примут эти замечания за чистую монету. Нельзя придавать значение тому обстоятельству, что на передачу поступило лишь небольшое количество жалоб, т.к. из-за отсутствия информации и недостаточного знания датского языка и даже из страха насильственных репрессалий со стороны расистов жертвы оскорбительных комментариев, вероятно, боялись жаловаться. Заявитель, таким образом, не справился с "обязанностями и ответственностью", лежащими на нем как на тележурналисте. Наложённый на него штраф находится на нижней границе шкалы санкций, применяемых за правонарушения, предусмотренные статьей 206 п. (b), и потому маловероятно, чтобы это могло устроить кого-либо журналиста, пожелавшего внести лепту в общественную дискуссию о расизме и ксенофобии; он лишь служит публичным напоминанием о том, что к расистским высказываниям следует относиться всерьез и нетерпимо.

Более того, Правительство оспаривало утверждение, что вопрос рассматривался бы иначе, если бы в рассматриваемый период Закон об ответственности средств информации 1991 г. уже действовал. Норма, согласно которой ответственность за наказуемое заявление может быть возложена только на его автора, знает несколько исключений (см. п. 20 выше); вопрос о том, как стало бы рассматриваться дело заявителя в соответствии с Законом 1991 г., является чисто умозрительным.

Правительство подчеркнуло, что на всех трех уровнях рассмотрения суды Дании, которые в принципе находятся в лучшем положении, чем Европейский Суд, чтобы судить о воздействии программы на население страны, провели тщательное сопоставление всех вовлеченных в дело интересов. Проведенное судами рассмотрение аналогично тому, которое производится на основании статьи 10; их решения лежат в предоставленной национальным властям сфере усмотрения и соответствуют неотложной социальной потребности.

30. Суд хотел бы с самого начала подчеркнуть, что он полностью сознает насущную необходимость борьбы с расовой дискриминацией во всех ее формах и проявлениях. Возможно, правильно, как предположил заявитель, что в результате последних событий понимание опасности расовой дискриминации сегодня острее, чем в рассматриваемый период, т.е. десять лет назад. Тем не менее, вопрос уже тогда приобрел всеобщую значимость, что иллюстрируется принятием в 1965 г. Конвенции ООН. Следовательно, цель и назначение Конвенции ООН имеют большую важность при определении того, было ли осуждение заявителя, — которое, как подчеркивает Правительство, основывалось на положении Закона, принятого, чтобы обеспечить выполнение Данией своих обязательств по Конвенции ООН, — "необходимым" в смысле статьи 10 п. 2.

Обязательства Дании в соответствии со статьей 10 должны в меру возможного толковаться так, чтобы они были совместимы с ее обязательствами в соответствии с Конвенцией ООН. В задачу Суда не входит толкование статьи 4 Конвенции ООН. Однако Суд придерживается мнения, что применение в настоящем деле статьи 10 Европейской Конвенции совместимо с обязательствами Дании по Конвенции ООН.

31. Отличительной чертой настоящего дела является то, что сам заявитель не делал предосудительных заявлений, а лишь содействовал их распространению в качестве телевизионного журналиста, ответственного за программу новостей Датской радиовещательной корпорации (см. п. 9—11 выше). При оценке того, были ли его осуждение и вынесение приговора "необходимыми", Суд, таким образом, должен будет принять во внимание принципы, установленные в его судебной практике применительно к роли прессы (как

они были суммированы, например, в решении по делу "Обсервер" и "Гардиан" от 26 ноября 1991 г. Серия А, т. 216, с. 29—30, п. 59).

Суд вновь подчеркнул, что свобода слова является одной из главных опор демократического общества и что предоставляемые прессе гарантии имеют особое значение (там же). Пресса, выполняя возложеную на нее функцию распространения информации и идей в общественных интересах, не должна преступать пределов, установленных *inter alia* в интересах "защиты прав и репутации других лиц". В то время, как на прессу возлагается задача распространять такие информацию и идеи, общественности предоставляется право получать их. Если бы это было иначе, то пресса была бы не в состоянии играть свою жизненно необходимую роль "сторожевого пса общественности" (там же). Эти принципы, хотя они и были сформулированы прежде всего в отношении печатных средств информации, без сомнения, применимы и к аудиовизуальным средствам информации.

При рассмотрении "обязанностей и ответственности" журналиста потенциальное воздействие соответствующего средства информации является важным фактором; повсюду признается, что аудиовизуальные средства информации часто обладают значительно более непосредственным и мощным воздействием, чем печать (см. *Перселлс и другие против Ирландии*, решение Комиссии о приемлемости от 16 апреля 1991 г., жалоба № 15404/89, D.R. т. 70, с. 262). Аудиовизуальные средства информации способны с помощью образов передавать смысл, который не в силах донести печатные средства информации.

В то же время методы объективного и сбалансированного репортажа могут существенно варьироваться в зависимости от других особенностей средства информации. Ни данному Суду, ни национальным судам не подобает подменять в этом вопросе своими собственными взглядами суждения прессы относительно того, к какой технике репортажа следует прибегать журналистам. В этом контексте Суд напоминает, что статья 10 защищает не только содержание выражаемых идей и информации, но и форму их передачи (см. решение по делу Обершлика от 23 мая 1991 г. Серия А, т. 204, с. 24, п. 57).

Суд будет рассматривать обжалуемое вмешательство в свете дела в целом и определит, являются ли основания,

выдвигаемые национальными властями в его оправдание, соответствующими и достаточными, и были ли использованные средства соразмерны с преследуемой правомерной целью (см. вышеупомянутое решение по делу "Обсервер" и "Гардиан", с. 29—30, п. 59). Поступая так, Суд должен убедиться также в том, что национальные власти применяли нормы, соответствующие принципам статьи 10, и, более того, что их применение основывалось на приемлемой оценке обстоятельств, относящихся к делу (см., например, решение по делу Швабе от 28 августа 1992 г. Серия А, т. 242-В, с. 32—33, п. 29).

Оценка Суда должна учитывать манеру, в которой был подготовлен телесюжет о "зеленых куртках", его содержание, контекст, в котором он вышел в эфир, и цели программы. Учитывая обязательства, взятые на себя государствами на основании Конвенции ООН и других международных договоров, принимать эффективные меры для ликвидации всех форм расовой дискриминации, предотвращения распространения и борьбы с расистскими учениями и практикой (см. п. 21 выше), важным аспектом анализа Суда будет оценка, насколько сюжет, о котором идет речь, если его рассматривать как целое, объективно выглядел как способствовавший пропаганде расистских взглядов и идей.

32. Национальные суды особенно подчеркивали то обстоятельство, что заявитель сам взял на себя инициативу по подготовке телесюжета о "зеленых куртках" и что он не только заранее знал, что во время интервью будут, вероятно, сделаны расистские заявления, но и поощрял такие заявления. Он отредактировал программу таким образом, чтобы включить в нее оскорбительные утверждения. Без его активного участия эти замечания не были бы распространены среди широкого круга лиц и не были бы, таким образом, наказуемы (см. п. 14, 18 выше).

Суд убедился, что это были надлежащие основания в целях статьи 10 п. 2.

33. С другой стороны, говоря о содержании сюжета о "зеленых куртках", следует отметить, что телевизионный ведущий начал представление программы со ссылки на недавнюю дискуссию в обществе и выступления в прессе по поводу расизма в Дании, приглашая тем самым зрителя смотреть передачу под этим углом зрения. Далее он объявил, что цель данной передачи состоит в том, чтобы затронуть

определенные аспекты проблемы, опознать в некоторых людях расистов, дав описание их ментальности и социального происхождения. Нет оснований сомневаться в том, что последовавшие интервью выполнили эту задачу. Взятый в целом, данный телесюжет объективно был не похож на материал, цель которого состояла в пропаганде расистских идей и взглядов. Напротив, в нем очевидно стремление при помощи интервью выставить на всеобщее обозрение, проанализировать и объяснить поведение именно этой группы молодых людей, ограниченных и недовольных своим социальным положением, склонных к насилию и уже имеющих судимость. Таким образом, были затронуты специфические аспекты проблемы, которая уже тогда вызывала большую озабоченность общественности.

Верховный Суд отметил, что новостная или информационная ценность телесюжета была недостаточна, чтобы оправдать распространение оскорбительных замечаний (см. п. 18 выше). Однако в свете принципов, изложенных в п. 31 выше, Суд не видит причин для того, чтобы ставить под вопрос оценку намерений сотрудников редакции "Санди ньюс мэгэзин" или информационной ценности оспариваемого телесюжета, которые легли в основу их решения подготовить сюжет и выпустить его в эфир.

34. Более того, следует иметь в виду, что данный сюжет был передан в эфир как часть серьезной датской программы новостей, и он был рассчитан на хорошо информированную аудиторию (см. п. 9, выше).

Суд не убедил довод, также подчеркнутый национальными судами (см. п. 14 и 18 выше), что телесюжет о "зеленых куртках" был представлен без попыток что-либо противопоставить выраженным в нем экстремистским взглядам. Как представление сюжета телевизионным ведущим, так и поведение самого заявителя во время интервью показывают, что он отчетливо отмежевался от опрашиваемых, например, характеризуя их как "группу экстремистски настроенной молодежи", сторонников Ку-клукс-клана и ссылаясь на уголовное прошлое некоторых из них. Заявитель также парировал некоторые расистские заявления, напомнив, например, что есть чернокожие люди, которые выполняют важную работу. И, наконец, не следует забывать, что взятая в целом кинозарисовка показывала, что

расистские заявления были только частью общей антисоциальной установки "зеленых курток".

По общему признанию, телесюжет не напоминал специально об аморальности, опасности и противозаконности распространения расовой ненависти или идей превосходства одной расы. Однако, учитывая вышеупомянутые элементы противопоставления и ограниченные возможности краткого сюжета в рамках общей программы, а также журналистскую самостоятельность в выборе использования форм выражения, Суд не считает отсутствие таких напоминаний в профилактических целях существенным.

35. Репортажи, строящиеся на интервью, отредактированных или не отредактированных, представляют собой одно из важнейших средств, при помощи которых пресса может играть свою исключительно важную роль "сторожевого пса общественности" (см., например, вышеупомянутое судебное решение по делу "Обсервер" и "Гардиан", с. 29—30, п. 59). Наказание журналистов за содействие в распространении заявлений, сделанных другим лицом по ходу интервью, могло бы серьезно помешать прессе вносить свой вклад в обсуждение проблем, представляющих общественный интерес, если только речь не идет об особо серьезных ситуациях. В этом отношении Суд не приемлет довода Правительства о незначительном размере штрафа; единственное, что имеет значение, так это факт осуждения журналиста.

Нет сомнений, что высказывания, за которые были осуждены "зеленые куртки" (см. п. 14 выше), были более чем оскорбительны для лиц, принадлежавших к тем группам, против которых они были нацелены, и что такие замечания не пользуются защитой статьи 10 (см., например, решения Комиссии о приемлемости по делам Глиммервеена и Хагенбека, жалобы № 8348/78 и № 8406/78. D.R. 18, с. 187; и дело Кюнена, жалоба № 12194/86. D.R. 56, с. 205). Однако, даже учитывая манеру, в которой заявитель подготовил телевизионный сюжет о "зеленых куртках" (см. п. 32 выше), не было доказано, что данный телесюжет, взятый в целом, оправдывал осуждение и наказание журналиста за преступление, предусмотренное Уголовным кодексом.

36. Более того, никем не оспаривается, что при подготовке телепередачи заявитель не преследовал расистских целей. Хотя он и ссылался на это при

разбирательстве дела внутренними судами, из мотивировочной части соответствующих судебных решений не видно, чтобы они приняли во внимание это обстоятельство (см. п. 14, 17 и 18 выше).

37. С учетом вышеизложенного, основания, выдвинутые в поддержку осуждения заявителя и вынесения обвинительного приговора, недостаточны для того, чтобы со всей убедительностью установить, что имевшее место вмешательство в осуществление его права на свободу слова было "необходимым в демократическом обществе", а использованные при этом средства были соразмерны с преследуемой правомерной целью защиты "репутации или прав других лиц". Соответственно это вмешательство привело к нарушению статьи 10 Конвенции.

II. Применение статьи 50

38. Г-н Йерсилд потребовал справедливого возмещения на основании статьи 50, которая гласит:

"Если Суд установит, что решение или мера, принятые судебными или иными властями Высокой Договаривающейся Стороны, полностью или частично противоречат обязательствам, вытекающим из настоящей Конвенции, а также если внутреннее право упомянутой Стороны допускает лишь частичное возмещение последствий такого решения или такой меры, то решением Суда, если в этом есть необходимость, предусматривается справедливое возмещение потерпевшей стороне".

39. Правительство часть его требований приняло. Комиссия отказалась от каких-либо комментариев.

A. Возмещение вреда

40. Заявитель потребовал, чтобы 1000 крон — сумма наложенного на него штрафа — были возмещены Датской радиовещательной корпорации, которая временно уплатила за него штраф.

41. Правительство не возражает, и Суд считает, что указанная сумма должна быть присуждена.

B. Моральный вред

42. Заявитель потребовал 20 000 крон — в качестве компенсации за моральный вред. Он настаивал, что вред был причинен его профессиональной репутации, а сам он тяжело пережил свое осуждение.

43. Суд отмечает, что заявитель по-прежнему работает в "Санди ньюс мэгэзин" в Датской радиовещательной корпорации и что его работодатель оказывал ему поддержку на протяжении судебного разбирательства, *inter alia* заплатив за него штраф (см. п. 9, 40 выше) и оплатив судебные издержки (см. п. 44 ниже). Он согласен с Правительством, что в этом отношении само установление факта нарушения статьи 10 представляет собой адекватное справедливое возмещение морального вреда.

C. Издержки и расходы

44. В отношении издержек и расходов заявитель потребовал:

(a) 45 000 крон за работу, проделанную его адвокатом г-ном Дж. Стокгольмом в ходе разбирательства во внутренних судах;

(b) за судебные издержки, понесенные в ходе разбирательства в Страсбурге, 13 126,80 крон для г-жи Иоганнесен, 6900 фунтов стерлингов для г-на Бойле и 50 000 крон (исключая 25%-ный налог на добавленную стоимость) для г-на Триера;

(c) 20 169,20 крон на покрытие расходов по письменному и устному переводу, а также за экспертные заключения;

(d) 25 080 крон, 965,40 фунтов и 4075 французских франков за транспортные расходы и расходы по проживанию, понесенные в связи со слушаниями в Европейской Комиссии и Суде, а также прочие расходы.

Часть вышеупомянутых издержек и расходов была временно оплачена Датской радиовещательной корпорацией.

45. Правительство не возражало против вышеуказанных требований. Суд считает, что заявитель имеет право на полное возмещение означенных сумм. Они должны быть увеличены в зависимости от налога на добавленную стоимость, который может быть на них начислен.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД

1. *Постановил* двенадцатью голосами против семи, что имело место нарушение статьи 10 Конвенции;

2. *Постановил* семнадцатью голосами против двух, что в течение трех месяцев Дания должна выплатить заявителю 1000 (тысячу) датских крон в качестве компенсации за имущественный ущерб; а за издержки и расходы — сумму, которая должна быть определена в соответствии с условиями, изложенными в п. 45 настоящего судебного решения;

3. *Отверг* единогласно оставшуюся часть требования о справедливом возмещении.

Совершено на английском и французском языках и оглашено на публичном заседании во Дворце прав человека в Страсбурге 23 сентября 1994 г.

Герберт Петцольд
Исполняющий обязанности Грегфье

Рольф Риссдал
Председатель

В соответствии со статьями 51 п. 2 Конвенции и 53 п. 2 Регламента Суда к настоящему решению прилагаются отдельные мнения судей.

СОВМЕСТНОЕ ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЕЙ РИССДАЛА, БЕРНХАРДТА, ШПИЛЬМАНА И ЛОИЗУ

1. Наш Суд впервые столкнулся с делом, касающимся распространения расистских высказываний, которые отрицают принадлежность к "человеческим существам" большой группы людей. В своих более ранних решениях Суд, на наш взгляд, справедливо подчеркивал большое значение для демократического общества свободы печати и средств информации в целом, но ему ни разу не приходилось рассматривать ситуацию, где "репутация или права других лиц" (статья 10 п. 2) оказывались до такой степени в опасности.

2. Мы согласны с большинством (п. 35 судебного решения), что высказывания самих "зеленых курток" "не

пользуются защитой статьи 10". То же самое должно относиться к журналистам, которые распространяют подобные высказывания с благожелательным комментарием или с одобрением. Этого однозначно нельзя сказать о заявителе. Поэтому, по общему мнению, трудно найти правильный баланс между свободой прессы и защитой других лиц. Но большинство Суда придало гораздо большее значение свободе журналиста, чем защите тех, кто вынужден страдать от расовой ненависти.

3. И из письменного текста интервью (п. 11 судебного решения), и из видеопленки, который мы смотрели, очевидно, что замечания "зеленых курток" не могут быть терпимы в обществе, основанном на соблюдении прав человека. Заявитель сократил полный текст интервью до нескольких минут, вследствие чего и даже наверное умышленно в нем были оставлены самые грубые замечания. Раз это так, то было совершенно необходимо дополнить его, по крайней мере, четко выраженной неодобрительной фразой. Большинство Суда усматривает такое неодобрение в контексте всего интервью. Но это лишь толкование загадочного молчания. Никто не может исключить, что некоторая часть аудитории нашла в данном телевизионном сюжете подтверждение своим расистским предрассудкам.

А каковы должны быть чувства тех, чье человеческое достоинство стало мишенью и даже вовсе отрицалось "зелеными куртками"? Могло ли у них сложиться впечатление, что, если смотреть в контексте, данная телевизионная передача содействует их защите? В подобной ситуации добрых намерений журналиста недостаточно, особенно там, где он сам спровоцировал расистские заявления.

4. Международная Конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации, возможно, не требует наказания журналистов, ответственных за подготовку телесюжетов такого рода. С другой стороны, она поддерживает точку зрения, что средства информации тоже обязаны занять четкую позицию в вопросе о расовой дискриминации и ненависти.

5. Угроза расовой дискриминации и преследований в нашем обществе, конечно, является серьезной проблемой, и Суд справедливо подчеркнул огромную важность борьбы с расовой дискриминацией во всех ее формах и проявлениях (п. 30 судебного решения). Датские суды полностью сознают, что защита лиц, чье человеческое достоинство попирается, должна быть соотнесена с правом на свободу слова. Они тщательно

проанализировали ответственность заявителя, и основания для их вывода были совершенно уместны. Защита расовых меньшинств не может быть менее значимой, чем право на распространение информации, а в конкретных обстоятельствах настоящего дела данному Суду не следовало, по нашему мнению, подменять собственным балансом конфликтующих интересов тот, что был найден Верховным Судом Дании. Мы убеждены, что датские суды действовали в пределах сферы усмотрения, которая должна быть оставлена государствам-участникам в этой чувствительной области. Соответственно, решения датских судов нельзя рассматривать как ведущие к нарушению статьи 10 Конвенции.

СОВМЕСТНОЕ ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЕЙ ГЁЛЬКЮКЛЮ, РУССО И ВАЛЬТИКОСА

Мы не можем разделить мнение большинства Суда по делу Йерсилда. Действительно, в этом деле спор идет по поводу двух важнейших принципов, один из них — это свобода слова, нашедшая воплощение в статье 10 Конвенции, другой — запрет брать под защиту расовую ненависть, что, безусловно, является одним из ограничений, разрешенных статьей 10 п. 2, а, кроме того, служит объектом основополагающих документов по правам человека, принятых Генеральной Ассамблеей ООН, в особенности Конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 г. Очевидно, что данная Конвенция не может игнорироваться при применении Европейской Конвенции. Более того, она является для Дании обязательной. Ею должен также руководствоваться в своих решениях Европейский Суд по правам человека, в частности, в отношении содержания, которое она придает терминам, используемым в Европейской Конвенции и установленным Конвенцией в общей форме исключениям.

В данном деле сделанные расистские заявления были охотно воспроизведены в передаче Датского телевидения без какой-либо существенной реакции со стороны комментатора, что фактически равносильно подстрекательству к неуважению иностранцев вообще, но особенно чернокожих людей, описываемых как принадлежащих к низшей, недочеловеческой расе ("нигеры... не люди... Возьмите фотографию гориллы, а затем взгляните на нигера, у них одинаковое строение тела... Ниггер не человек, это животное, что верно также и в отношении

всех иностранных рабочих, турков, югославов и прочих, как бы они ни назывались").

Несмотря на то, что мы ценим особое значение, которое придают свободе слова некоторые судьи, тем более, что совсем недавно их страны были ее лишены, мы не можем принять того, чтобы эта свобода распространялась и на подстрекательство к расовой ненависти, и на презрение к народам иным, чем тот, к которому мы принадлежим, и на апологию применения насилия по отношению к указанным народам. Прозвучало требование защитить телепередачу на том основании, что она вызовет здоровую реакцию отторжения у зрителей. Но это было бы проявлением оптимизма, который, мягко говоря, опровергается опытом. Сегодня большие группы молодых людей, и даже всего населения, выбитые из колеи трудностями жизни, безработицей и бедностью, жаждут только одного — найти "козлов отпущения", которых им и предлагают без каких-либо реальных слов предостережения. В данном случае — и это весьма важный момент — журналист, ответственный за подготовку передачи, о которой идет речь, не сделал никакой реальной попытки оспорить взгляды, представленные в передаче, что было необходимо, если ее воздействие планировалось сбалансировать, по крайней мере, для зрителей.

Раз это так, мы полагаем, что, приняв меры уголовного характера, более того, весьма умеренные, судебные учреждения Дании никоим образом не нарушили статью 10 Конвенции.

ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ СОВМЕСТНОЕ ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЕЙ ГЁЛЬКЮКЛЮ И ВАЛЬТИКОСА

Мы проголосовали против п. 2 постановляющей части судебного решения, потому что мы твердо убеждены, что заявитель был не прав, никак не отреагировав на апологию расизма, поэтому мы считаем неоправданным присуждение ему какой бы то ни было компенсации.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
Общие замечания, касающиеся ст. 10.....	5

Моника Маковей,

член Координационного комитета Совета Европы, преподаватель
Национального института журналистики, адвокат

Защита свободы выражения своего мнения (ч. 1 ст. 10 Конвенции)7

Что гарантирует часть 1 ст. 10 Конвенции?.....	7
Свобода придерживаться своего мнения.....	10
Свобода распространять информацию и идеи.....	10
Свобода получать информацию и идеи.....	14
Свобода печати.....	14
Свобода радио- и телевидения.....	17

Система ограничений, налагаемых на осуществление права на свободу выражения своего мнения (ч. 2 ст. 10 Конвенции)19

Осуществление этих свобод... может быть сопряжено с.....	19
Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность.....	20
Формальности, условия, ограничения или штрафные санкции.....	24
Три требования для законного вмешательства в свободу выражения своего мнения.....	29
Осуществление этих свобод... может быть сопряжено с... ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом.....	31
Осуществление этих свобод... может быть сопряжено с такими...ограничениями..., которые...необходимы...в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия.....	35

Осуществление этих свобод... может быть сопряжено с... ограничениями..., которые... необходимы в демократическом обществе.....	37
Свобода выражения своего мнения и национальная безопасность.....	39
Свобода выражения своего мнения и предотвращение беспорядков или преступлений.....	50
Свобода выражения своего мнения и защита нравственности.....	55
Свобода выражения своего мнения и защита репутации или прав других лиц.....	58
Свобода выражения своего мнения и обеспечение авторитета и беспристрастности правосудия.....	70
Защита журналистских источников и правомерные цели.....	74

Е.А. Чефранова,

профессор Российской правовой академии Министерства юстиции
Российской Федерации

Комментарий.....	77
Приложение.....	102

**ЕВРОПЕЙСКАЯ КОНВЕНЦИЯ
О ЗАЩИТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ОСНОВНЫХ СВОБОД**

**Статья 10.
Право на свободу выражения
своего мнения**

Прецеденты и комментарии

*Моника Маковей
Е.А. Чефранова*

Редактор О.В. Лужина
Корректор М.Р. Василенко
Компьютерная верстка Е.Ю.Елистратова
Художник В.Б. Касякин

Лицензия ИД № 01041 от 23.02.2000 г.
Подписано в печать 3.08.2001 г.
Формат 60x88 1/16. Объем 9,5 п.л. Тираж 17000 экз.
Российская академия правосудия
Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69